

Министерство образования и науки Российской Федерации
Южно-Уральский государственный университет
Кафедра философии

Ю.я7
Ф563

Гредновская Е.В., Пеннер Р.В., Дыдров А.А., Миляева Е.Г.

ФИЛОСОФСКИЙ ТЕКСТ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Учебное пособие

Челябинск
Издательский центр ЮУрГУ
2017

ББК Ю.я7 + Ю3(0).я + Ю22.я7
Ф563

*Одобрено
учебно-методической комиссией
Института социально-гуманитарных наук*

*Рецензенты:
В.С. Невелева, Т.В. Никанорова*

Философский текст: теория и практика: учебное пособие /
Ф563 Е.В. Гредновская, Р.В. Пеннер, А.А. Дыдров, Е.Г. Миляева. –
Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2017. – 152 с.

Учебное пособие посвящено самостоятельной работе студентов над философскими текстами. Сюда включены рекомендации по работе над текстами учебников, словарных статей и первоисточников в разнообразных формах их анализа, а также даны рекомендации авторской работы по написанию рефератов, научных статей и философских эссе. Тематика пособия представлена в форме учебно-методических разработок, как для самостоятельной работы студентов, так и в сотрудничестве с преподавателями.

ББК Ю.я7 + Ю3(0).я + Ю22.я7
© Издательский центр ЮУрГУ, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. Философский текст и его жанровое многообразие.	4
Часть I. АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПИСЬМЕННОГО ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА.	13
Раздел 1. Работа с текстом философских определений глоссария и словарных статей	13
1.1. Таблицы терминологического соответствия	14
1.2. Тестовый анализ словарных определений	16
1.3. Авторский анализ словарных определений	18
Раздел 2. Работа с текстом учебников и хрестоматий по философии	23
2.1. Таблицы соответствия персоналий и философских направлений	23
2.2. Анализ фрагментов текста учебников	26
2.3. Анализ фрагментов текста хрестоматий.	30
Раздел 3. Работа с текстом первоисточников	35
3.1. Философское вопрошание в интерпретации первоисточника	35
3.2. Выявление и анализ структуры философской статьи	62
3.3. Использование ключевых идей статьи в осмыслении философского текста	63
Часть II. СОЗДАНИЕ ПИСЬМЕННОГО ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА	88
Раздел 1. Работа над текстом реферата	88
1.1. Реферирование философской тематики как форма организации текста	88
1.2. Виды рефератов	89
1.3. Алгоритм организации реферата.	89
Раздел 2. Работа над научной статьей	94
2.1. Научная публикация как жанр	95
2.2. Алгоритм структурирования материала	96
2.3. Образец оформления научной статьи	99
Раздел 3. Философское эссе.	106
3.1. Эссеизм как форма рефлексии.	106
3.2. Алгоритм написания эссе.	109
3.3. Примеры эссе.	110
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	116
ГЛОССАРИЙ.	118
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	147

ВВЕДЕНИЕ

Философский текст и его жанровое многообразие

Текст есть ткань из молчания и слова.
...Выбор между ловким и неловким словом
не первый и не главный в так называемой работе с текстом.
Более важный выбор проходит между молчанием и словом,
т.е. риском, так или иначе, задеть истину.
Владимир Бибихин. Молчание // Язык философии

Текст, представляя собой систему знаков, обладающих структурным, семантическим и функциональным единством является целостным образованием¹. Однако *философский текст* в отличие от любого другого текста и текста вообще, имеет особую природу.

Современные исследователи, раскрывая понятие «философский текст», приводят следующие его характеристики: «философский текст существует лишь постольку, поскольку он имеет некоторую регулярность и правилосообразность... постольку, поскольку там есть терминология, которая и фиксирует эту регулярность»; философский текст «возникает как результат особого «вживания» в текст, то есть постановки себя в каком-то смысле на место автора»; философский текст можно рассматривать «как знаковую форму коммуникативной репрезентации философского осмысления бытия»; это некий механизм, который «перераспределяет порядок языка», трансформирует представленную в тексте реальность, порождая новые смыслы².

В отношении философского текста в научном мире используется также понятие «идеальный философский текст»³, или «*текст-инвариант*». Здесь имеется в виду то, что функционирование текста в разные исторические эпохи порождает его разделение на варианты. Философский текст раскладывается на подтексты (античный, средневековый и т.п.), из которых каждый делится на подтексты определенных философских направлений (стоики, схоласты и т.п.) и авторские подтексты (философский текст Аристотеля, философский текст Гегеля и т.п.), в силу чего и может рассматриваться как самостоятельно организованный. Структурирующей характеристикой текста в этом случае становятся определенные отношения между уровнями. По мнению Лотмана, именно внутри- и междууровневые устойчивые связи придают тексту характер инварианта⁴. Именно текст-инвариант и называют

¹Иванова Е.В. «Идеальный философский текст» в истории философии. URL: http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/296-article_6-7.html

² Цит. по: там же

³ Там же

⁴ Там же

«идеальным текстом» который определяется пониманием сущности философии в каждую эпоху. А сущность философии, в свою очередь, определяется предметом философии и методом философии.

В зависимости от понимания философии в каждую эпоху существует свой инвариант, свое понимание «идеального философского текста», где при построении философского текста автор берет за основание какую-либо философскую дисциплину. Поэтому основанием «идеального философского текста» будет общее основание философских текстов того или иного периода. Дополнительные же дисциплины «идеального философского текста» могут быть представлены в разном соотношении у разных философов.

Так если проблемой, решаемой древнегреческой философией, является по преимуществу проблема устройства мира, то основанием античного «идеального философского текста» выступает онтология. Если главным свойством средневековой философии становится разум, подчиненный вере, а абсолютная истина содержится только в догматах церкви, то средневековый «идеальный философский текст» строится на теологии. Эпоха Возрождения возвращает философии интерес к человеку в его отношениях с миром и богом. По сути ренессансный «идеальный философский текст» содержит в себе две широкие проблемы: что такое мир и что такое человек. Центральной проблемой философии Нового времени является проблема познаваемости мира (в том числе и бога). Этой проблеме подчиняются все остальные вопросы. Однако онтологические проблемы философии Нового времени непосредственно подчинены гносеологическим: развитие техники приводит к возвышению человека над миром природы, миром бытия, что и задает специфику «идеального философского текста» этого периода и т.д.⁵

«Идеальный философский текст» определяется также пониманием философии, задает философу метод и способ философствования. То есть соответствие «идеальному философскому тексту» для философа есть средство обоснования мыслей. Но при этом авторская система смыслов также представляет собой «идеальный философский текст», только в более узком смысле. Таким образом, способ философствования определяется как минимум двумя «идеальными философскими текстами»: «текстом» эпохи и личным «текстом».

Кроме того, философы, в частности, представители герменевтики, обозначают еще и *абсолютную модель «идеального философского текста»*, своего рода *«инвариант инвариантов всех текстов»*. Это становится возможным в силу того, что с точки зрения герменевтики, текст обладает рядом свойств: во-первых, структурностью, где структура текста

⁵ Иванова Е.В. «Идеальный философский текст» в истории философии. URL: http://www.analculturolog.ru/journal/archive/item/296-article_6-7.html

может быть каждый раз организована различными способами и задает подвижность всех элементов текста, и, во-вторых, нелинейностью, где все элементы текста соединяются не последовательно, а по принципу гипертекста. Поэтому герменевты полагают, что «часть смысла текста всегда ускользает от понимания», и читатель воспринимает всегда только часть смыслов, заложенных автором, т.к. восприятие читателя ограничено социально-историческим контекстом (уровнем образования, эпохой и т.д.)⁶. Кроме того, сам текст способен накапливать смыслы, в силу чего реципиент понимает больше смыслов, чем изначально было заложено автором.

Итак, в «идеальном тексте» представлены все возможные элементы текста. Если в лингвистике элементом текста выступает любой его фрагмент (слово, знак препинания, фраза, грамматическая форма), оказывающий значимое влияние на восприятие текста, то элементами философского текста будут выступать определенные смыслы различных философских дисциплин, а точнее – понятия, категории, концепты, конструкты, принципы и экзистенциалы. При таком подходе можно дать следующее определение термину «философский текст»: *это система вариантов, объединенная одним инвариантом – «идеальным философским текстом».*

«Идеальный философский текст» обладает некоторыми свойствами, отличными от свойств *конкретного философского текста*. То есть вариантами «идеального философского текста» будут его конкретные реализации, а именно минимальным вариантом минимального «идеального философского текста» будет конкретный текст конкретного автора. При этом главной характеристикой «идеального текста» является его открытость для разных трактовок и способность к постоянному трансформированию. Таким образом, философ, имея инвариант как основу своего текста, реализует варианты этого текста – варианты «идеального философского текста». Из всех возможных философских дисциплин и смыслов в тексте оказываются актуализированы только те, которые отвечают прагматической цели философа или эпохи. Автор не просто репрезентирует действительность по принципу «что вижу, то пою», а создает возможную ее модель. Поэтому философский текст представляет собой не модель действительности, а *сознательно конструируемую возможную модель действительности*.

Философский текст может быть также рассмотрен как *дискурсивная практика*, т.к. он разбивается на множество языков. С этой точки зрения особенности *языка философского текста*, его структура и философские

⁶ Иванова Е.В. «Идеальный философский текст» в истории философии. URL: http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/296-article_6-7.html

категории предполагают рассматривать философский текст как *процесс конструирования философской коммуникации*⁷.

Эта особенность связана с тем, что между универсумом повседневного мышления и языка, с одной стороны, и универсумом философского мышления и языка, с другой стороны, существует неустранимое различие. В нормальных обстоятельствах обыденный язык – это, прежде всего, язык поведения, практический инструмент, в то время как в философском тексте или дискурсе понятия «субстанция», «идея», «человек», «отчуждение», не подразумевают никакой трансформации значения в поведенческую реакцию. Слово остается как бы неосуществленным, оно остается только в мышлении, где оно может лишь дать толчок другим мыслям, суждение может войти в практику, формируя и направляя ее, только через длинный ряд опосредований внутри исторического континуума (Маркузе)⁸.

Анализируя слова обыденного языка, философский язык становится «метаязыком». Переводя установившийся опытный контекст значения в контекст его действительности он абстрагируется от непосредственной конкретности ради того, чтобы достичь истинной конкретности. Таким образом, язык философии – это процесс преобразования культуры при помощи создания философских произведений (систем категорий), а также их воспроизводства в форме философских текстов.

Согласно В. Библеру, основой онтологии культуры, является произведение, которое воплощает собственное бытие человека⁹. В силу этого особенность философского произведения заключается в том, что оно моделирует ситуацию общения автора и читателя, которая воплощается в тексте. Философское произведение выступает определенным результатом философского творчества, которое предстает в виде системы философских категорий.

Помысли М. Хайдеггера, изначальный греческий смысл слова «категория» был связан с практикой публичного собрания людей, в отличие от закрытого собрания. Поэтому «категория» означала то, что «открывание, обнаружение совершается через слово, поскольку это последнее ославляет некоторую вещь – вообще нечто сущее в том, что она (оно) есть, именуя ее как такую-то и так-то существующую»¹⁰. Таким образом, *категории* фиксируя особенность языка философии, указывают на *предмет* философского мышления. Сущность философских рассуждений составляет то, о чем *умалчивает обыденная речь*, но что

⁷ М.В. Зубова. Философский текст как философская коммуникация. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskiy-tekst-kak-filosofskaya-kommunikatsiya>

⁸ Там же

⁹ Там же

¹⁰ Там же

зафиксировано в категориях как основополагающих философских понятиях.

Именно категории, согласно Хайдеггеру, определяют способ понимания, который в контексте европейского рационализма оформляется в виде «высказывания» или «суждения». Философские категории формируют философскую проблематику в виде вопрошания о «бытии и мышлении» или о «существовании и мышлении». Философские категории, пишет М. Хайдеггер, совсем не то, что можно было бы выучить, повторить за учителем или человеком, именующим себя философом, и применить на практике. Философские категории фиксируют предельные смыслы, они являются вбирающими понятиями, охватывающими целое¹¹.

Поэтому философская коммуникация находит выражение в систематизации философских категорий, в отношении философа к проблеме формирования языка философии и стиля философского произведения, а также в выборе жанра. В данном случае философская культура выступает совокупностью условий формирования философского произведения как текста. Существует ряд особенностей, характеризующих философский текст в качестве элемента философской культуры. Понятие «язык философского текста» характеризует его коммуникативную направленность, способность к адекватному воспроизведению смысла философских категорий. При формировании философского произведения язык философии предстает как некоторая целостность, тогда как в процессе воспроизводства он расщепляется на множество языков¹²:

1. На *язык, на котором создано данное произведение* - имеется в виду язык определенной культурной общности, который используется в ней для письма и чтения. Это может быть как национальный язык, так и специально заимствованные языки, очерчивающие круг коммуникации образованных людей определенной эпохи (например: латынь в средневековой Европе, французский язык русского дворянства и т. д.).

2. На *язык перевода*, дающий определенное представление о содержании первоисточника, способный более или менее адекватно передать основной смысл. Философский текст практически невозможен без цитат и ссылок на тексты, которые переведены с других языков.

3. На *язык автора*, отражающий специфические стилистические особенности его индивидуальности (например: «язык Мамардашвили», «язык Хайдеггера», «язык Сартра» и т. д.).

4. На *языки сфер культуры*, которые отражают систему символов, принятых в науке, религии, мифах и т. д., которые рассматриваются как предметы рефлексии.

¹¹ Цит. по: М.В. Зубова. Философский текст как философская коммуникация. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskiy-tekst-kak-filosofskaya-kommunikatsiya>

¹² Там же

5. На язык философии, в узком смысле слова, свойственный определенной сфере духовной культуры, который применяется для постановки и осмысления философских проблем.

Если при выявлении сущности философского произведения речь идет о философских категориях как основных элементах языка философии, то при определении специфики философского текста необходимо анализировать особенности таких видов философской деятельности, как «письмо», «чтение», «перевод». Философский текст обеспечивает особенности воспроизводства системы философских категорий в определенных социокультурных условиях, которые предполагают анализ других структурных элементов философской культуры, составляющих ее «сферу».

Таким образом, язык философии разбивается на множество языков и может рассматриваться как особая дискурсивная практика. Именно в новых условиях современной реальности в центре внимания мыслителей оказалась предметом анализа философов становится идея неоднородности и раздробленности языка и бытия. Образы языка или сознания, имеющие моделью единый язык, единое сознание, все более заменяются образами и моделями, где они признаются неоднородными и лишенными единства. В языке, таким образом, проявляется неоднородность бытия, в силу чего язык представляет собой множество несводимых друг другу дискурсов, каждый из которых имеет свою логику, свои законы. В соответствии с этим появляется проблема изучения жанрового многообразия философских текстов, исследования «локальных» дискурсов, границ между ними, а также возможностей взаимосвязи. Логическим следствием этих непростых инноваций стали идеи «бесплодности», «конца» и даже «смерти» философии¹³.

Итак, философские тексты и особенности их интерпретации анализируются во многих направлениях современной философии. Тексты при этом рассматриваются как отображение определенного *типа культуры*, либо как *дискурсивная форма*, фиксирующая особенности языка, определяющая границы между культурами, либо как *предмет гуманитарных исследований*, целью которых является *выявление специфики мышления во взаимосвязи с языком* и т.д., философский текст анализируется также в аспекте *реализации авторского замысла* (т.е. как исток или результат работы философа), при этом последующие интерпретации также соотносятся с авторским текстом.

¹³ Цветкова И. В. Философский текст и философская культура в их динамически детерминированной взаимосвязи (Герменевтический аспект)
<http://www.dslib.net/ontologia/filosofskij-tekst-i-filosofskaja-kultura-v-ih-dinamicheski-determinirovannoj.html>

Язык философии, в отличие от научного или поэтического языков, имеет более узкую сферу применения. Этот язык понятен кругу людей, которые занимаются написанием, переводом или чтением особых текстов. Как ни парадоксально, сами философы довольно редко задумываются над спецификой профессионального языка и результатами своей работы, представленными в форме философских текстов, возможно потому что они заняты другим предметом исследования – мышлением. Философский язык рассматривается в данном случае не более как средство коммуникации.

Однако читатели философских текстов нередко испытывают «дискомфорт», сталкиваясь с трудностями понимания философского языка. Шлегель подчеркивает «инструментальное» предназначение философского языка по отношению к задачам постановки философских проблем, а также отмечает, что трудности в его понимании могут быть преодолены при следующих условиях. Во-первых, философский язык становится понятным тому, кто сам философствует; во-вторых, понимание философии зависит от уровня овладения языком, которым пользуются философы. В-третьих, основой для изучения философского языка являются научные познания. В-четвертых, подобным условием выступает ознакомление с принципами и мнениями каждого философа, т.е. создание истории духа каждой философии в его развитии, происхождении, формировании идей и мнений. Таким образом, данные условия могут быть выполнимы, если изучающий философию располагает всей полнотой философских произведений, дающих системное представление о предмете.

М. Хайдеггер, размышляя о философском языке, говорил, что философия призвана «делать вещи еще более тяжелыми (трудными)»¹⁴. Это парадоксальное заявление хорошо проясняет М.К. Мамардашвили, объясняя предназначение «трудности философского языка» необходимостью деавтоматизации стереотипного мышления, активизации некой «нулевой точки понимания», от которой станет возможно постижение глубокий смыслов в философского тексте¹⁵, трансцендирование к интеллигибельным сущностям.

А согласно Л. Витгенштейну, философы вообще формулируют и применяют так называемые бессмысленные утверждения, хотя при этом нужно правильно понимать, о какой именно «бессмысленности» здесь идет речь¹⁶.

¹⁴ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. Избранные статьи позднего периода творчества. М.: Высшая школа. 1991.

¹⁵ Мамардшвили М.К. Лекции по античной философии. URL.: <https://www.psyoffice.ru/9/mamar01/txt00.html>

¹⁶ Козлова М.С. Был ли Л. Витгенштейн логическим позитивистом? (К пониманию природы философии) URL.: <http://iphras.ru/page50370753.htm>

Дело в том, что философские фразы, – полагает Витгенштейн, – не несут информации о конкретных ситуациях в мире, для них немислимы процедуры эмпирической проверки, они не являются ни истинными, ни ложными, и именно поэтому могут быть приравнены к бессмысленным. Так называемые «бессмысленные» философские высказывания лишь выглядят как предложения, то есть как высказывания, однако, в силу того, что они не наполнены познавательно-информативным, содержательным смыслом, их было бы правильнее называть невысказывания или псевдовысказываниями.

Витгенштейн разъясняет, что подобные высказывания не являются *эмпирическими*. Выражение «*не может*» подразумевает в них не физическую, техническую, психологическую или какую-то иную невыполнимость или отсутствие реальных условий для того или иного действия, состояния. Невозможность, фиксированная в таких фразах, носит куда более сильный характер – *логической невозможности*. Иначе говоря, это – *формальные* (концептуальные) фразы, определяющие все наше разумение. В них фиксируются логико-грамматические принципы, *нормы*, принятые способы употребления языка – его *логико-философская «грамматика»*. Разрешая одни и запрещая другие способы выражения, правила философской грамматики регулируют концептуальную корректность рассуждений, задают поле «ходов», возможных в разных «играх» (практиках) языка. По существу, это – *правила* применения базовых понятий (категорий) и подвижных, динамичных категориальных комплексов. Будучи освоены, они, подобно любым правилам (орфографии, юриспруденции, шахматной игры, уличного движения и др.), становятся само собой разумеющимися, делаются привычкой, действуют почти естественно, «бесшумно». Изрекать такие правила в форме глубокомысленных заявлений в самом деле нелепо. Ведь не станешь ни с того ни с сего декларировать нормы правописания или правила умножения. Смысл правил – не в их *провозглашении*, а в *соблюдении*: они призваны регулировать *действия*. Превращать их в самостоятельные высказывания неуместно.

Но это справедливо лишь до тех пор, пока все идет по привычным, наработанным схемам, нормально, без сбоев, или – пока принципиально не изменятся условия их применения, «правила игры». Правда, и в определенные моменты любого рассуждения или практического действия возникает потребность напомнить (кому-то или самому себе) о каких-то концептуальных истинах, сложившихся *нормах* применения *формальных понятий* (скажем, причинного, модального или иного ряда). Это бывает тогда, когда нам требуется «ступенька» для следующего мысленного хода или реального действия. Правила и служат такими ступеньками: важно в нужный момент вспомнить нужное правило и «опереться» на него. Необходимость обращения к концептуальным правилам, схеме

рассуждения остро ощутима тогда, когда мы попадаем в ту или иную *ловушку*, запутываемся в нами же (людьми) установленных правилах, или хотя бы на момент задумываемся о концептуальной схеме рассуждения или практического действия.

Ясность ума, – подчеркивает Л. Витгенштейн, – это еще не все, ибо более важным является Дух, Высокое, то, что и является порой «невывыказываемым», то, что может быть лишь только «показано», например, опыт «молчания», ценностей и «чуда» этического¹⁷.

Таким образом, если уж, согласно Витгенштейну, «все, что может быть высказано, может быть высказано ясно», а что «не может быть высказано, о том следует молчать», то постижение сути «невывыказываемого» и «бессмысленного» философского знания у Л. Витгенштейна глубинно, «грамматически» фундирующего все знание «высказываемого» обречено на провал, если в этой предпринятой практике понимания преподаватель не даст возможность и самим студентам участвовать в диалоге буквально в форме «не-высказываний», в режиме, называемым Мамардашвили «монологом, внешне выглядящим как молчание», или в режиме самого Витгенштейна: «Понимайте меня медленно!».

В заключении в замечательной мысли М.К. Мамардашвили хотелось бы привести еще важный момент, связанный с освоением философских текстов через опыт личного переживания философского материала: Говоря о специфике освоения философских текстов-первоисточников, он указывает на «упакованность в них структур сознания, которые распаковываются, если я прихожу в точку, где прodelываю опыт сознания. Тогда они распаковываются через возможности моего мышления и понимания, что я не смог бы сделать простым продолжением своих естественных дарований. Своих логических способностей. Их проекцией я ничего этого не достигну... А когда это распаковывается через меня, то тогда я что-то увижу, пойму»¹⁸.

¹⁷ Цит по.: Козлова М.С. Был ли Л. Витгенштейн логическим позитивистом? (К пониманию природы философии) URL.: <http://iphras.ru/page50370753.htm>.

¹⁸ М.К. Мамардашвили. Идея преемственности и философская традиция // Беседа опубликована в: «Историко-философский ежегодник 1989». М. 1989. С. 263-269. Беседу вел Ю. Сенокосов.

Часть I

АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПИСЬМЕННОГО ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА

Раздел 1. Работа с текстом философских определений глоссария и словарных статей

...Важно не спешить говорить, а готовиться расслышать, каким будет слово, которое скажет или не скажет мысль.

Союз мысли и слова достоин того чтобы о нем думать.

Владимир Бибахин. Молчание // Язык философии

Учитывая приведенное выше обоснование «трудности» философского языка, вызванной необходимостью «деавтоматизации стереотипного мышления», этот процесс вполне логично начинать со знакомства с *философской лексикой* и *философской терминологией*. Опыт «распаковки» отдельных понятий, не обязывающий на первоначальном этапе к необходимости постижения сложных концепций, может дать своего рода «настройки вхождения в философский дискурс, определенной «пробы» соприкосновения с его спецификой.

Следует при этом отметить, что *философские термины* и *философская лексика* с точки зрения семантики и функционирования не идентичны обще- или специально-научным терминам, обладая целым рядом существенных отличий: «за термином всегда стоит предмет мысли, но не мысли вообще, а специальной мысли, ограниченной определенным полем»¹⁹, философский термин соотнесен одновременно и со специальной мыслью и с мыслью вообще. Философская лексика тем более не порывает связи со словами общеупотребительного языка.

Под философским термином прежде всего имеются в виду специальные терминологические философские слова (такие как «*трансцендентальный*», «*имманентный*», «*акцидентный*», «*априори*», «*самотрансцендирование*» и др.) или словосочетания, фигурирующие в собственно философских текстах («*понятие материи*», «*абсолютный дух*», «*феноменологическая редукция*», «*трансцендентальное единство апперцепции*» и др.).

К философским терминам следует также относить и «авторские» философские термины, т.е. появившиеся первоначально в текстах одного философа. «Авторские» термины могут быть специальными терминологическими, например, «*вот-бытие*», «*бытие-при-*

¹⁹Азарова Н.М. Философская лексика и терминология в поэтическом тексте XX века. URL.: http://natalia-azarova.com/cgi-bin/index.pl?p=phil_lex

внутримировом-сущем» М. Хайдеггера, или могут выражаться общеупотребительным словом, но получающим терминологический статус «авторского» термина, например, *«непостижимое»* Л. Франка.

Таким образом, понятие философской лексики включает специальные философские термины и неспециальную философскую лексику. Специальный философский термин может быть авторским и неавторским; неспециальная философская лексика, в свою очередь, также может быть авторской и неавторской.

Итак, в качестве первоначального опыта «вхождения в философский дискурс» мы предложили три разновидности работы с внеконтекстуальными философскими понятиями:

1) обзорное ознакомление с историко-философским курсом через дефиниции глоссария в *таблицах терминологического соответствия*;

2) *тестовую* «распаковку» философских формулировок из словарных статей;

3) и опыт самостоятельного *авторского* «перевода» языковой словарно-академической конструкции в текст, приближенный к обыденному сознанию, доступный пониманию человеку, только начинающему осваивать философское знание.

1.1. Таблицы терминологического соответствия

В данном случае предлагается ознакомление с тематикой курса «со стороны терминологии», где работа с таблицей предполагает введение *в общее поле материала истории философии*. Это достаточно свободное задание, жестко не привязанное к формулировкам глоссария. Поэтому глоссарий в самом общем виде соотносится с тематическими ячейками таблицы, а не *буквально и не дословно*. *Задачей* является соотнесение *темы ячейки* таблицы (в левой колонке) *со смыслом* терминов представленных в глоссарии (в правой колонке).

Таблица 1

№	Темы историко-философского курса	Соответствующие понятия из глоссария «авторские» термины
1	<i>Философия Античности: истоки формирования, характерные черты, представители</i>	

2	<i>Философия Средневековья:</i> соотношение веры и разума; представители	
3	<i>Философия Возрождения:</i> проблема переосмысления идеи Бога; представители	
4	<i>Философия Нового времени:</i> обоснование Разума; представители	
5	<i>Немецкая классическая философия:</i> вершина развития философской классической традиции; представители	
6	<i>Философия марксизма:</i> философия, которая «должна изменить мир»; представители	
7	<i>Современная западная философия:</i> неклассические основания понимания мира и человека; представители	
8	<i>Постнеклассическая философия:</i> плюрализм и диалогичность в постижении реальности; представители	

Пример заполнения ячеек

1. Итак, заполняем ячейку 1. «Философия Античности: истоки формирования, характерные черты, представители».

2. Прежде всего, нужно определить понятия, с которыми соотносятся категории глоссария; в нашем случае это: «античная философия», «истоки формирования», «характерные черты».

3. Далее из глоссария в эту ячейку выбираем понятия: а) метафизика, натурфилософия, рефлексия, философия и т.д., т.к. они отражают античную философию. б) мифология, религия, предфилософия, политеизм,

архэ и т.д. – эти понятия отражают истоки формирования философии; в) космоцентризм, натурфилософия, антропоцентризм – эти понятия отражают черты античной философии.

4. Представители: а) ранний период (космоцентризм, натурфилософия); Милетская школа (Фалес, Анаксимен, Анаксимандр) – наивные материалисты; Элейская школа (Ксенофан, Парменид, Зенон) – основатели метафизики; Гераклит – основатель диалектики; Пифагорейская школа (Пифагор) – заложены основы идеализма; Анаксагор и Эмпедокл – механистические материалисты; б) классический период (антропоцентризм). Демокрит (атомистический материализм), софисты (релятивизм), Сократ (этический рационализм), Платон (объективный идеализм), Аристотель (систематизация философского знания); в) поздний (греко-римский) период (этическая проблематика); эпикурейская школа, школа стоиков, школа скептиков, школа неоплатоников.

Практическое задание

Заполните вышеприведенную таблицу по алгоритму примера заполнения ячейки 1. «Философия Античности: истоки формирования, характерные черты, представители».

1.2. Тестовый анализ словарных определений

В этом задании предлагается из фраз словарных статей, содержащих формулировки фундаментальных философских идей, традиционно рассматриваемых в курсе философии *выписать термины* и дать их краткое определение. Затем из предлагаемых вариантов (А и В) необходимо выбрать тот, который соответствует *адекватному смыслу* рассматриваемой фразы, ответ нужно обосновать.

Пример задания

«Монотеистический статус Бога, давший основание креационистской версии происхождения мира»

А

В

Понимание Бога с позиции «единобожия», как Личности и Творца, позволило обосновать религиозную концепцию сотворения мира и человека Богом.

Понимание Бога как единственной первоосновы мироздания дало основание считать Бога, растворенным во всем мироздании.

Пример выполнения

1. Выделить и раскрыть смысл ключевых понятий фразы: монотеизм учение о едином персонифицированном Боге, Боге-Личности, Боге-Творце; креационизм – религиозное учение о сотворении мира Богом из ничего.

2. Сравнить приведенные в таблице формулировки с точки зрения их соответствия указанному в словаре значению: а) А (+) смысл фразы полностью совпадает со значениями терминов «монотеизм» и «креационизм»; б) В(-) смысл фразы не соответствует значениям слов: понятие «монотеизм» перепутано с понятием «монизм» (единая первооснова), понятие «креационизм» перепутано с понятием «пантеизм» (слияние Бога с миром).

Практические задания

Формулировка 1

«Категория субстанции как выражение плюралистического взгляда на бытие, которое позволило переосмыслить основное положение монизма»

А

В

Понимание объективной реальности как состоящей из множества первооснов позволяет отвергнуть представление о том, что в ее основе находится только одна первопричина.

Идея о мире, находящемся в постоянном развитии, опровергает представление о его статичности и неизменности.

Формулировка 2

«Понимание субстанции, рассмотренное в рамках идеалистического взгляда на бытие, позволяет обосновать идею агностицизма»

А

В

В основе мира – духовное первоначало, находящееся за пределами человеческого сознания,

Представление об идеальном устройстве бытия за пределами материальной реальности, которое

в силу чего достоверное познание является недостижимым в реально-возможностями человеческого практическом мире. разума оказывается невозможным.

Формулировка 3

Категория субстанции, обоснованная в дуалистической трактовке, позволила переосмыслить монистическое толкование основного вопроса философии»

А

В

Здесь рассмотрено понятие первоосновы в ее двойственном истолковании с точки зрения возможности ее постижения: она доступна для понимания только при помощи разума, но не постижима органами чувств.

Первопричинами мироустройства являются две равноправные первоосновы (духовная и материальная), а это значит, отвечая на вопрос: «что первично – материя или сознание?», нельзя утверждать, что первичной является только одна первооснова.

Формулировка 4

«Материалистическое понимание субстанции позволяет расширить гносеологические возможности мыслителей»

А

В

В процессе познания реальности человеку необходимо использовать идеальные модели в качестве основы для построения теорий с целью наиболее эффективного достижения практических целей.

Если в основе мироустройства лежит материя как его причина, то ее свойство быть чувственно-воспринимаемой, позволяет выстраивать процесс познания на достоверности, очевидности и проверяемости всех явлений окружающей действительности.

1.3. Авторский анализ словарных определений

Заключительный шаг в работе с терминологией связан с опытом *собственного «авторского» перевода «с русского на русский»*. Суть задания заключается в том, чтобы пройти небольшой, но достаточно увлекательный путь от *абстрактной фразы*, витающей в сложно уловимых смыслах, к достаточной степени понятности, приближенной к

обыденному языку. Для этого необходимо вычленишь структурирующие ее категории (понятия), раскрыть их смысл, обратившись к словарям. Затем нужно «собрать» смысл фразы в первоначальном варианте ее «громоздкой конструкции», т.е. включающей в себя развернутые фрагменты словарных статей, раскрывающие основополагающие понятия фразы. Затем нужно «оживить» полученный громоздкий конструкт, пропустить его через индивидуальный накопленный интеллектуальный опыт, попытаться подобрать ассоциации, иллюстрации, одним словом, отыскать в себе ресурс понимания и подобрать из него более простые, приближенные к повседневной речи слова, выражающие при этом смысл исходной фразы. Таким образом, в качестве требуемого итога нужно выполнить целостный, законченный «перевод» всей фразы в простой, доступной, по возможности, пояснительной форме.

Пример выполнения

«Гносеологический аспект проблемы бытия, решенный с позиции агностицизма»

1. Необходимо раскрыть значение понятий, выписав их определения из глоссария: а) «гносеология» – «эпистемология, теория познания – раздел философии, в котором предметом исследования является сам процесс познания как таковой, его сущность, общий механизм, возможности и границы познания, его предпосылки, условия, всеобщие основания и социокультурные детерминанты»; б) «бытие» – «категория онтологии, обозначающая как существование, так и то, что обуславливает существование; иначе категорию понимают, как определяющую нечто, что есть сущее как таковое»; в) «агностицизм» – «философское учение о принципиальной непознаваемости бытия, отрицающее саму возможность выявления его закономерностей и постижения объективной истины».

2. «Собрать» громоздкую конструкцию первоначальной формулировки, опираясь на тексты словарных статей, взятых из глоссария: «Осмысление процесса познания и понимания сущего и существования с точки зрения таких представлений, согласно которым, постижение его закономерностей и объективной истины считается не доступным».

3. Продумать и сформулировать упрощенный вариант, приближенный к обыденному языку: фактически это означает очень простую мысль: «Мир не познаваем»!

4. Привести примеры известных философов, школ, направлений, которым бы могло соответствовать данное высказывание: скептики, Д. Юм, И. Кант.

Практические задания

1. Раскройте смысл философских терминов, использованных в выражении на основе словарей и энциклопедий.
2. Выполните «первоначальную сборку» смысла фразы.
3. Осуществите «понимающую корректировку» развернутой громоздкой фразы, выполнив ее целостный, законченный «перевод в простой, доступной, пояснительной форме».
4. Приведите примеры известных вам философов, школ, направлений, которым бы могло соответствовать данное высказывание.

I. Базовые философские понятия

1. «Идеалистическое понимание сознания в гносеологическом аспекте».
2. «Проблема бытия в его гносеологическом аспекте, решенная с позиций агностицизма».
3. «Категория субстанции, как выражение дуалистического взгляда на бытие, ведущего, в конечном счете, к идеализму».
4. «Категория субстанции как выражение монистического взгляда на бытие в ее материалистическом истолковании».
5. «Категория субстанции как выражение плюралистического взгляда на бытие, отражающее переосмысление основного положения монизма».
6. «Категория субстанции в ее диалектической трактовке, переосмысливающая монистическое толкование основного вопроса философии».
7. «Понимание субстанции как выражение идеалистического взгляда на бытие, ведущее к агностицизму».
8. «Материалистическое понимание субстанции, расширяющее гносеологические возможности мыслителей».
9. «Метафизическое понимание бытия, решенное с позиции дуализма, и ведущее, в конечном счете, к идеализму».
10. «Диалектическое представление о бытии, не отвергающее его субстанциального устройства».

II. Философия Античности

1. «Космологически-натурфилософская трактовка субстанциального основания бытия, осуществленная с наивно-материалистических позиций».
2. «Положение о тождестве бытия и мышления, явившиеся фундаментом для развития метафизики, объявляющее несуществующим

то, что для сторонников диалектического понимания мира, составляет суть бытия».

3. «Представления об идеальных структурах, обретающих чувственно-воспринимаемые формы в их материальной развернутости, заложившие основы объективного идеализма».

4. «Взгляды о взаимодействии сил, проявляющихся в бытии, противоположенные метафизическим представлениям и повлиявшие на формирование диалектики».

5. «Понимание бытия как организованного механическим образом, посредством действующих определенных сил и разнообразных комбинаций материальных субстанций, подготовившее появление концепции атомистического материализма».

6. «Релятивистские идеи, изменившие статус философского знания в греческой философской мысли и заложившие основы античного антропоцентризма».

7. «Концепция антропологической этики, именуемая также этическим рационализмом, пришедшая на смену космологической натурфилософии его предшественников».

8. «Объективно-идеалистическая концепция, охватывающая спектр вопросов онтологического, гносеологического и социальных аспектов».

9. «Представление о бытии, как имеющем свои собственные причины для существования, обосновывающее несостоятельность объективно-идеалистического понимания вещей и их познания».

10. «Интеллектуально-духовные практики гедоне, эпохэ и апатии, осмысленные как этические задачи, и ведущие к достижению атараксии».

III. Философия Средневековья и Возрождения

1. «Преодоление креационистской версии сотворения мира, основанное на пантеистическом переосмыслении Бога, позволило расширить гносеологические горизонты эпохи».

2. «Креационистское понимание бытия и его дальнейшая эсхатологическая интерпретация, ставшие основанием возникновения идеи линейной истории».

3. «Монотеистический статус Бога, давший основание креационистской версии происхождения мира».

4. «Онтологический и этический аспекты теодицеи теологической философии».

5. «Геоцентричное мировоззрение этого философа по сути своей метафизично, тем не менее, его онтология содержит элементы диалектики».

6. «Пантеистическое обоснование натурфилософских идей, опровергающее монотеистические установки схоластической философии».

7. «Антропоцентристские установки гуманизма, ставшие основанием для развития рационализма в гносеологии».

8. «Антропоцентричное мировоззрение этого философа по сути своей еще метафизично, тем не менее, его гносеология содержит элементы диалектического мышления».

9. «Пантеистическая трактовка идеи Бога в ее мистическом варианте (пантеизм), допускающая существование Бога в «чистом», «свернутом» виде».

10. «Переосмысление идеи Бога в контексте материалистически-натурфилософского понимания бытия, опровергающее идею креационизма».

Раздел 2. Работа с текстом учебников и хрестоматий по философии

2.1. Таблицы соответствия персоналий и философских направлений

Этот вид практической работы предполагает следующий достаточно простой шаг в процессе «вхождения в философский дискурс». В данном случае это несложное первоначальное знакомство осуществляется через *персоналии* историко-философского материала, специфику их вклада в развитие философской мысли и ключевые философские направления, сформировавшиеся за соответствующий период.

Суть задания заключается в том, чтобы сформировать своего рода первоначальную *матрицу соответствия* основных направлений и их представителей, куда потом достаточно просто будет разместить конкретный материал и тонкости концепций самих философов, дополняя ее постепенно новыми персоналиями, направлениями и характеристиками. Эта матрица выполняет роль определенного каркаса, поддерживающего пространство развернутой философской деятельности мыслителей определенной эпохи. Матрицу можно составлять как на материале словарей и учебников, так и на материале хрестоматий, первоисточников и статей.

Пример задания
Таблица 2

Основные идеи философии современности и постсовременности			
№	Направление	Представители	Основные идеи
1.	Иррационализм, Волюнтаризм		
2.	Философия жизни		
3.	Экзистенциализм		
4.	Фрейдизм и неофрейдизм		
5.	Прагматизм		
6.	Философская антропология		
7.	Феноменология		

8.	Герменевтика		
9.	Аналитическая философия		
10.	Структурализм		
11.	Постструктурализм		
12.	Прагматизм		

Практические задания

Задание 1

Составьте и заполните таблицы соответствия по нижеперечисленным темам, используя материал словарей и учебников

Т.1 Философия Античности. Черты: космоцентризм, натурфилософия, антропоцентризм. Периоды, представители и направления: а) ранний период (космоцентризм, натурфилософия). Милетская школа (Фалес, Анаксимен, Анаксимандр) – наивные материалисты; Элейская школа (Ксенофан, Парменид, Зенон) – основатели метафизики; Гераклит – основатель диалектики; Пифагорейская школа (Пифагор) – заложены основы идеализма; Анаксагор и Эмпедокл – механистические материалисты; б) классический период (антропоцентризм). Демокрит (атомистический материализм), Софисты (релятивизм), Сократ (этический рационализм), Платон (объективный идеализм), Аристотель (систематизация философского знания); в) поздний (греко-римский) период (этическая проблематика). Эпикурейская школа, школа стоиков, школа скептиков, школа неоплатоников.

Т.2 Философия Средневековья. Черты: теоцентризм, монотеизм. Периоды, представители и направления: Августин (патристика), Фома Аквинский (схоластика).

Т.3 Философия Возрождения. Черты: гуманизм, антропоцентризм, натурфилософия, пантеизм. Представители и направления: Н.Кузанский (мистический пантеизм), Дж. Бруно (натуралистический пантеизм).

Т.4 Философия Нового времени. Черты: антропоцентризм, рационализм и эмпиризм. Представители и направления: Ф.Бэкон

(эмпиризм), Р.Декарт (рационализм), Т.Гоббс (эмпиризм), Дж. Локк (сенсуализм), Б. Спиноза (рационализм), Лейбниц (рационализм), Д. Беркли (субъективный идеализм). Д. Юм (агностицизм), Ж.-Ж. Руссо (французское просвещение), П. Гольбах (французский материализм).

Т.5. Немецкая классическая философия. Представители и направления: И. Кант (идеализм, агностицизм), Г.В.Ф. Гегель (объективный идеализм), Л. Фейербах (антропологический материализм).

Т.6 Философия марксизма. Представители и направления: К. Маркс, Ф. Энгельс (диалектический и исторический материализм).

Т.7 Современная философия Запада: неклассическая философия. Представители и направления: Ф. Ницше (идеализм, иррационализм, переосмысление классической идеалистической философии), З.Фрейд (психоанализ).

Т.8 Философия постсовременности. Представители и направления: аналитическая философия (Г.Фреге, Дж. Э.Мур, Б.Рассел, Л. Витгенштейн, Р. Карнап и др.), философская герменевтика (Ф. Шлейермахер, М. Хайдеггер, Г. Гадамер, П. Рикер) экзистенциализм (С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.- П. Сартр, А. Камю), прагматизм (Ч. Пирс, У. Джемса, Дж. Дьюи), структурализм (К. Леви-Стросс, Р. Барт, Ж. Лакан, М. Фуко), постструктурализм (Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз, Ф. Гваттари, Ж. Деррида, Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Лакан, М. Фуко, П. Бурдьё).

Задание 2

Составьте и заполните таблицу соответствия по теме «Философия Средневековья», используя материал статьи. Х. Ортеги-и-Гассета «Вера и разум в сознании европейского Средневековья»:

Таблица 3

Особенности понимания	Августин	Ансельм	Ф. Аквинский	Д. Скотт	У. Оккам
Вера					
Разум					
Бог					
Человек					

2.2. Анализ фрагментов текста учебников

Анализ фрагментов текстов учебников направлен на *распознавание персоналий* в контексте особенностей соответствующих им культурно-исторических периодов. В приведенных фрагментах сконцентрированы наиболее характерные особенности философов, направлений и периодов, которым они принадлежали, это своего рода «*маркеры узнаваемости*», широко используемые в системе преподавания философских курсов. Способность ориентироваться по этим меткам в историко-философском материале может значительно облегчить поиск необходимых персоналий, концепций или идей для последующего более глубокого и основательного их освоения.

Пример выполнения

По краткой характеристике воззрений крупнейших философов прошлого необходимо определить эпоху, имя философа, соответствующее рассматриваемому периоду, и обосновать свой ответ.

«Космос состоит из противоположностей. В силу этого положения данный философ был ярким противником взглядов, положивших начало метафизике, как науке о неизменных первосущностях бытия. Его же взгляды о постоянном взаимодействии сил, проявляющихся в бытии, об их влиянии на все процессы, происходящие в мире, заложили основы диалектики».

*1. Определить эпоху: словосочетание «*легли в основу*», указывает на период зарождения философского знания, значит, это Античность.*

*2. Определить период: слово Космос, описание его устройства указывает на черту античной философии «*космоцентризм*», характерную для ее раннего периода; именно в этот период происходит формирование первых представлений о неизменности и изменчивости бытия.*

3. Определить философа: утверждение о том, что мир постоянно развивается, состоит из противоположностей, принадлежало Гераклиту. Именно он был основателем диалектики и противником идеи о неизменности мира, характерной для философов-метафизиков этого же периода; именно Гераклит являлся представителем раннего периода Античной философии.

Практические задания по теме «Античная философия»

1. Определите период, школу (если имеется), соответствующее имя философа, поясните идеи и положения философа, указав недостающие термины или аспекты его концепции.

2. Объясните значение терминов и их смысл в контексте приведенного фрагмента.

Текст 1

«Космологически-натурфилософская трактовка бытия осуществляется этим философом с наивно-материалистических позиций. Однако субстанциальное основание бытия, предложенное философом, является попыткой выразить не только идею его единства, но и идею полноты и всеохватности многообразия мира, а также идею нейтральности первоосновы по отношению ко всем материальным стихиям, чего с его точки зрения не хватало у предшественника. Для этого, по мысли данного философа, в наибольшей степени подходит "...»

Текст 2

«Исходным пунктом рассуждений этого философа является положение о тождестве бытия и мышления. На основе чего мыслитель обосновывает воззрения, явившиеся фундаментом для развития метафизики. Так как существует, с его точки зрения, лишь то, что может быть помыслено, то он объявляет несуществующим то, что для сторонников диалектического понимания мира, составляет суть бытия. Последователем этого философа были разработаны специальные «иллюстрации», призванные логически красноречиво подтвердить положения учителя».

Текст 3

«В основе мира, по мысли этого философа, находятся вполне определенные идеальные структуры. В силу этого всё бытие «разворачивается» из них, обретая чувственно-воспринимаемые формы, но подчиняясь тем закономерностям и соразмерности, которые заложены в этих идеальных структурах. Хотя автор этих воззрений был мыслителем религиозно-мистической направленности, в наши дни он известен, как представитель точной науки».

Текст 4

«Если и существует в мире нечто постоянное, неизменное, то оно действует в неявной, скрытой форме, полагал этот мыслитель. То же, что доступно нашему восприятию, обладает как раз противоположными характеристиками. В силу этого положения данный философ был ярким противником взглядов, называемых позднее «метафизические». Его же взгляды о некоем взаимодействии сил, проявляющихся в бытии, об их влиянии на все процессы, происходящие в мире, легли в основу оформившейся позднее теории развития».

Текст 5

«Свою философскую задачу этот мыслитель увидел в необходимости выразить наличие и сосуществование в бытии того, что у его предшественников вызывало противоположные, однозначные утверждения. По его мысли бытие организовано механическим образом, без всякого целеполагания, в нем действуют определенное число неких сил, а также разнообразные комбинации составляющих бытия, в чем, с его точки зрения и проявляется реальное сосуществование неизменного и изменчивости в бытии. Взгляды этого философа подготовили более стройную и более известную концепцию атомистического материализма, возникшую несколько позднее».

Текст 6

«Для этого философа оказалось привлекательным парменидовское неизменное, единое бытие. Однако по его мысли, небытие тоже должно существовать. И он в своей концепции находит место и неделимому бытию (определенным образом трансформировав его), и небытию, которое выполняет очень важную роль в устройстве мироздания. Субстанция, предложенная философом, отразила все перечисленные идеи и определила концепцию, ставшую очень популярной. Кроме того, этот философ высказал взгляды, определившие вполне четкую философскую позицию, отразившую основной вопрос философии».

Текст 7

«Только человек наделяет вещи существованием, полагал этот философ, а потому нет никого объективно данного общезначимого бытия. Релятивизм этого философа разделили его сторонники, распространив подобный подход на различные сферы осмысления действительности, изменив тем самым в целом статус знания в греческой философской мысли. Кроме того, их идеи существенным образом повлияли на развитие определенных наук. Именно с деятельностью этих философов связывают такую черту греческой философии как античный антропоцентризм».

Текст 8

«Этот философ является автором концепции антропологической этики, именуемой также этическим рационализмом, пришедшей на смену космологической натурфилософии его предшественников. Этот мыслитель обосновал возможность преодоления распространявшихся релятивистских идей. Используя интеллектуальные приемы (диалектику, иронию, майевтику), он видел своей задачей необходимость достижения общезначимых духовных ценностей. С именем этого философа связаны два очень известных изречения. Одно из них было произнесено еще Фалесом, но для описываемого мыслителя стало руководством к действию. Второе выразило своеобразный итог его философских поисков».

Текст 9

«Объективно-идеалистическая концепция этого философа, положила начало целому направлению. Она охватывает широкий спектр вопросов онтологического, гносеологического и социальных аспектов. Однако построение социальной концепции основывается у этого философа на этических категориях, истолкованных идеалистически, в силу чего сама концепция является утопичной. Жанр, в котором философ излагал свои воззрения, носит диалоговый характер. Главным героем и выразителем позиции автора в этих произведениях стал его учитель».

Текст 10

«Дороже истины ничего быть не может, даже хорошие взаимоотношения между людьми, тем более между философами, полагал этот мыслитель. Поэтому стержнем его философской концепции стала критика идей собственного учителя. Свою задачу философ увидел в необходимости доказать несостоятельность объективно-идеалистического понимания вещей и их познания, что привело его к утверждению о том, что бытие и его существование имеют свои собственные причины. Кроме того, с именем этого философа связано введение в философский оборот таких понятий как «субстанция», «материя», «форма». Также философом проделана огромная работа по систематизации всего философского наследия».

Текст 11

«Всё, что с тобой происходит, ты должен переносить как происходящее по твоему собственному желанию. Поэтому ты должен желать, как бы зная, что всё происходит по воле Бога ... В душе мудрецов находится совершенный закон... Истинный закон является правовой причиной, согласующейся с природой. Он всеобще применим, неизменен и вечен. Он призывает к исполнению долга через свои требования и предотвращает неправильные действия с помощью своих запретов... Мы не можем быть соблюдены от его соблюдения сенатом или народом... Не может быть одних законов для Рима, других – для Афин, или одних законов сейчас и других в будущем, но есть только единственный вечный и неизменный закон, имеющий силу для всех народов и племен... Неповинующийся закону бежит от самого себя и отрицает свою человеческую природу...».

Текст 12

«Привыкай думать, что смерть для нас – ничто: ведь всё и хорошее, и дурное заключается в ощущении, а смерть есть лишение ощущений... Таким образом, смерть не существует ни для живых, ни для мертвых, так как для одних она сама не существует, а другие для нее сами не существуют... Когда мы говорим, что удовольствие есть конечная цель, то мы разумеем не удовольствие распутников и не удовольствие, заключающееся в чувственном наслаждении, как думают некоторые, не

знающие и не соглашающиеся или неправильно понимающие, но мы разумеем свободу от телесных страданий и душевных тревог».

Текст 13

«Даже признав, что суждения людей достойны большого доверия, чем суждения неразумных животных, должно признать, что телесные и моральные различия, несомненно, существуют между людьми, требуют в этом случае воздержания от суждений о природе самих вещей. Одна и та же пища, принимаемая различными людьми, оказывает на них различное действие. В области психической главным доказательством всестороннего и даже безграничного различия в мыслительных способностях людей оказываются разногласия и споры, происходящие между философами, как вообще о вещах, так и особенно о том, что следует выбирать, и что отклонять».

Текст 14

«Душа обращена к высшему началу, созерцает высшее начало и действует по закону этого высшего начала. С другой, она частично погружается в порядок мировой жизни, является бессознательным активным началом, осуществляет первообразец на материи. Находясь на грани божественного Единого и естественного множественного, Душа в силу природной необходимости соприкасается с обоими. Но и погружаясь в чувственный мир, она остается вечным и божественным началом, созерцающим высшее... Все отдельные души происходят из одной Души как из высшего божественного начала. Существенное единство Души проявляется в способности людей сочувствовать друг другу, радоваться чужой радостью и печалиться чужой печалью».

2.3. Анализ фрагментов текста хрестоматий

Анализ хрестоматийного фрагмента текста связан с минимализированным *обращением к первоисточнику*. В задании представлены выдержки из известных работ крупнейших философов в подборке, отражающей наиболее их *характерные идеи*, также являющиеся маркерами, как и в предыдущем задании, но с меньшей степенью очевидности. Эти ключевые идеи представлены не в стерильном виде дискурса учебника, а они как бы завуалированы стилем изложения самого философа, наслоениями перевода, стилистикой архаичных оборотов. Эти особенности создают некоторые препятствия для процедуры распознавания, но именно они и являются ценными для дальнейшего продвижения в работе с философским текстом.

Пример выполнения

По фрагменту работы философа необходимо определить его имя, соответствующее ему направление, и обосновать свой ответ.

«Истинной является лишь одна субстанция... И иная субстанция, чем бог, не может ни быть, ни быть понятой... Атрибутами единой субстанции являются мышление и распространенность, или природа..., но они не ограничены лишь мышлением и распространенностью; субстанция имеет бесконечное число атрибутов, которые в единичных (конечных) вещах проявляют себя как модусы. То, что характеризуется этими модусами, имеет в отличие от субстанции и ее атрибутов существование, покоящееся на внешней причине, которой свойственны не только конечность, но и изменение и движение ... Человек же – модус особого вида, так как для него характерна распространенность, как для других тел, но ему присуще и мышление, из чего вытекает, что свобода для человека – это единство воли и разума; размеры же его реальной свободы определяются степенью разумного познания».

1. Определить имя философа: словосочетание «истинной является лишь одна субстанция», а также понятия «атрибуты» и «модусы» указывают на автора приведенного фрагмента текста – Б. Спинозу.

2. Он являлся представителем, на что в тексте также есть указание в абзаце о человеке: «размеры же его реальной свободы определяются степенью разумного познания», т.к. обоснование возможностей человеческого разума является характерной чертой данного направления.

3. Формулировки, позволившие определить имя философа и выражающие его основные идеи: «истинной является лишь одна субстанция», «человек же – модус особого вида», «свобода для человека – это единство воли и разума». В этом фрагменте узнается известное изречение Б.Спинозы, автора пантеистического учения «о единой субстанции»: «Свобода есть осознанная необходимость».

*Практические задания
по теме философия Нового времени и Просвещения*

Текст 1

«Знание и могущество совпадают, ибо незнание причины затрудняет действие... Логика, которой теперь пользуются, скорее служит укреплению и сохранению заблуждений..., чем отыскания истины. Поэтому она более вредна, чем полезна... Познание, которое мы обычно применяем

в познании природы, мы будем называть предвосхищением природы, потому что оно поспешно и незрело. Познание же, которое должным образом извлекает из вещей, мы будем называть истолкованием природы... Самое лучшее из всех доказательств есть опыт, но тот способ использования опыта, который теперь люди применяют, слеп и неразумен... они бродят и блуждают без всякой верной дороги и руководствуются только вещами, которые попадают навстречу, они обращаются ко многому, но мало продвигаются вперед».

Текст2

«Такая общая власть, которая была способна защищать людей от вторжения чужеземцев и от несправедливостей, причиняемых друг другу, и, таким образом, доставить им ту безопасность, при которой они могли бы кормиться от трудов рук своих и от плодов земли и жить в довольстве, может быть воздвигнута только одним путем, а именно, путем сосредоточения всей власти и силы в одном человеке или собрании людей, которое большинством голосов могло бы свести все воли граждан в единую волю. Иначе говоря, для установления необходимо, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями; чтобы каждый считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать сам или заставлять делать других в целях сохранения общего мира и безопасности...».

Текст3

«Указать путь, каким мы приходим ко всякому знанию, достаточно для доказательства того, что оно не врождено. Некоторые считают, будто в разуме есть некие врожденные принципы, некие первичные понятия.., так сказать запечатленные в сознании знаки, которые душа получает при самом начале своего бытия и приносит с собою в мир. Чтобы убедить непредубежденных читателей в ложности этого предположения, достаточно лишь показать, как люди, исключительно при помощи своих природных способностей, могут достигнуть всего своего знания... Чувства сперва вводят единичные идеи и заполняют ими еще пустое место.., и по мере того, как разум постепенно осваивается с некоторыми из них, они помещаются в памяти и получают имена... С увеличением материала, дающего разуму работу, применение его с каждым днем становится всё более и более заметным... Так разум наделяется идеями и словами, материалом для упражнения своей способности рассуждения».

Текст4

«... В обширном нашем мире всё происходит математически, то есть безошибочно, так что, если бы кто-нибудь сумел в достаточной мере проникнуть в более составные части вещей и к тому же обладал

достаточно памятью и разумением для того, чтобы учесть все обстоятельства и не оставлять ничего без внимания, то он был бы пророком и видел бы будущее в настоящем, как в зеркале. Ведь точно так же, как мы можем утверждать, что цветы и... животные сформированы уже в семени..., точно так же мы можем сказать, что весь будущий мир уже задан в мире современном, так что никакое обстоятельство извне не может ему помешать, ибо вне мира не существует ничего. Эта безошибочность предопределенности может служить нам успокоением души».

Текст 5

«Ничего подобного тому, что философы называют материальной субстанцией, не существует... Я вижу эту вишню, я осязаю её, я пробую её; и я убежден, что ничто нельзя ни видеть, ни чувствовать, ни пробовать; следовательно, она реальна. Устрани ощущение мягкости, влажности, красноты, терпкости, и ты уничтожишь вишню... Отсюда следует, что когда я вижу, осязаю, испытываю вкус, я убежден, что вишня существует или является реальной; её реальность не есть нечто отвлеченное от этих ощущений... Не сомневаюсь даже малейшим образом в том, что реально существуют вещи, которые вижу своими глазами которых касаюсь своими руками. Единственная вещь, существование которой я отвергаю, - это то, что философы называют материей или телесной субстанцией. Разумеется, атеистам будет не

Текст 6

«...Идея причинности должна происходить от какого-нибудь отношения между объектами, и отношение это мы должны теперь постараться открыть... Предполагать, что будущее соответствует прошлому, побуждает нас лишь привычка. Когда я вижу бильярдный шар,двигающийся по направлению к другому, привычка немедленно влечет мой ум к обычно имеющему место действию, и предвосхищает то, что я затем увижу, заставляя меня воображать второй шар в движении... Силы, которые действуют на тела не известны. Мы воспринимаем только свойства тех сил, которые доступны ощущениям. И на каком же основании должны мы думать, что одни и те же силы всегда будут сочетаться с одними и теми же качествами?... Что касается доказательства истинности христианской религии, то они являются еще более слабыми, чем доказательства истинности наших чувств».

Текст 7

«Я замечаю двоякое неравенство в человеческом роде: одно естественное или физическое, установленное природой (различия в возрасте, здоровье и т.д.), другое же может быть названо нравственным или политическим... Неравенство усиливается и растет в зависимости

развития наших способностей и успехов человеческого ума... Наши души развращались по мере того, как совершенствовались науки и искусства..., роскошь, развращенность и рабство во все времена становились возмездием за наше надменное стремление выйти из счастливого невежества, на которое нас обрекла вечная Мудрость... Народы! Знайте раз навсегда, что природа хотела оберечь вас от наук, подобно тому, как мать вырывает из рук ребенка опасное оружие. Все скрываемые от вас знания являются злом, от которого она вас охраняет, и трудность изучения составляет одно из немалых её благодеяний. Люди испорчены, но они были бы еще хуже, если бы имели несчастье родиться учеными».

Текст 8

«Вселенная, это колоссальное соединение всего существующего, повсюду являет нам лишь материю и движение. Её совокупность раскрывает перед нами лишь необъятную и непрерывную цепь причин и следствий. Некоторые из этих причин нам известны, ибо они непосредственно воздействуют на наши чувства. Другие нам неизвестны, потому что действуют на нас лишь посредством следствий, часто очень удаленных от своих первопричин... Поднимемся же над облаками предрассудков. Выйдем из окружающего нас густого тумана... Будем остерегаться разгула воображения..., особенно религии, ибо она противоречит всем принципам здравого смысла и вносит неисправности в человеческое познание...»

Текст 9

«... Начала, какие я предлагаю в этой книге, суть самые истинные начала, с помощью которых можно достичь высшей ступени мудрости... Два основания достаточны для подтверждения этого: первое, что начала эти весьма ясны, и второе, что из них можно вывести все остальное... А что они (начала) вполне явны, легко показать, во-первых, из того способа, каким эти начала отыскиваются: именно должно бросить всё, в чем мне мог представиться случай хоть сколько-нибудь усомниться... Итак, должно понять, что для того, кто стал бы сомневаться во всем, невозможно, однако, усомниться, что он сам существует, в то время, как сомневается; кто так рассуждает и не может сомневаться в самом себе, хотя сомневается во всем остальном, не представляет собою того, что мы называем нашим телом, а есть то, что мы именуем нашею душою или сознанием. Существование такого сознания я принял за первое начало...».

Раздел 3. Работа с текстом первоисточников

Работа с текстами первоисточников в нашем пособии представлена в таких трех формах как: а) перечень развернутых вопросов к философскому тексту; б) выявление и анализ структуры философской статьи; в) использование ключевых идей статьи в осмыслении философского текста. Все эти виды работы с текстом сориентированы на процесс выявления и интерпретации смыслов философского произведения, не лежащих на поверхности. Именно по этой причине в основу этих заданий авторы положили три важных принципа сократического поиска истины (которые могут быть дополнены, но не могут быть исключены): а) *метод майевтики* (искусство «наводящих вопросов»); б) выявление *логики рассуждения* («А не говорил ли ты только что совершенно противоположное?», – спрашивал часто Сократ); в) *прояснение понятий* через развернутые формулировки («Сократ: Можешь ты нам сказать, что такое справедливость?.. Друг: Но чем же еще это может быть, как не тем, что считается справедливым? Сократ: Нет, не отвечай мне так; ведь если бы ты меня спросил, что такое глаз, я бы сказал тебе: это то, чем мы смотрим... А если ты спросишь меня, что мы называем душою, я ответил бы: мы называем этим именем то, чем мы познаём... И точно так же ты скажи в отношении справедливого: для чего мы его используем? Отвечай примерно в том же духе, как я сейчас спрашивал). Таким образом, задания по работе с текстами первоисточников призваны помочь обрести первоначальный опыт поиска и обнаружения «философских неочевидностей», в котором можно очень плодотворно использовать еще и полученный в предыдущих заданиях навык «распаковки» и прояснения философских внеконтекстуальных понятий и терминов.

3.1. Философское вопрошание в интерпретации первоисточника

Понятие *вопрошание* – языковое выражение наличия пустоты в познавательном стремлении, в результате которого расширяются знания о конкретной предметной области²⁰. Вопрошание предполагает наличие чувства или мысли о неполноте или неточности уже известного, в результате чего возникает потребность сформулировать в языковом плане соответствующие аспекты неизвестного и искать на них ответы. В повседневной жизни формулирование вопросов ограничивается прагматической ориентацией человека и его поведением либо порождается

²⁰ Философский словарь. URL.: <http://www.harc.ru/slovar/399.html>

любопытством, потребность вопрошания и его функция в процессе познания являются осознанными.

Философское вопрошание связано в первую очередь с именем Сократа, который говорил, что в конечном итоге он «ничего не знает»; от учения Августина до идей эпохи Возрождения «учёное незнание» осознавалось во все большей степени, что заложило раз и навсегда основу прямой постановки вопросов в научном и философском мышлении. Философия сама начинается с вопросов о последних вещах, причинах и принципах природы, и важным для нее является прогрессирующая возможность задавать вопросы с каждой новой точки зрения, а не исторический ряд данных на эти вопросы ответов.

Но философия начинается еще и с удивления, а значит, размышляет в своей книге «Адвокат философии» Владимир Варава, «с сомнения и вопрошания. Философский вопрос – это, в первую очередь, вопрос к самому себе. Поэтому философские вопросы всегда сильнее, значительнее, глубже, острее, весомее ответов на них. Философские вопросы стоят тверже, основательнее, они долговечнее, чем ответы. Ответы снимаются, преодолеваются другими, новыми ответами и навсегда уходят в небытие. Вопросы же могут на время отойти на второй план, но подзабытые вопросы вдруг зазвучат с новой силой, снова становятся актуальными, обретают новый смысл... Вопросы поворачиваются к нам с разных сторон, всматриваясь в вопрос, открываешь всё новые и новые его стороны, обороты²¹...»

Практическое задание 1

Перечень вопросов к тексту К.Маркса «Тезисы о Фейербахе»

1. В самом начале текста тезисов Маркс обращается к материализму. Что такое материализм?
2. В чем Марксу видится недостаток предшествующего материализма? (предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно).
3. В чем Марксу видится несостоятельность идеализма? (*деятельная* сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой).
4. Каков главный критерий истинности утверждения? (Вопрос о том,

²¹ Варава В.В. Адвокат философии. URL.: <https://fil.wikireading.ru/65901>

обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, – вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т.е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления).

5. Видел ли Маркс опасность в утверждении, что изменившиеся люди суть продукты измененного воспитания? Если да, то в чем они заключались? (авторы утверждения забывают, что обстоятельства изменяются именно людьми, и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно неизбежно, поэтому приходит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом).

6. Тезисы о Фейербахе содержат и критику утопического социализма. В чем она заключается? (утопический социализм ориентирован на положение о воспитателях и воспитанниках).

7. Каково глубинное основание создания человеком религии, веры в бога? (земная основа отделяет себя от самой себя и переносит себя в облака как некое самостоятельное царство, может быть объяснено только саморазорванностью и самопротиворечивостью этой земной основы).

8. Афористичным является высказывание Маркса по поводу сущности человека. Воспроизведите его (сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений).

9. Объясните значение слов «абстрактный человеческий индивид». Что такое абстрагирование в принципе? Что такое абстрагирование как научный метод? (человеческая сущность рассматривается только как «род», как внутренняя, немая всеобщность, связующая множество индивидов только *природными* узами).

10. Какова цель так называемого нового материализма? (создать не гражданское, а человеческое общество).

11. Какую надындивидуальную роль отводит Маркс человеку? (Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его).

12. Охарактеризуйте источник. Чем он является, по сути? Что такое «тезис»? (положение, истинность которого требует доказательства).

К.Маркс Тезисы о Фейербахе

Главный недостаток всего предшествующего материализма (включая и фейербаховский) заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно. Отсюда и произошло, что *деятельная* сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой. Фейербах хочет иметь дело с чувственными объектами, действительно отличными от мысленных объектов, но самое человеческую деятельность он берет не как *предметную* деятельность. Поэтому в «Сущности христианства» он рассматривает, как истинно человеческую, только теоретическую деятельность, тогда как практика берется и фиксируется только в грязноторгашеской форме ее проявления. Он не понимает поэтому значения «революционной», «практически-критической» деятельности.

Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, – вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический* вопрос.

Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания – это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно неизбежно, поэтому приходит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом (например, у Роберта Оуэна).

Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как *революционная практика*.

Фейербах исходит из факта религиозного самоотчуждения, из удвоения мира на религиозный, воображаемый мир и действительный мир. И он занят тем, что сводит религиозный мир к его земной основе. Он не замечает, что после выполнения этой работы главное-то остается еще не сделанным. А именно, то обстоятельство, что земная основа отделяет себя от самой себя и переносит себя в облака как некое самостоятельное царство, может быть объяснено только саморазорванностью и самопротиворечивостью этой земной основы. Следовательно, последняя,

во-первых, сама должна быть понята в своем противоречии, а затем практически революционизирована путем устранения этого противоречия. Следовательно, после того как, например, в земной семье найдена разгадка тайны святого семейства, земная семья должна сама быть подвергнута теоретической критике и практически революционно преобразована.

Недовольный *абстрактным мышлением*, Фейербах апеллирует к *чувственному созерцанию*; но он рассматривает чувственность не как *практическую*, человечески-чувственную деятельность.

Фейербах сводит религиозную сущность к *человеческой* сущности. Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений.

Фейербах, который не занимается критикой этой действительной сущности, оказывается поэтому вынужденным:

1) абстрагироваться от хода истории, рассматривать религиозное чувство обособленно и предположить абстрактного – *изолированного* – человеческого индивида;

2) поэтому у него человеческая сущность может рассматриваться только как «род», как внутренняя, немая всеобщность, связующая множество индивидов только *природными* узами.

Поэтому Фейербах не видит, что «религиозное чувство» само есть *общественный продукт* и что абстрактный индивид, подвергаемый им анализу, в действительности принадлежит к определенной общественной форме.

Общественная жизнь является по существу *практической*. Все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики.

Самое большее, чего достигает *созерцательный* материализм, т. е. материализм, который понимает чувственность не как практическую деятельность, это – созерцание им отдельных индивидов в «гражданском обществе».

Точка зрения старого материализма есть «*гражданское*» общество; точка зрения нового материализма есть *человеческое* общество, или обобществившееся человечество.

Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его.

Практическое задание 2

Перечень вопросов

к тексту Ж.-П. Сартра «Экзистенциализм – это гуманизм»

1. В чем заключаются, по мнению Сартра, основные обвинения в адрес учения экзистенциалистов? (*созерцание и возврат к буржуазной философии, человек рассматривается автономно, в отрыве от социального целого, подчеркивается «низость» людей, констатация произвола в человеческих поступках и отсутствие критерия оценки поступков, экзистенциализм уподобляется непристойности*).

2. Какова первая «оптимистическая» характеристика экзистенциализма в данном тексте? (*дает человеку возможность выбора*).

3. Какие классы экзистенциалистов выделены Сартром? (*религиозные, атеистические*).

4. Каково основополагающее положение, объединяющее этих людей? (*существование человека предшествует сущности, нужно исходить из субъекта*).

5. Как решается проблема сущности человека в религиозных представлениях? (*Бог, создавая человека, обладает замыслом, а потом человек рождается, обладая сущностью, так как Бог знает, для чего нужно его творение – по аналогии с ремесленником и ножом*).

6. На какой позиции в отношении сущности человека находится атеистический экзистенциализм? (*существование человека предшествует сущности; для экзистенциалиста человек потому не поддается определению, что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причем таким человеком, каким он сделает себя сам. Таким образом, нет никакой природы человека, как нет и бога, который бы ее задумал. Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким он хочет стать*).

7. Какова роль проекции человека в будущее? (*Человек – это прежде всего проект, который переживается субъективно, будущее – модус времени, всегда необходимый человеку*).

8. Какие необходимые следствия выводит Сартр из положения о том, что существование предшествует сущности? (*Человек – это, прежде всего, проект, который переживается субъективно, человек ответственен за то, что он есть*).

9. «... выбирая себя, мы выбираем всех людей» – поясните данное положение.

10. Сартр называет некоторые экзистенциальные характеристики человека, кажущиеся «громкими словами». Что это за характеристики? (*тревога, отчаяние, заброшенность*).

11. Поясните значение названных характеристик (нет детерминизма, человек свободен, человек – это свобода; Заброшенность предполагает,

что мы сами выбираем наше бытие: отчаяние – «Я должен ограничиваться тем, что вижу»).

12. Учение экзистенциализма противоположно квиетизму. В чем заключается эта противоположность (квиетизм настаивает на бездействии, в том числе оправдываемом внешними «условиями», экзистенциализм же говорит о жизни как о поступках, нет ничего, что могло бы быть, но не произошло, «гений Пруста – произведения Пруста»).

13. Поясните высказывание Сартра: Экзистенциализм – «единственная теория, которая не делает из него объект».

14. В чем заключается роль «другого»? *(Другой необходим для моего существования, так же, впрочем, как и для моего самопознания. При этих условиях обнаружение моего внутреннего мира открывает мне в то же время и другого, как стоящую передо мной свободу, которая мыслит и желает «за» или «против» меня. Таким образом, открывается целый мир, который мы называем интерсубъективностью).*

15. Каковы рассуждения Сартра о свободе? Возможно ли понимать под ней вседозволенность? *(стремясь к свободе, мы обнаруживаем, что она целиком зависит от свободы других людей и что свобода других зависит от нашей свободы; я признал, что человек – это существо, у которого существование предшествует сущности, что он есть существо свободное, которое может при различных обстоятельствах желать лишь своей свободы, я одновременно признал, что я могу желать и другим только свободы).*

16. В чем заключается вопрос о ценностях и смысле жизни по Сартру?

17. В чем заключается гуманизм экзистенциализма? *(проектируя себя и теряя себя вовне, он существует как человек. С другой стороны, он может существовать, только преследуя трансцендентные цели. Будучи этим выходом за пределы, улавливая объекты лишь в связи с этим преодолением самого себя, он находится в сердцевине, в центре этого выхода за собственные пределы. Нет никакого другого мира, помимо человеческого мира, мира человеческой субъективности. Эта связь конституирующей человека трансцендентности (не в том смысле, в каком трансцендентен бог, а в смысле выхода за свои пределы) и субъективности – в том смысле, что человек не замкнут в себе, а всегда присутствует в человеческом мире, – и есть то, что мы называем экзистенциалистским гуманизмом. Это гуманизм, поскольку мы напоминаем человеку, что нет другого законодателя, кроме него самого, в заброшенности он будет решать свою судьбу; поскольку мы показываем, что реализовать себя по-человечески человек может не путем погружения в самого себя, но в поиске цели вовне, которой может быть освобождение или еще какое-нибудь конкретное самоосуществление).*

Ж.-П.Сартр

Экзистенциализм – это гуманизм

Я хотел бы выступить здесь в защиту экзистенциализма от ряда упреков, высказанных в адрес этого учения.

Прежде всего, экзистенциализм обвиняют в том, будто он призывает погрузиться в квиетизм отчаяния: раз никакая проблема вообще не разрешима, то не может быть и никакой возможности действия в мире; в конечном итоге это созерцательная философия, а поскольку созерцание – роскошь, то мы вновь приходим к буржуазной философии. Таковы главным образом обвинения со стороны коммунистов.

С другой стороны, нас обвиняют в том, что мы подчеркиваем человеческую низость, показываем всюду гнусное, темное, липкое и пренебрегаем многим приятным и красивым, отворачиваемся от светлой стороны человеческой природы. Так, например, критик, стоящий на позициях католицизма, – г-жа Мерсье обвиняла нас в том, что мы забыли об улыбке ребенка. Те и другие упрекают нас в том, что мы забыли о солидарности людей, смотрим на человека как на изолированное существо; и это следствие того, что мы исходим, как заявляют коммунисты, из чистой субъективности, из картезианского "я мыслю", то есть опять-таки из такого момента, когда человек постигает себя в одиночестве, и это будто бы отрезает нам путь к солидарности с людьми, которые находятся вовне и которых нельзя постичь посредством *cogito*.

Со своей стороны христиане упрекают нас еще и в том, что мы отрицаем реальность и значение человеческих поступков, так как, уничтожая божественные заповеди и вечные ценности, не оставляем ничего, кроме произвола: всякому позволено поступать, как ему вздумается, и никто не может судить о взглядах и поступках других людей.

На все эти обвинения я постараюсь здесь ответить, именно поэтому я и озаглавил эту небольшую работу «Экзистенциализм – это гуманизм». Многих, вероятно, удивит, что здесь говорится о гуманизме. Разберем, какой смысл мы в него вкладываем. В любом случае мы можем сказать с самого начала, что под экзистенциализмом мы понимаем такое учение, которое делает возможной человеческую жизнь и которое, кроме того, утверждает, что всякая истина и всякое действие предполагают некоторую среду и человеческую субъективность.

Основное обвинение, нам предъявляемое, состоит, как известно, в том, что мы обращаем особое внимание на дурную сторону человеческой жизни. Мне рассказывали недавно об одной даме, которая, обмолвившись грубым выражением, заявила в виде извинения «Кажется, я становлюсь экзистенциалисткой». Следовательно, экзистенциализм уподобляют непристойности, а экзистенциалистов объявляют «натуралистами». Но,

если мы действительно натуралисты, вызывает крайнее удивление, что мы можем пугать и шокировать в гораздо большей степени, чем натурализм в собственном смысле. Человек, относящийся терпимо к такому роману Золя, как «Земля», испытывает отвращение, читая экзистенциалистский роман; человек, ссылающийся на народную мудрость, которая весьма пессимистична, находит нас законченными пессимистами. И в то же время трезво рассуждают по поводу того, что «своя рубашка ближе к телу» или что «собака любит палку». Есть множество других общих мест, говорящих о том же самом: не следует бороться с установленной властью, против силы не пойдешь, выше головы не прыгнешь, любое не подкрепленное традицией действие – романтика; всякая попытка, не опирающаяся на опыт, обречена на неудачу, а опыт показывает, что люди всегда скатываются вниз, что для того, чтобы их удержать, нужно нечто твердое, иначе воцарится анархия. И, однако, те самые люди, которые пережевывают эти пессимистические поговорки, которые заявляют всякий раз, когда они видят какой-нибудь более или менее отвратительный поступок: «Да, таков человек!», и которые кормятся этими «реалистическими напевами», – эти же люди упрекают экзистенциализм в излишней мрачности, и притом так упрекают, что иногда спрашиваешь себя: не за то ли они им недовольны, что он, наоборот, слишком оптимистичен? Что, в сущности, пугает в этом учении? Не тот ли факт, что оно дает человеку возможность выбора? Чтобы это выяснить, надо рассмотреть вопрос в строго философском плане. Итак, что такое экзистенциализм?

Большинству людей, употребляющих это слово, было бы очень трудно его разъяснить, ибо ныне, когда оно стало модным, экзистенциалистами стали объявлять и музыкантов, и художников. Один хроникер в «Кларте» тоже подписывается «Экзистенциалист». Слово приобрело такой широкий и пространный смысл, что, в сущности, уже ничего ровным счетом не означает. Похоже на то, что в отсутствие авангардного учения, вроде сюрреализма, люди, падкие на сенсации и жаждущие скандала, обращаются к философии экзистенциализма, которая, между тем, в этом отношении ничем не может им помочь. Ведь это исключительно строгое учение, меньше всего претендующее на скандальную известность и предназначенное, прежде всего, для специалистов и философов. Тем не менее, можно легко дать ему определение.

Дело, впрочем, несколько осложняется тем, что существуют две разновидности экзистенциалистов: во-первых, это христианские экзистенциалисты, к которым я отношу Ясперс и исповедующего католицизм Габриэля Марселя; и, во-вторых, экзистенциалисты-атеисты, к которым относятся Хайдеггер и французские экзистенциалисты, в том числе я сам. Тех и других объединяет лишь убеждение в том, что

существование предшествует сущности, или, если хотите, что нужно исходить из субъекта. Как это, собственно, следует понимать?

Возьмем изготовленный человеческими руками предмет, например книгу или нож для разрезания бумаги. Он был сделан ремесленником, который руководствовался при его изготовлении определенным понятием, а именно понятием ножа, а также заранее известной техникой, которая предполагается этим понятием и есть, в сущности, рецепт изготовления. Таким образом, нож является предметом, который, с одной стороны, производится определенным способом, а с другой – приносит определенную пользу. Невозможно представить себе человека, который бы изготавливал этот нож, не зная, зачем он нужен. Следовательно, мы можем сказать, что у ножа его сущность, то есть сумма приемов и качеств, которые позволяют его изготовить и определить, предшествует его существованию. И это обуславливает наличие здесь, передо мной, данного ножа или данной книги. В этом случае мы имеем дело с техническим взглядом на мир, согласно которому изготовление предшествует существованию.

Когда мы представляем себе бога-творца, то этот бог по большей части уподобляется своего рода ремесленнику высшего порядка. Какое бы учение мы ни взяли – будь то учение Декарта или Лейбница, – везде предполагается, что воля в большей или меньшей степени следует за разумом или, по крайней мере, ему сопутствует и что бог, когда творит, отлично себе представляет, что именно он творит. Таким образом, понятие «человек» в божественном разуме аналогично понятию «нож» в разуме ремесленника. И бог творит человека, сообразуясь с техникой и замыслом, точно так же, как ремесленник изготавливает нож в соответствии с его определением и техникой производства. Так же и индивид реализует какое-то понятие, содержащееся в божественном разуме.

В XVIII веке атеизм философов ликвидировал понятие бога, но не идею о том, что сущность предшествует существованию. Эту идею мы встречаем повсюду у Дидро, Вольтера и даже у Канта. Человек обладает некой человеческой природой. Эта человеческая природа, являющаяся «человеческим» понятием, имеется у всех людей. А это означает, что каждый отдельный человек – лишь частный случай общего понятия «человек». У Канта из этой всеобщности вытекает, что и житель лесов – естественный человек, и буржуа подводятся под одно определение, обладают одними и теми же основными качествами. Следовательно, и здесь сущность человека предшествует его историческому существованию, которое мы находим в природе.

Атеистический экзистенциализм, представителем которого являюсь я, более последователен. Он учит, что если даже бога нет, то есть, по крайней мере, одно бытие, у которого существование предшествует сущности, бытие, которое существует прежде, чем его можно определить

каким-нибудь понятием, и этим бытием является человек, или, по Хайдеггеру, человеческая реальность. Что это означает «существование предшествует сущности»? Это означает, что человек сначала существует, встречается, появляется в мире, и только потом он определяется.

Для экзистенциалиста человек потому не поддается определению, что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причем таким человеком, каким он сделает себя сам. Таким образом, нет никакой природы человека, как нет и бога, который бы ее задумал. Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким он хочет стать. И поскольку он представляет себя уже после того, как начинает существовать, и проявляет волю уже после того, как начинает существовать, и после этого порыва к существованию, то он есть лишь то, что сам из себя делает. Таков первый принцип экзистенциализма. Это и называется субъективностью, за которую нас упрекают. Но что мы хотим этим сказать, кроме того, что у человека достоинства больше, нежели у камня или стола? Ибо мы хотим сказать, что человек, прежде всего, существует, что человек – существо, которое устремлено к будущему и сознает, что оно проецирует себя в будущее. Человек – это, прежде всего» проект, который переживается субъективно, а не мох, не плесень и не цветная капуста. Ничто не существует до этого проекта, нет ничего на умопостигаемом небе, и человек станет таким, каков его проект бытия. Не таким, каким он пожелает. Под желанием мы обычно понимаем сознательное решение, которое у большинства людей появляется уже после того, как они из себя что-то сделали. Я могу иметь желание вступить в партию, написать книгу, жениться, однако все это лишь проявление более первоначального, более спонтанного выбора, чем тот, который обычно называют волей. Но если существование действительно предшествует сущности, то человек ответствен за то, что он есть. Таким образом, первым делом экзистенциализм отдает каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него полную ответственность за существование.

Но когда мы говорим, что человек ответствен, то это не означает, что он ответствен только за свою индивидуальность. Он отвечает за всех людей. Слово «субъективизм» имеет два смысла, и наши оппоненты пользуются этой двусмысленностью. Субъективизм означает, с одной стороны, что индивидуальный субъект сам себя выбирает, а с другой стороны – что человек не может выйти за пределы человеческой субъективности. Именно второй смысл и есть глубокий смысл экзистенциализма. Когда мы говорим, что человек сам себя выбирает, мы имеем в виду, что каждый из нас выбирает себя, но тем самым мы также хотим сказать, что, выбирая себя, мы выбираем всех людей. Действительно, нет ни одного нашего действия, которое, создавая из нас человека, каким мы хотели бы быть, не создавало бы в то же время образ

человека, каким он, по нашим представлениям, должен быть. Выбрать себя так или иначе означает одновременно утверждать ценность того, что мы выбираем, так как мы ни в коем случае не можем выбирать зло. То, что мы выбираем, – всегда благо. Но ничто не может быть благом для нас, не являясь благом для всех. Если, с другой стороны, существование предшествует сущности, и если мы хотим существовать, творя одновременно наш образ, то этот образ значим для всей нашей эпохи в целом. Таким образом, наша ответственность гораздо больше, чем мы могли бы предполагать, так как распространяется на все человечество. Если я, например, рабочий и решаю вступить в христианский профсоюз, а не в коммунистическую партию, если я этим вступлением хочу показать, что покорность судьбе – наиболее подходящее для человека решение, что царство человека не на земле, – то это не только мое личное дело: я хочу быть покорным ради всех, и, следовательно, мой поступок затрагивает все человечество. Возьмем более индивидуальный случай. Я хочу, например, жениться и иметь детей. Даже если эта женитьба зависит единственно от моего положения, или моей страсти, или моего желания, то тем самым я вовлекаю на путь моногамии не только себя самого, но и все человечество. Я ответствен, таким образом, за себя самого и за всех и создаю определенный образ человека, который выбираю, выбирая себя, я выбираю человека вообще.

Это позволяет нам понять, что скрывается за столь громкими словами, как «тревога», «заброшенность», «отчаяние». Как вы увидите, в них заложен чрезвычайно простой смысл. Во-первых, что понимается под тревогой. Экзистенциалист охотно заявит, что человек – это тревога. А это означает, что человек, который на что-то решается и сознает, что выбирает не только свое собственное бытие, но что он еще и законодатель, выбирающий одновременно с собой и все человечество, не может избежать чувства полной и глубокой ответственности. Правда, многие не ведают никакой тревоги, но мы считаем, что эти люди прячут это чувство, бегут от него. Несомненно, многие люди полагают, что их действия касаются лишь их самих, а когда им говоришь: а что, если бы все так поступали? – они пожимают плечами и отвечают: но ведь все так не поступают. Однако на самом деле всегда следует спрашивать, а что бы произошло, если бы все так поступали? От этой беспокоящей мысли можно уйти, лишь проявив некоторую нечестность (*mauvaise foi*). Тот, кто лжет, оправдываясь тем, что все так поступают, – не в ладах с совестью, так как факт лжи означает, что лжи придается значение универсальной ценности. Тревога есть, даже если ее скрывают. Это та тревога, которую Кьеркегор называл тревогой Авраама. Вы знаете эту историю. Ангел приказал Аврааму принести в жертву сына. Хорошо, если это на самом деле был ангел, который пришел и сказал: ты – Авраам и ты пожертвуешь своим сыном. Но каждый вправе спросить: действительно ли это ангел и

действительно ли я Авраам? Где доказательства? У одной сумасшедшей были галлюцинации: с ней говорили по телефону и отдавали приказания. На вопрос врача «Кто же с вами разговаривает?» – она ответила: «Он говорит, что он бог». Но что же служило ей доказательством, что это был бог? Если мне явится ангел, то откуда я узнаю, что это и на самом деле ангел? И если я услышу голоса, то что докажет, что они доносятся с небес, а не из ада или подсознания, что это не следствие патологического состояния? Что докажет, что они обращены именно ко мне? Действительно ли я предназначен для того, чтобы навязать человечеству мою концепцию человека и мой выбор? У меня никогда не будет никакого доказательства, мне не будет дано никакого знамения, чтобы в этом убедиться. Если я услышу голос, то только мне решать, является ли он гласом ангела. Если я сочту данный поступок благим, то именно я, а не кто-то другой, решаю, что этот поступок благой, а не злой. Мне вовсе не обязательно быть Авраамом, и, тем не менее, на каждом шагу я вынужден совершать поступки, служащие примером для других. Для каждого человека все происходит так, как будто взоры всего человечества обращены к нему и будто все сообразуют свои действия с его поступками. И каждый человек должен себе сказать: действительно ли я имею право действовать так, чтобы человечество брало пример с моих поступков? Если же он не говорит себе этого, значит, скрывает от себя свою тревогу. Речь идет здесь не о том чувстве, которое ведет к квиетизму, к бездействию. Это – тревога, известная всем, кто брал на себя какую-либо ответственность. Когда, например, военачальник берет на себя ответственность, отдавая приказ об атаке и посылая людей на смерть, то, значит, он решает это сделать и, в сущности, принимает решение один. Конечно, имеются приказы свыше, но они слишком общи и требуют конкретного истолкования. Это истолкование исходит от него, и от этого истолкования зависит жизнь десяти, четырнадцати или двадцати человек. Принимая решение, он не может не испытывать какого-то чувства тревоги. Такая тревога знакома всем руководителям. Однако она не мешает им действовать, наоборот, составляет условие действия, так как предполагает, что рассматривается множество различных возможностей. И когда они выбирают одну, то понимают, что она имеет ценность именно потому, что она выбрана. Эта тревога, о которой толкует экзистенциализм, объясняется, кроме того, прямой ответственностью за других людей. Это не барьер, отделяющий нас от действия, но часть самого действия.

Говоря о «заброшенности» (излюбленное выражение Хайдеггера), мы хотим сказать только то, что бога нет и что отсюда необходимо сделать все выводы. Экзистенциализм противостоит той распространенной светской морали, которая желает избавиться от бога с минимальными издержками. Когда около 1880 года некоторые французские профессора пытались выработать светскую мораль, они заявляли примерно

следующее: «Бог – бесполезная и дорогостоящая гипотеза, и мы ее отбрасываем». Однако для того, чтобы существовала мораль, общество, мир культуры, необходимо, чтобы некоторые ценности принимались всерьез и считались существующими *a priori*. Необходимость быть честным, не лгать, не бить жену, иметь детей и т.д. и т.п. должна признаваться *априорно*. Следовательно, нужно еще немного поработать, чтобы показать, что ценности все же существуют как скрижали в умопостигаемом мире, даже если бога нет. Иначе говоря, ничто не меняется, если бога нет; и это – умонастроение всего того, что во Франции называют радикализмом. Мы сохраним те же нормы честности, прогресса, гуманности; только бог превратится в устаревшую гипотезу, которая спокойно, сама собой отомрет. Экзистенциалисты, напротив, обеспокоены отсутствием бога, так как вместе с богом исчезает всякая возможность найти какие-либо ценности в умопостигаемом мире. Не может быть больше блага *a priori*, так как нет бесконечного и совершенного разума, который бы его мыслил. И нигде не записано, что благо существует, что нужно быть честным, что нельзя лгать; и это именно потому, что мы находимся на равнине, и на этой равнине живут одни только люди.

Достоевский как-то писал, что «если бога нет, то все дозволено». Это – исходный пункт экзистенциализма. В самом деле, все дозволено, если бога не существует, а потому человек заброшен, ему не на что опереться ни в себе, ни вовне. Прежде всего, у него нет оправданий. Действительно, если существование предшествует сущности, то ссылкой на раз навсегда данную человеческую природу ничего нельзя объяснить. Иначе говоря, нет детерминизма, человек свободен, человек – это свобода.

С другой стороны, если бога нет, мы не имеем перед собой никаких моральных ценностей или предписаний, которые оправдывали бы наши поступки. Таким образом, ни за собой, ни перед собой – в светлом царстве ценностей – у нас не имеется ни оправданий, ни извинений. Мы одиноки, и нам нет извинений. Это и есть то, что я выражаю словами: человек осужден быть свободным. Осужден, потому что не сам себя создал, и все-таки свободен, потому что, однажды брошенный в мир, отвечает за все, что делает. Экзистенциалист не верит во всемогущие страсти. Он никогда не станет утверждать, что благородная страсть – это всепоглощающий поток, который неумолимо толкает человека на совершение определенных поступков и поэтому может служить извинением. Он полагает, что человек ответствен за свои страсти. Экзистенциалист не считает также, что человек может получить на Земле помощь в виде какого-то знака, данного ему как ориентир. По его мнению, человек сам расшифровывает знамения, причем так, как ему вздумается. Он считает, следовательно, что человек, не имея никакой поддержки и помощи, осужден всякий раз изобретать человека. В одной своей замечательной статье Понж писал «Человек – это будущее человека». И это совершенно правильно. Но совершенно неправильно

понимать это таким образом, что будущее предначертано свыше и известно богу, так как в подобном случае это уже не будущее. Понимать это выражение следует в том смысле, что, каким бы ни был человек, впереди его всегда ожидает неизведанное будущее.

Но это означает, что человек заброшен. Чтобы пояснить на примере, что такое заброшенность, я сошлюсь на историю с одним из моих учеников, который пришел ко мне при следующих обстоятельствах. Его отец поссорился с его матерью; кроме того, отец склонялся к сотрудничеству с оккупантами. Старший брат был убит во время наступления немцев в 1940 году. И этот юноша с несколько примитивными, но благородными чувствами хотел за него отомстить. Мать, очень опечаленная полуизменой мужа и смертью старшего сына, видела в нем единственное утешение. Перед этим юношей стоял выбор: или уехать в Англию и поступить в вооруженные силы «Сражающейся Франции», что значило покинуть мать, или же остаться и помогать ей. Он хорошо понимал, что мать живет им одним и что его уход, а возможно и смерть, ввергнет ее в полное отчаяние. Вместе с тем он сознавал, что в отношении матери каждое его действие имеет положительный, конкретный результат в том смысле, что помогает ей жить, тогда как каждое его действие, предпринятое для того, чтобы отправиться сражаться, неопределенно, двусмысленно, может не оставить никакого следа и не принести ни малейшей пользы: например, по пути в Англию, проезжая через Испанию, он может на бесконечно долгое время застрять в каком-нибудь испанском лагере, может, приехав в Англию или в Алжир, попасть в штаб писарем. Следовательно, перед ним были два совершенно различных типа действия, либо конкретные и немедленные действия, но обращенные только к одному человеку, либо действия, направленные на несравненно более широкое общественное целое, на всю нацию, но именно по этой причине имеющие неопределенный, двусмысленный характер и, возможно, безрезультатные.

Одновременно он колебался между двумя типами морали. С одной стороны, мораль симпатии, личной преданности, с другой стороны, мораль более широкая, но, может быть, менее действенная. Нужно было выбрать одну из двух. Кто мог помочь ему сделать этот выбор? Христианское учение? Нет. Христианское учение говорит: будьте милосердны, любите ближнего, жертвуйте собою ради других, выбирайте самый трудный путь и т.д. и т.п. Но какой из этих путей самый трудный? Кого нужно возлюбить, как ближнего своего: война или мать? Как принести больше пользы: сражаясь вместе с другими – польза не вполне определенная, или же – вполне определенная польза – помогая жить конкретному существу? Кто может решать здесь *a priori*? Никто. Никакая писаная мораль не может дать ответ. Кантианская мораль гласит: никогда не рассматривайте других людей как средство, но лишь как цель. Прекрасно. Если я останусь с

матерью, я буду видеть в ней цель, а не средство. Но тем самым я рискую видеть средство в тех людях, которые сражаются. И наоборот, если я присоединюсь к сражающимся, то буду рассматривать их как цель, но тем самым рискую видеть средство в собственной матери

Если ценности неопределенны и если все они слишком широки для того конкретного случая, который мы рассматриваем, нам остается довериться инстинктам. Это и попытался сделать молодой человек. Когда я встретился с ним, он сказал: «В сущности, главное – чувство. Мне следует выбрать то, что меня действительно толкает в определенном направлении. Если я почувствую, что достаточно люблю свою мать, чтобы пожертвовать ради нее всем остальным – жадной мести, жадной действия, приключений, то я останусь с ней. Если же, наоборот, я почувствую, что моя любовь к матери недостаточна, тогда мне надо будет уехать». Но как определить значимость чувства? В чем значимость его чувства к матери? Именно в том, что он остается ради нее. Я могу сказать: «Я люблю своего приятеля достаточно сильно, чтобы пожертвовать ради него некоторой суммой денег». Но я могу сказать это лишь в том случае, если это уже сделано мною. Я могу сказать «Я достаточно люблю свою мать, чтобы остаться с ней», в том случае, если я с ней остался. Я могу установить значимость данного чувства лишь тогда, когда уже совершил поступок, который утверждает и определяет значимость чувства. Если же мне хочется, чтобы чувство оправдало мой поступок, я попадаю в порочный круг.

С другой стороны, как хорошо сказал Андре Жид, чувство, которое изображают, и чувство, которое испытывают, почти неразличимы. Решить, что я люблю свою мать, и остаться с ней или же разыграть комедию, будто я остаюсь ради матери, – почти одно и то же. Иначе говоря, чувство создается поступками, которые мы совершаем. Я не могу, следовательно, обратиться к чувству, чтобы им руководствоваться. А это значит, что я не могу ни искать в самом себе такое истинное состояние, которое побудило бы меня к действию, ни требовать от какой-либо морали, чтобы она предписала, как мне действовать. Однако, возразите вы, ведь он же обратился за советом к преподавателю. Дело в том, что, когда вы идете за советом, например, к священнику, значит, вы выбрали этого священника и, в сущности, вы уже более или менее представляли себе, что он вам посоветует. Иными словами, выбрать советчика – это опять-таки решиться на что-то самому. Вот вам доказательство: если вы христианин, вы скажете: «Посоветуйтесь со священником». Но есть священники-коллорабационисты, священники-выжидатели, священники – участники движения Соппротивления. Так кого же выбрать? И если юноша останавливает свой выбор на священнике – участнике Соппротивления или священнике-коллорабационисте, то он уже решил, каким будет совет.

Обращаясь ко мне, он знал мой ответ, а я могу сказать только одно: вы свободны, выбирайте, то есть изобретайте.

Никакая всеобщая мораль вам не укажет, что нужно делать; в мире нет знамений. Католики возразят, что знамения есть. Допустим, что так, но и в этом случае я сам решаю, каков их смысл. В плену я познакомился с одним примечательным человеком, иезуитом, вступившим в орден следующим образом. Он немало натерпелся в жизни: его отец умер, оставив семью в бедности; он жил на стипендию, получаемую в церковном учебном заведении, и ему постоянно давали понять, что он принят туда из милости; он не получал многих почетных наград, которые так любят дети. Позже, примерно в 18 лет, он потерпел неудачу в любви и, наконец, в 22 года провалился с военной подготовкой – факт сам по себе пустяковый, но явившийся именно той каплей, которая переполнила чашу. Этот юноша мог, следовательно, считать себя полным неудачником. Это было знамение, но в чем заключался его смысл? Мой знакомый мог погрузиться в скорбь или отчаяние, но достаточно здраво рассудил, что это – знак, указывающий на то, что он не создан для успехов на мирском поприще, что ему назначены успехи в делах религии, святости, веры. Он увидел, следовательно, в этом перст божий и вступил в орден. Разве решение относительно смысла знамения не было принято им самим, совершенно самостоятельно? Из этого ряда неудач можно было сделать совсем другой вывод: например, что лучше стать плотником или революционером. Следовательно, он несет полную ответственность за истолкование знамения. Зброшенность предполагает, что мы сами выбираем наше бытие. Зброшенность приходит вместе с тревогой.

Что касается отчаяния, то этот термин имеет чрезвычайно простой смысл. Он означает, что мы будем принимать во внимание лишь то, что зависит от нашей воли, или ту сумму вероятностей, которые делают возможным наше действие. Когда чего-нибудь хотят, всегда присутствует элемент вероятности. Я могу рассчитывать на то, что ко мне придет друг. Этот друг придет на поезде или на трамвае. И это предполагает, что поезд прибудет в назначенное время, а трамвай не сойдет с рельсов. Я остаюсь в области возможного; но полагаться на возможность следует лишь настолько, насколько наше действие допускает всю совокупность возможностей. Как только рассматриваемые мною возможности перестают строго соответствовать моим действиям, я должен перестать ими интересоваться, потому что никакой бог и никакое провидение не могут приспособить мир и его возможности к моей воле. В сущности, когда Декарт писал: «Побеждать скорее самого себя, чем мир», то этим он хотел сказать то же самое: действовать без надежды. Марксисты, с которыми я разговаривал, возражали: «В ваших действиях, которые, очевидно, будут ограничены вашей смертью, вы можете рассчитывать на поддержку со стороны других людей. Это значит рассчитывать, во-первых, на то, что

другие люди сделают для помощи вам в другом месте – в Китае, в России, и в то же время на то, что они сделают позже, после вашей смерти, для того чтобы продолжить ваши действия и довести их до завершения, то есть до революции. Вы даже должны на это рассчитывать, иначе вам нет морального оправдания». Я же на это отвечаю, что я всегда буду рассчитывать на товарищей по борьбе в той мере, в какой они участвуют вместе со мной в общей конкретной борьбе, связаны единством партии или группировки, действие которой я более или менее могу контролировать, – я состою в ней, и мне известно все, что в ней делается. И вот при таких условиях рассчитывать на единство и на волю этой партии – это все равно, что рассчитывать на то, что трамвай придет вовремя или что поезд не сойдет с рельсов. Но я не могу рассчитывать на людей, которых не знаю, основываясь на вере в человеческую доброту или заинтересованность человека в общественном благе. Ведь человек свободен, и нет никакой человеческой природы, на которой я мог бы основывать свои расчеты. Я не знаю, какая судьба ожидает русскую революцию. Я могу лишь восхищаться ею и взять ее за образец в той мере, в какой я сегодня вижу, что пролетариат играет в России роль, какой он не играет ни в какой другой стране. Но я не могу утверждать, что революция обязательно приведет к победе пролетариата. Я должен ограничиваться тем, что вижу. Я не могу быть уверен, что товарищи по борьбе продолжат мою работу после моей смерти, чтобы довести ее до максимального совершенства, поскольку эти люди свободны и завтра будут сами решать, чем должен быть человек. Завтра, после моей смерти, одни, может быть, решат установить фашизм, а другие окажутся такими трусами, что позволят им это сделать. Тогда фашизм станет человеческой истиной; и тем хуже для нас. Действительность будет такой, какой ее определит сам человек.

Значит ли это, что я должен предаться бездействию? Нет. Сначала я должен решить, а затем действовать, руководствуясь старой формулой: «Нет нужды надеяться, чтобы что-то предпринимать». Это не означает, что мне не следует вступать в ту или иную партию. Просто я, не питая иллюзий, буду делать то, что смогу. Например, я задаюсь вопросом: осуществится ли обобществление как таковое? Я об этом ничего не знаю, знаю только, что сделаю все, что будет в моих силах, для того, чтобы оно осуществилось. Сверх этого я не могу ни на что рассчитывать.

Квиетизм – позиция людей, которые говорят: другие могут сделать то, чего не могу сделать я. Учение, которое я излагаю, прямо противоположно квиетизму, ибо оно утверждает, что реальность – в действии. Оно даже идет дальше и заявляет, что человек есть не что иное, как его проект самого себя. Человек существует лишь настолько, насколько себя осуществляет. Он представляет собой, следовательно, не что иное, как совокупность своих поступков, не что иное, как собственную жизнь. Отсюда понятно, почему наше учение внушает ужас некоторым

людям. Ведь у них зачастую нет иного способа переносить собственную несостоятельность, как с помощью рассуждения: «Обстоятельства были против меня, я стою гораздо большего. Правда, у меня не было большой любви или большой дружбы, но это только потому, что я не встретил мужчину или женщину, которые были бы их достойны. Я не написал хороших книг, но это потому, что у меня не было досуга. У меня не было детей, которым я мог бы себя посвятить, но это потому, что я не нашел человека, с которым мог бы пройти по жизни. Во мне, стало быть, остаются в целостности и сохранности множество неиспользованных способностей, склонностей и возможностей, которые придают мне значительно большую значимость, чем можно было бы судить только по моим поступкам». Однако в действительности, как считают экзистенциалисты, нет никакой любви, кроме той, что создает саму себя; нет никакой «возможной» любви, кроме той, которая в любви проявляется. Нет никакого гения, кроме того, который выражает себя в произведениях искусства. Гений Пруста – это произведения Пруста Гений Расина – это ряд его трагедий, и кроме них ничего нет. Зачем говорить, что Расин мог бы написать еще одну трагедию, если он ее не написал? Человек живет своей жизнью, он создает свой облик, а вне этого облика ничего нет. Конечно, это может показаться жестоким для тех, кто не преуспел в жизни. Но, с другой стороны, надо, чтобы люди поняли, что в счет идет только реальность, что мечты, ожидания и надежды позволяют определить человека лишь как обманчивый сон, как рухнувшие надежды, как напрасные ожидания, то есть определить его отрицательно, а не положительно. Тем не менее, когда говорят: «Ты есть не что иное, как твоя жизнь», это не значит, что, например, о художнике будут судить исключительно по его произведениям; есть тысячи других вещей, которые его определяют. Мы хотим лишь сказать, что человек есть не что иное, как ряд его поступков, что он есть сумма, организация, совокупность отношений, из которых составляются эти поступки.

И в таком случае нас упрекают, по существу, не за пессимизм, а за упрямый оптимизм. Если нам ставят в упрек наши литературные произведения, в которых мы описываем вялых, слабых, трусливых, а иногда даже явно дурных людей, так это не только потому, что эти существа вялые, слабые, трусливые или дурные. Если бы мы заявили, как Золя, что они таковы по причине своей наследственности, в результате воздействия среды, общества, в силу определенной органической или психической обусловленности, люди бы успокоились и сказали: «Да, мы таковы, и с этим ничего не поделаешь». Но экзистенциалист, описывая труса, полагает, что этот трус ответствен за собственную трусость. Он таков не потому, что у него трусливое сердце, легкие или мозг. Он таков не вследствие своей физиологической организации, но потому, что сам сделал себя трусом своими поступками. Не бывает трусливого темперамента.

Темпераменты бывают нервическими, слабыми, как говорится, худосочными или полнокровными. Но слабый человек вовсе не обязательно трус, так как трусость возникает вследствие отречения или уступки. Темперамент – еще не действие. Трус определяется по совершенному поступку. То, что люди смутно чувствуют и что вызывает у них ужас, – это виновность самого труса в том, что он трус. Люди хотели бы, чтобы трусами или героями рождались.

Один из главных упреков в адрес моей книги «Дороги свободы» формулируется следующим образом: как можно делать героями столь дряблых людей? Это возражение несерьезно, оно предполагает, что люди рождаются героями. Собственно говоря, люди именно так и хотели бы думать: если вы родились трусом, то можете быть совершенно спокойны – вы не в силах ничего изменить и останетесь трусом на всю жизнь, что бы вы ни делали. Если вы родились героем, то также можете быть совершенно спокойны – вы останетесь героем всю жизнь, будете пить как герой, есть как герой. Экзистенциалист же говорит: трус делает себя трусом и герой делает себя героем. Для труса всегда есть возможность больше не быть трусом, а для героя – перестать быть героем. Но в счет идет лишь полная решимость, а не частные случаи или отдельные действия – они не захватывают нас полностью.

Итак, мы, кажется, ответили на ряд обвинений. Как видите, экзистенциализм нельзя рассматривать ни как философию квиетизма, ибо экзистенциализм определяет человека по его делам, ни как пессимистическое описание человека: на деле нет более оптимистического учения, поскольку судьба человека полагается в нем самом. Экзистенциализм – это не попытка отбить у человека охоту к действиям, ибо он говорит человеку, что надежда лишь в его действиях, и единственное, что позволяет человеку жить, – это действие. Следовательно, в этом плане мы имеем дело с моралью действия и решимости. Однако на этом основании нас упрекают также и в том, что мы замуровываем человека в индивидуальной субъективности. Но и здесь нас понимают превратно.

Действительно, наш исходный пункт – это субъективность индивида, он обусловлен и причинами чисто философского порядка. Не потому, что мы буржуа, а потому, что мы хотим иметь учение, основывающееся на истине, а не на ряде прекрасных теорий, которые обнадеживают, не имея под собой реального основания. В исходной точке не может быть никакой другой истины, кроме: «Я мыслю, следовательно, существую». Это абсолютная истина сознания, постигающего самое себя. Любая теория, берущая человека вне этого момента, в котором он постигает себя, есть теория, упраздняющая истину, поскольку вне картезианского *cogito* все предметы лишь вероятны, а учение о вероятностях, не опирающееся на истину, низвергается в пропасть небытия. Чтобы определять вероятное,

нужно обладать истинным. Следовательно, для того чтобы существовала хоть какая-нибудь истина, нужна истина абсолютная. Абсолютная истина проста, легко достижима и доступна всем, она схватывается непосредственно.

Далее, наша теория – единственная теория, придающая человеку достоинство, единственная теория, которая не делает из него объект. Всякий материализм ведет к рассмотрению людей, в том числе и себя самого, как предметов, то есть как совокупности определенных реакций, ничем не отличающейся от совокупности тех качеств и явлений, которые образуют стол, стул или камень. Что же касается нас, то мы именно и хотим создать царство человека как совокупность ценностей, отличную от материального царства. Но субъективность, постигаемая как истина, не является строго индивидуальной субъективностью, поскольку, как мы показали, в *cogito* человек открывает не только самого себя, но и других людей. В противоположность философии Декарта, в противоположность философии Канта, через «я мыслю» мы постигаем себя перед лицом другого, и другой так же достоверен для нас, как мы сами. Таким образом, человек, постигающий себя через *cogito*, непосредственно обнаруживает вместе с тем и всех других, и притом – как условие своего собственного существования. Он отдает себе отчет в том, что не может быть *каким-нибудь* (в том смысле, в каком про человека говорят, что он остроумен, зол или ревнив), если только другие не признают его таковым. Чтобы получить, какую-либо истину о себе, я должен пройти через другого. Другой необходим для моего существования, так же, впрочем, как и для моего самопознания. При этих условиях обнаружение моего внутреннего мира открывает мне в то же время и другого, как стоящую передо мной свободу, которая мыслит и желает «за» или «против» меня. Таким образом, открывается целый мир, который мы называем интерсубъективностью. В этом мире человек и решает, чем является он и чем являются другие.

Кроме того, если невозможно найти универсальную сущность, которая была бы человеческой природой, то все же существует некая общность условий человеческого существования. Не случайно современные мыслители чаще говорят об условиях человеческого существования, чем о человеческой природе. Под ними они понимают, с большей или меньшей степенью ясности, совокупность априорных пределов, которые очерчивают фундаментальную ситуацию человека в универсуме. Исторические ситуации меняются: человек может родиться рабом в языческом обществе, феодальным сеньором или пролетарием. Не изменяется лишь необходимость для него быть в мире, быть в нем за работой, быть в нем среди других и быть в нем смертным. Пределы не субъективны и не объективны, скорее, они имеют объективную и субъективную стороны. Объективны они потому, что встречаются повсюду и повсюду могут быть опознаны. Субъективны потому, что

переживаемы, они ничего не представляют собой, если не пережиты человеком, который свободно определяет себя в своем существовании по отношению к ним. И хотя проекты могут быть различными, ни один мне не чужд, потому что все они представляют собой попытку преодолеть пределы, или раздвинуть их, или не признать их, или приспособиться к ним. Следовательно, всякий проект, каким бы индивидуальным он ни был, обладает универсальной значимостью. Любой проект, будь то проект китайца, индейца или негра, может быть понят европейцем. Может быть понят – это значит, что европеец 1945 года может точно так же идти от постигнутой им ситуации к ее пределам, что он может воссоздать в себе проект китайца, индейца или африканца. Любой проект универсален в том смысле, что понятен каждому. Это не означает, что данный проект определяет человека раз навсегда, а только то, что он может быть воспроизведен. Всегда можно понять идиота, ребенка, дикаря или иностранца, достаточно иметь необходимые сведения. В этом смысле мы можем говорить о всеобщности человека, которая, однако, не дана заранее, но постоянно создается. Выбирая себя, я создаю всеобщее. Я создаю его, понимая проект любого другого человека, к какой бы эпохе он ни принадлежал. Эта абсолютность выбора не ликвидирует относительности каждой отдельной эпохи. Экзистенциализм и хочет показать эту связь между абсолютным характером свободного действия, посредством которого каждый человек реализует себя, реализуя в то же время определенный тип человечества, – действия, понятного любой эпохе и любому человеку, и относительностью культуры, которая может явиться следствием такого выбора. Необходимо отметить вместе с тем относительность картезианства и абсолютность картезианской позиции. Если хотите, в этом смысле каждый из нас существо абсолютное, когда он дышит, ест, спит или действует тем или иным образом. Нет никакой разницы между свободным бытием, бытием-проектом, существованием, выбирающим свою сущность, и абсолютным бытием. И нет никакой разницы между локализованным во времени абсолютным бытием, то есть расположенным в истории, и универсально постижимым бытием.

Это, однако, не снимает полностью обвинения в субъективизме, которое выступает еще в нескольких формах. Во-первых, нам говорят: «Значит, вы можете делать что угодно». Это обвинение формулируют по-разному. Сначала нас записывают в анархисты, а потом заявляют: «Вы не можете судить других, так как не имеете оснований, чтобы предпочесть один проект другому». И, наконец, нам могут сказать: «Все произвольно в вашем выборе, вы отдаете одной рукой то, что вы якобы получили другой». Эти три возражения не слишком серьезны. Прежде всего, первое возражение – «вы можете выбирать что угодно» – неточно. Выбор возможен в одном направлении, но невозможно не выбирать. Я всегда могу выбрать, но я должен знать, что даже в том случае, если ничего не

выбираю, тем самым я все-таки выбираю. Хотя это обстоятельство и кажется сугубо формальным, однако оно чрезвычайно важно для ограничения фантазии и каприза. Если верно, что, находясь в какой-то ситуации, например в ситуации, определяющей меня как существо, наделенное полом, способное находиться в отношениях с существом другого пола и иметь детей, я вынужден выбрать какую-то позицию, то, во всяком случае, я несу ответственность за выбор, который, обязывая меня, обязывает в то же время все человечество. Даже если никакая априорная ценность не определяет моего выбора, он все же не имеет ничего общего с капризом. А если кое-кому кажется, что это – та же теория произвольного действия, что и у А.Жида, значит, они не видят громадного различия между экзистенциализмом и учением Жида. Жид не знает, что такое ситуация. Для него действия обусловлены простым капризом. Для нас, напротив, человек находится в организованной ситуации, которою живет, и своим выбором он заставляет жить ею все человечество, и он не может не выбирать: он или останется целомудренным, или женится, но не будет иметь детей, или женится и будет иметь детей. В любом случае, что бы он ни делал, он несет полную ответственность за решение этой проблемы. Конечно, он не ссылается, осуществляя выбор, на предустановленные ценности, но было бы несправедливо обвинять его в капризе. Моральный выбор можно сравнить скорее с созданием произведения искусства. Однако здесь надо сразу же оговориться, речь идет отнюдь не об эстетской морали, наши противники столь недобросовестны, что упрекают нас даже в этом. Пример взят мною лишь для сравнения. Итак, разве когда-нибудь упрекали художника, рисующего картину, за то, что он не руководствуется априорно установленными правилами? Разве когда-нибудь говорили, какую он *должен* нарисовать картину? Ясно, что нет картины, которая была бы определена до ее написания, что художник живет созданием своего произведения и что картина, которая должна быть нарисована, – это та картина, которую он нарисует. Ясно, что нет априорных эстетических ценностей, но есть ценности, которые проявятся потом – в связи отдельных элементов картины, в отношениях между волей к творчеству и результатом. Никто не может сказать, какой будет живопись завтра. О картинах можно судить, лишь когда они уже написаны. Какое отношение имеет это к морали? Здесь мы тоже оказываемся в ситуации творчества. Мы никогда не говорим о произвольности произведения искусства. Обсуждая полотно Пикассо, мы не говорим, что оно произвольно. Мы хорошо понимаем, что, рисуя, он созидает себя таким, каков он есть, что совокупность его произведений включается в его жизнь.

Так же обстоит дело и в морали. Общим между искусством и моралью является то, что в обоих случаях мы имеем творчество и изобретение. Мы не можем решить а priori, что надо делать. Мне кажется, я достаточно показал это на примере того молодого человека, который приходил ко мне

за советом и который мог взывать к любой морали, кантианской или какой-либо еще, не находя там для себя никаких указаний. Он был вынужден изобрести для себя свой собственный закон. Мы никогда не скажем, что этот человек – решит ли он остаться со своей матерью, беря за основу морали чувства, индивидуальное действие и конкретное милосердие, или решит поехать в Англию, предпочитая жертвенность, – сделал произвольный выбор. Человек создает себя сам. Он не сотворен изначально, он творит себя, выбирая мораль, а давление обстоятельств таково, что он не может не выбрать какой-нибудь определенной морали. Мы определяем человека лишь в связи с его решением занять позицию. Поэтому бессмысленно упрекать нас в произвольности выбора.

Во-вторых, нам говорят, что мы не можем судить других. Это отчасти верно, а отчасти нет. Это верно в том смысле, что всякий раз, когда человек выбирает свою позицию и свой проект со всей искренностью и полной ясностью, каким бы ни был этот проект, ему невозможно предпочесть другой. Это верно в том смысле, что мы не верим в прогресс. Прогресс – это улучшение. Человек же всегда находится лицом к лицу с меняющейся ситуацией, и выбор всегда остается выбором в ситуации. Моральная проблема ничуть не изменилась с тех пор, когда надо было выбирать между сторонниками и противниками рабовладения во время войны между Севером и Югом, вплоть до сегодняшнего дня, когда нужно голосовать за МРП или за коммунистов.

Но, тем не менее, судить можно, поскольку, как я уже говорил, человек выбирает, в том числе выбирает и самого себя, перед лицом других людей. Прежде всего можно судить, какой выбор основан на заблуждении, а какой на истине (это может быть не оценочное, а логическое суждение). Можно судить о человеке, если он нечестен. Если мы определили ситуацию человека как свободный выбор, без оправданий и без опоры, то всякий человек, пытающийся оправдаться своими страстями или придумывающий детерминизм, нечестен. Могут возразить: «Но почему бы ему не выбирать себя нечестно?» Я отвечу, что не собираюсь судить с моральной точки зрения, а просто определяю нечестность как заблуждение. Здесь нельзя избежать суждения об истине. Нечестность – это, очевидно, ложь, ибо утаивает полную свободу действия. В том же смысле можно сказать, что выбор нечестен, если заявляется, будто ему предшествуют некие предсуществующие ценности. Я противоречу сам себе, если одновременно хочу их установить и заявляю, что они меня обязывают. Если мне скажут: «А если я хочу быть нечестным?» – я отвечу: «Нет никаких оснований, чтобы вы им не были, но я заявляю, что вы именно таковы, тогда как строгая последовательность характерна лишь для честности». Кроме того, можно высказать моральное суждение. В каждом конкретном случае свобода не может иметь другой цели, кроме самой себя, и если человек однажды признал, что, пребывая в заброшенности, сам устанавливает

ценности, он может желать теперь только одного – свободы как основания всех ценностей. Это не означает, что он желает ее абстрактно. Это попросту означает, что действия честных людей имеют своей конечной целью поиски свободы как таковой. Человек, вступающий в коммунистический или революционный профсоюз, преследует конкретные цели. Эти цели предполагают наличие абстрактной воли к свободе. Но этой свободы желают в конкретном. Мы желаем свободы ради свободы в каждом отдельном случае. Но, стремясь к свободе, мы обнаруживаем, что она целиком зависит от свободы других людей и что свобода других зависит от нашей свободы.

Конечно, свобода, как определение человека, не зависит от другого, но, как только начинается действие, я обязан желать вместе с моей свободой свободы других, я могу принимать в качестве цели мою свободу лишь в том случае, если поставлю своей целью также и свободу других. Следовательно, если с точки зрения полной аутентичности я признаю, что человек – это существо, у которого существование предшествует сущности, что он есть существо свободное, которое может при различных обстоятельствах желать лишь своей свободы, я одновременно признаю, что я могу желать и другим только свободы. Таким образом, во имя этой воли к свободе, предполагаемой самой свободой, я могу формулировать суждение о тех, кто стремится скрыть от себя полную беспричинность своего существования и свою полную свободу. Одних, скрывающих от себя свою полную свободу с помощью духа серьезности или ссылок на детерминизм, я назову трусами. Других, пытающихся доказать, что их существование необходимо, хотя даже появление человека на Земле является случайностью, я назову сволочью. Но трусов или сволочь можно судить лишь с точки зрения строгой аутентичности. Поэтому, хотя содержание морали и меняется, определенная форма этой морали универсальна. Кант заявляет, что свобода желает самой себя и свободы других. Согласен. Но он полагает, что формальное и всеобщее достаточны для конституирования морали. Мы же, напротив, думаем, что слишком отвлеченные принципы терпят крах при определении действия. Рассмотрим еще раз пример с этим учеником. Во имя чего, во имя какой великой максимы морали мог бы он, по-вашему, с полным спокойствием духа решиться покинуть мать или же остаться с ней. Об этом никак нельзя судить. Содержание всегда конкретно и, следовательно, непредсказуемо. Всегда имеет место изобретение. Важно только знать, делается ли данное изобретение во имя свободы.

Рассмотрим два конкретных примера. Вы увидите, в какой степени они согласуются друг с другом и в то же время различны. Возьмем «Мельницу на Флоссе». В этом произведении мы встречаем некую девушку по имени Мэгги Тулливер, которая является воплощением страсти и сознает это. Она влюблена в молодого человека – Стефана, который обручен с другой,

ничем не примечательной девушкой. Эта Мэгги Тулливер, вместо того чтобы легкомысленно предпочесть свое собственное счастье, решает во имя человеческой солидарности пожертвовать собой и отказаться от любимого человека. Наоборот, Сансеверина в «Пармской обители», считая, что страсть составляет истинную ценность человека, заявила бы, что большая любовь стоит всех жертв, что ее нужно предпочесть банальной супружеской любви, которая соединила бы Стефана и ту дурочку, на которой он собрался жениться. Она решила бы пожертвовать последней и добиться своего счастья. И, как показывает Стендаль, ради страсти она пожертвовала бы и собой, если того требует жизнь. Здесь перед нами две прямо противоположные морали. Но я полагаю, что они равноценны, ибо в обоих случаях целью является именно свобода. Вы можете представить себе две совершенно аналогичные по своим следствиям картины. Одна девушка предпочитает покорно отказаться от любви, другая – под влиянием полового влечения – предпочитает игнорировать прежние связи мужчины, которого любит. Внешне эти два случая напоминают только что описанные. И тем не менее они весьма от них отличаются. Сансеверина по своему отношению к жизни гораздо ближе к Мэгги Тулливер, чем к такой беззаботной алчности.

Таким образом, вы видите, что второе обвинение одновременно и истинно, и ложно. Выбирать можно все, что угодно, если речь идет о свободе решать.

Третье возражение сводится к следующему: «Вы получаете одной рукой то, что даете другой», то есть ваши ценности, в сущности, несерьезны, поскольку вы их сами выбираете. На это я с глубоким прискорбием отвечаю, что так оно и есть; но уж если я ликвидировал богатства, то должен же кто-нибудь изобретать ценности. Нужно принимать вещи такими, как они есть. И, кроме того, сказать, что мы изобретаем ценности, – значит утверждать лишь то, что жизнь не имеет априорного смысла. Пока вы не живете своей жизнью, она ничего собой не представляет, вы сами должны придать ей смысл, а ценность есть не что иное, как этот выбираемый вами смысл. Тем самым вы обнаруживаете, что есть возможность создать человеческое сообщество.

Меня упрекали за сам вопрос: является ли экзистенциализм гуманизмом. Мне говорили: «Ведь вы же писали в «Тошноте», что гуманисты не правы, вы надсмеялись над определенным типом гуманизма, зачем теперь к нему возвращаться?» Действительно, слово "гуманизм" имеет два совершенно различных смысла. Под гуманизмом можно понимать теорию, которая рассматривает человека как цель и высшую ценность. Подобного рода гуманизм имеется у Кокто, например, в его рассказе «В 80 часов вокруг света», где один из героев, пролетая на самолете над горами, восклицает: «Человек поразителен!» Это означает, что лично я, не принимавший участия в создании самолетов, могу

воспользоваться плодами этих изобретений и что лично я – как человек – могу относить на свой счет и ответственность, и почести за действия, совершенные другими людьми. Это означало бы, что мы можем оценивать человека по наиболее выдающимся действиям некоторых людей. Такой гуманизм абсурден, ибо только собака или лошадь могла бы дать общую характеристику человеку и заявить, что человек паразителен, чего они, кстати, вовсе не собираются делать, по крайней мере, насколько мне известно. Но нельзя признать, чтобы о человеке мог судить человек. Экзистенциализм освобождает его от всех суждений подобного рода.

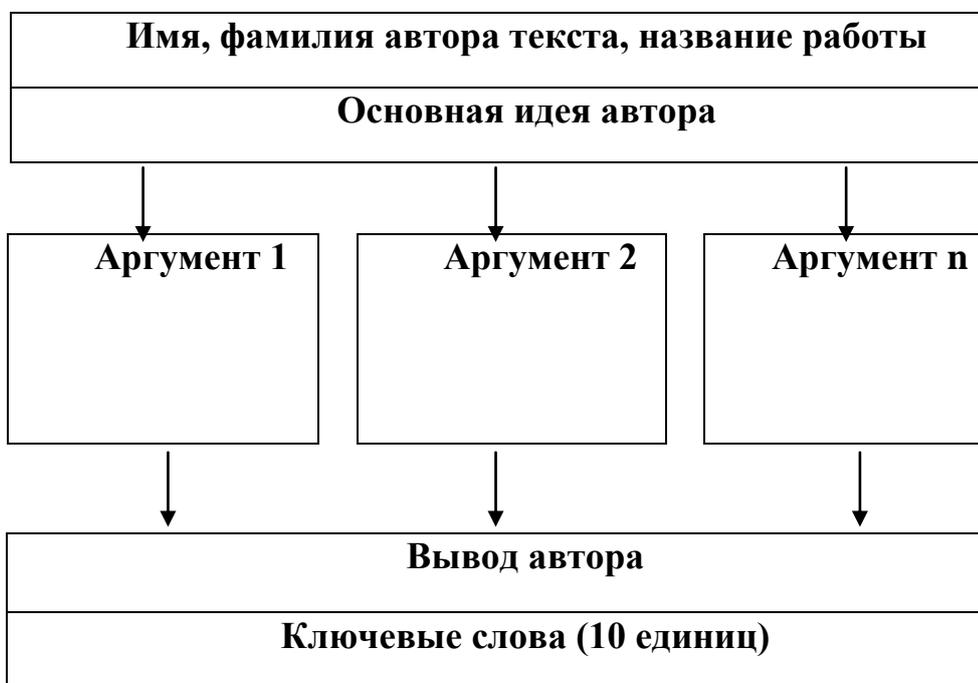
Но гуманизм можно понимать и в другом смысле. Человек находится постоянно вне самого себя. Именно проецируя себя и теряя себя вовне, он существует как человек. С другой стороны, он может существовать, только преследуя трансцендентные цели. Будучи этим выходом за пределы, улавливая объекты лишь в связи с этим преодолением самого себя, он находится в сердцевине, в центре этого выхода за собственные пределы. Нет никакого другого мира, помимо человеческого мира, мира человеческой субъективности. Эта связь конституирующей человека трансцендентности (не в том смысле, в каком трансцендентен бог, а в смысле выхода за свои пределы) и субъективности – в том смысле, что человек не замкнут в себе, а всегда присутствует в человеческом мире, – и есть то, что мы называем экзистенциалистским гуманизмом. Это гуманизм, поскольку мы напоминаем человеку, что нет другого законодателя, кроме него самого, в заброшенности он будет решать свою судьбу; поскольку мы показываем, что реализовать себя по-человечески человек может не путем погружения в самого себя, но в поиске цели вовне, которой может быть освобождение или еще какое-нибудь конкретное самоосуществление.

Из этих рассуждений видно, что нет ничего несправедливее выдвинутых против нас возражений. Экзистенциализм – это не что иное, как попытка сделать все выводы из последовательного атеизма. Он вовсе не пытается ввергнуть человека в отчаяние. Но если отчаянием называть, как это делают христиане, всякое неверие, тогда именно первородное отчаяние – его исходный пункт. Экзистенциализм – не такой атеизм, который растрчивает себя на доказательства того, что бог не существует. Скорее он заявляет следующее: даже если бы бог существовал, это ничего бы не изменило. Такова наша точка зрения. Это не значит, что мы верим в существование бога, – просто суть дела не в том, существует ли бог. Человек должен обрести себя и убедиться, что ничто не может его спасти от себя самого, даже достоверное доказательство существования бога. В этом смысле экзистенциализм – это оптимизм, учение о действии. И только вследствие нечестности, путая свое собственное отчаяние с нашим, христиане могут называть нас отчаявшимися.

3.2. Выявление и анализ структуры философской статьи

Практическое задание 1. Блок-схема для анализа статьи

Блок-схема представляет собой письменный анализ статьи в виде краткого освещения наиболее значимых авторских идей схематично отражающей *концепцию работы*. Задание позволяет попрактиковаться в выявлении *логики* и *неявной структуры* материала философского первоисточника или статьи, в кратком формулировании основной идеи философского произведения, в подборе последовательной аргументации, раскрывающей главную идею автора, в отсеивании лишних логических «ветвей», в навыке обнаружения и краткого формулирования вывода. Полученная в результате проделанной работы блок-схема сложного переработанного материала оказывается очень удобной «*ментальной картой*», которую легко найти в своих архивах, легко воспроизвести в памяти в структурной целостности, в соотнесении с автором, а при необходимости ее можно развернуть, насыщая материалом статьи или первоисточника, не утрачивая при этом логических взаимосвязей структурных элементов философского произведения.

3.3. Использование ключевых идей статьи в осмыслении философского текста

Это задание представляет собой своего рода «нарезку» смысловых частей *текста статьи* соответственно ключевым формулировкам в левом столбце. Задача заключается в том, чтобы *расширить*, «*распаковать*», *конкретизировать* смысл этих формулировок, находя соответствующие расширенные абзацы в тексте и размещая этот более подробный материал в правом столбце таблицы; при этом можно и желательно добавлять свои комментарии, выделяя их курсивом, или другим цветом. Подобная проделанная работа оказывается очень эффективной для переработки большого объема материала при написании научных статей, дипломов, курсовых и диссертаций. Этот материал удобно хранить, легко находить и воспроизводить в новых текстах, и кроме того, в памяти он укладывается также компактно и структурировано в соответствии с ключевыми идеями, которые могут быть по необходимости развернуты, либо проблематизированы.

*Практическое задание 2.
Таблица-вопросник
для анализа статьи по ключевым идеям*

Таблица 5

№	Хайдеггер М. Отрешенность	
1.	«бездумность» современности как бегство от мышления;	
2.	вычисляющее мышление и осмысляющее мышление;	
3.	«укорененность» человека и утрата укорененности;	

4.	технизированно сть мира и осмысляющее мышление;	
5.	отрешенность от вещей как не- бессмысленность, постижение смысла мира техники;	
6.	опасность технического прогресса: особенности авторского понимания;	
7.	способность сказать технике «да» и «нет « одновременно».	

Текст 1

**М. Хайдеггер.
Отрешенность**

Первое, что я могу сказать своему родному городу, – это слова признательности. Я благодарю мою родину за все, что она дала мне в дальний путь. Что это за приданое, я пытался объяснить на страницах статьи «Проселочная дорога» в юбилейном сборнике, появившемся к столетию со дня смерти Конрадина Крейцера [2]. Я благодарю господина бургомистра Шюле за его сердечное приветствие и за ту честь, которую мне оказали, поручив выступить с памятной речью на сегодняшнем торжестве.

Уважаемое собрание!

Дорогие соотечественники!

Мы собрались здесь на торжестве, посвященном нашему земляку, композитору Конрадину Крейцеру. Чтобы чествовать такого человека – творческую личность, нужно, прежде всего, оценить по достоинству его произведения. А значит, чтобы чествовать музыканта, надо слушать его музыку.

Сегодня мы услышим произведения Конрадина Крейцера – его песни и хоры, камерную и оперную музыку. В этих звуках присутствует сам композитор, так как по-настоящему мастер присутствует лишь в своей работе. И если это действительно большой мастер, то его личность полностью исчезнет за его работой.

Певцы и музыканты, участвующие в сегодняшнем празднестве, будут гарантами того, что произведения Конрадина Крейцера прозвучат сегодня для нас.

Но будет ли это торжество в то же время и памятным? Ведь торжество в память кого-либо означает, что мы думаем [3]. Так о чем же мы должны думать и говорить на чествовании памяти композитора? Разве музыка не отличается тем, что она может «говорить» просто звучанием своих звуков, и разве ей нужен обычный язык – язык слов? Ведь так обычно считают. И все же остается вопрос: смогут ли музыка и пение превратить торжество в памятное, в такое, на котором мы думаем? Вероятно, не смогут. Поэтому памятная речь и была включена в программу праздника. Она специально должна помочь нам думать о чествуемом человеке и его произведениях. Такие воспоминания оживают, когда еще раз пересказывают историю жизни Конрадина Крейцера, перечисляют и описывают его произведения. Слушая такое повествование, мы испытываем радость и печаль, узнаем много поучительного и полезного. Но на самом деле мы лишь развлекаемся. Слушая такой рассказ, вовсе и не обязательно думать, не требуется размышлять о том, что относится к каждому из нас в отдельности непосредственно и постоянно в его собственном бытии. Таким образом, даже памятная речь не может быть залогом того, что мы будем думать на памятном торжестве.

Не надо дурачить себя. Все мы, включая и тех, кто думает по долгу службы, достаточно часто бедны мыслью, мы слишком легко становимся бездумными. Бездумность – зловещий гость, которого встретишь повсюду в сегодняшнем мире, поскольку сегодня познание всего и вся доступно так быстро и дешево, что в следующее мгновение, полученное так же поспешно, и забывается. Таким образом, одно собрание сменяется другим. Памятные празднества становятся все беднее и беднее мыслью, так что теперь памятные собрания и бездумность уже неразлучны.

Но даже когда мы бездумны, мы не теряем нашей способности думать. Мы ее, безусловно, используем, но, конечно, особым образом: в бездумности мы оставляем способность мыслить невозделанной, под

паром. Но только то может лежать под паром, что способно стать почвой для роста, например пашня. Автострада, на которой ничего не растет, никогда не может лежать под паром. Как оглохнуть мы можем только потому, что обладаем слухом, а состариться — только потому, что были молоды, точно так же мы можем стать бедными мыслями и даже бездумными лишь потому, что в самой основе своего бытия человек обладает способностью к мышлению, “духу и разуму”, и мышлению предназначен и уготован. Мы можем лишиться или, как говорят, отделаться только от того, чем мы обладаем, знаем ли мы об обладаемом или нет.

Усиливающаяся бездумность проистекает из болезни, подтачивающей самую сердцевину современного человека. Сегодняшний человек спасается бегством от мышления. Это бегство от мышления и есть основа для бездумности. Это такое бегство, что человек его и видеть не хочет и не признается в нем себе самому. Сегодняшний человек будет напрочь отрицать это бегство от мышления. Он будет утверждать обратное. Он скажет – имея на это полное право, что никогда еще не было таких далеко идущих планов, такого количества исследований в самых разных областях, проводимых так страстно, как сегодня. Несомненно, так тратиться на хитроумие и придумывание по-своему очень полезно и выгодно. Без такого мышления не обойтись. Но при этом остается так же верно и то, что это лишь частный вид мышления.

Его специфичность состоит в том, что когда мы планируем, исследуем, налаживаем производство, мы всегда считаемся с данными условиями. Мы берем их в расчет, исходя из определенной цели. Мы заранее рассчитываем на определенные результаты. Это рассчитывание является отличительной чертой мышления, которое планирует и исследует. Такое мышление будет калькуляцией даже тогда, когда оно не оперирует цифрами и не пользуется калькулятором или компьютером. Рассчитывающее мышление калькулирует. Оно непрерывно калькулирует новые, все более многообещающие и выгодные возможности. Вычисляющее мышление «загоняет» одну возможность за другой. Оно не может успокоиться и одуматься, прийти в себя. Вычисляющее мышление – это не осмысляющее мышление, оно не способно подумать о смысле, царящем во всем, что есть.

Итак, есть два вида мышления, причем существование каждого из них оправдано и необходимо для определенных целей: вычисляющее мышление и осмысляющее раздумье [4].

Именно это осмысляющее раздумье мы и имеем в виду, когда говорим, что сегодняшний человек спасается бегством от мышления. Все же можно возразить: само по себе осмысляющее размышление парит над действительностью, оно потеряло почву. Оно не поможет нам справиться с повседневными делами. Оно бесполезно в практической жизни.

И, наконец, говорят, что чистое размышление, стойкое осмысление «выше» обычного рассудка. В последней отговорке верно только то, что осмысляющее мышление само не получается, впрочем как и вычисляющее. Для осмысляющего мышления подчас необходимы высшие усилия. Оно требует более длительного упражнения. Для него нужна еще более чуткая забота, чем для любого другого настоящего ремесла. А еще оно должно уметь ждать, как ждет крестьянин, взойдет ли семя, даст ли урожай.

И все же каждый может выйти в путь размышления по-своему и в своих пределах. Почему? Потому что человек – это мыслящее, т. е. осмысляющее существо [5]. Чтобы размышлять, нам отнюдь не требуется «перепрыгнуть через себя». Достаточно остановиться на близлежащем и подумать о самом близком: о том, что касается каждого из нас – здесь и сейчас, здесь, на этом клочке родной земли, сейчас – в настоящий час мировой истории.

На какие мысли наведет нас этот праздник, конечно, в том случае, если мы готовы одуматься? Мы увидим, что произведение искусства созрело на почве своей родины. Если мы задумаемся над этим простым фактом, то мы обязательно подумаем и о том, что за последние два столетия Швабия породила великих поэтов и мыслителей. Если мы будем размышлять далее, то окажется, что Центральная Германия такая же земля, ровно как и Восточная Пруссия, Силезия и Богемия.

Мы задумаемся и спросим: а может быть, любое настоящее творение коренится в почве своей родной земли? Иоган Гебел однажды написал: «Мы растения, которые – хотим ли мы осознать это или нет – должны корениться в земле, чтобы, поднявшись, цвести в эфире и приносить плоды» (Werke, ed. Altwegg, III, 314).

Поэт хочет сказать: чтобы труд человека принес действительно радостные и целебные плоды, человек должен подняться в эфир из глубины своей родной земли. Эфир здесь означает свободный воздух небес, открытое царство духа.

Мы задумаемся еще сильнее и спросим: а как обстоит сегодня дело с тем, о чем говорил Иоган Петер Гебел? По-прежнему ли человек тихо обитает между небом и землей? По-прежнему ли царит на земле осмысляющий дух? Есть ли еще родина, в почве которой – корни человека, в которой он укоренен? [6].

Многие немцы лишились своей родины, им пришлось оставить свои города и села, их изгнали с родной земли. Многие другие, чья родина была спасена, все же оторвались от нее, попавши в ловушку суеты больших городов, им пришлось поселиться в пустыне индустриальных районов. И сейчас они чужие для своей бывшей родины. А те, кто остался на родине? Часто они еще более безродны, чем те, кто был изгнан. Час за часом, день за днем они проводят у телевизора и радиоприемника, прикованные к ним. Раз в неделю кино уводит их в непривычное, зачастую

лишь своей пошлостью, воображаемое царство, пытающееся заменить мир, но которое не есть мир. «Иллюстрированная газета» доступна всем. Как и все, с помощью чего современные средства информации ежедневно стимулируют человека, наступают на него и гонят его – все, что уже сегодня ближе человеку, чем пашни вокруг его двора, чем небо над землей, ближе, чем смена ночи днем, чем обычаи и нравы его села, чем предания его родного мира.

Мы задумаемся еще и спросим: что происходит здесь – как с людьми, оторванными от родины, так и с теми, кто остался на родной земле? Ответ: сейчас под угрозой находится сама укорененность [7] сегодняшнего человека. Более того: потеря корней не вызвана лишь внешними обстоятельствами и судьбой, она не происходит лишь от небрежности и поверхностности образа жизни человека. Утрата укорененности исходит из самого духа века, в котором мы рождены.

Мы задумаемся еще и спросим: если это так, смогут ли еще и впредь человек и его творения корениться в плодородной почве родины и тянуться к эфиру, на простор небес и духа? Или же все попадает в тиски планирования и калькуляций, организации и автоматизации?

Осмысляя то, что нам подсказывает это торжество, мы увидим: нашему веку грозит утрата корней. И мы спросим: что же на самом деле происходит в наше время? Чем оно отличается?

Век, который сейчас начинается, недавно был назван атомным веком. Его самое неотступное знамение – атомная бомба, но это – примета лишь очевидного, так как сразу же признали, что атомная энергия может быть использована и в мирных целях. И сегодня физики-ядерщики всего мира пытаются осуществить мирное использование ее в широких масштабах. Крупные индустриальные корпорации ведущих стран, Англии в первую очередь, уже посчитали, что атомная энергия может стать гигантским бизнесом. В атомной промышленности узрели новое счастье. Атомная физика не останется в стороне. Она открыто обещает нам это. В июле этого года на острове Майнау восемнадцать лауреатов Нобелевской премии объявили в своем обращении дословно следующее: «Наука (т. е. современное естествознание) – путь к счастью человечества».

Как обстоит дело с этим утверждением? Возникло ли оно из размышления? Задумалось ли оно над смыслом атомного века? Нет. Если мы удовлетворяемся этим утверждением науки, мы остаемся максимально далеко от осмысления нынешнего века. Почему? Потому что подумать-то мы и забыли. Потому что мы забыли спросить: благодаря чему современная техника, основанная на естествознании, способна открывать в природе и освобождать новые виды энергии?

Это стало возможно благодаря тому, что в течение последних столетий идет переворот в основных представлениях человек оказался пересаженным в другую действительность. Эта радикальная революция

мировоззрения произошла в философии Нового времени. Из этого проистекает и совершенно новое положение человека в мире и по отношению к миру. Мир теперь представляется объектом, открытым для атак вычисляющей мысли, атак, перед которыми уже ничто не сможет устоять. Природа стала лишь гигантской бензоколонкой, источником энергии для современной техники и промышленности. Это, в принципе техническое, отношение человека к мировому целому впервые возникло в семнадцатом веке и притом только в Европе. Оно было долго незнакомо другим континентам. Оно было совершенно чуждо прошлым векам и судьбам народов.

Сила, скрытая в современной технике, определяет отношение человека к тому, что есть. Ее господство простирается по всей земле. Человек уже начинает свое продвижение с земли в мировое пространство. Благодаря открытию атомной энергии, за какие-нибудь двадцать лет стали известны такие колоссальные источники энергии, что в обозримом будущем мировые потребности в энергии любого рода будут удовлетворены навсегда. Скоро производство энергии, в отличие от добычи угля, нефти, древесины, более не будет привязано к какой-то определенной стране или континенту. В обозримом будущем в любом месте земного шара можно будет построить атомную электростанцию.

Таким образом, теперь основная проблема науки и техники заключается уже не в том, где достать достаточное количество топлива. Сейчас решающая проблема звучит так: каким образом мы сможем обуздать и как мы научимся управлять этими невероятно гигантскими атомными энергиями так, чтобы гарантировать человечеству, что эти громадные энергии внезапно – даже в случае отсутствия военных действий – в каком-нибудь месте не вырвутся, «не удерут» и не уничтожат все?

Если обуздание атомной энергии будет успешным, – а оно будет успешным! – то в развитии технического мира начнется совершенно новая эра. То, что нам сейчас известно как техника фильмов и телевидения, транспорта, особенно воздушного, средств информации, медицинская и пищевая промышленность, является, вероятно, лишь жалким началом. Грядущие перевороты трудно предвидеть. Между тем технический прогресс будет идти вперед все быстрее и быстрее и его ничем нельзя остановить. Во всех сферах своего бытия человек будет окружен все более плотно силами техники. Эти силы, которые повсюду ежеминутно требуют к себе человека, привязывают его к себе, тянут его за собой, осаждают его и навязываются ему под видом тех или иных технических приспособлений, – эти силы давно уже переросли нашу волю и способность принимать решения, ибо не человек сотворил их.

Но к новому миру техники принадлежит также и то, что его достижения самым быстрым образом становятся всем известны и привлекают всеобщий интерес. Так сегодня все могут прочитать то, что

говорится в этой речи о технике в любом умело издаваемом иллюстрированном журнале, или услышать эту речь по радио. Но одно дело услышать или прочитать, т. е. просто узнать что-то, другое дело – осознать, т. е. осмыслить то, что мы слышали или прочитали.

Этим летом в очередной раз состоялась международная встреча лауреатов Нобелевской премии 1955 года в Линдау. Американский химик Стэнли сказал на ней следующее: «Близок час, когда жизнь окажется в руках химика, который сможет синтезировать, расщеплять и изменять по своему желанию субстанции жизни». Мы приняли к сведению это утверждение, мы даже восхищаемся дерзостью научного поиска, при этом не думая. Мы не останавливаемся, чтобы подумать, что здесь с помощью технических средств готовится наступление на жизнь и сущность человека, с которым не сравнится даже взрыв водородной бомбы. Так как даже если водородная бомба и не взорвется и жизнь людей на земле сохранится, все равно зловещее изменение мира неизбежно надвигается вместе с атомным веком.

Страшно на самом деле не то, что мир становится полностью технизированным. Гораздо более жутким является то, что человек не подготовлен к этому изменению мира, что мы еще не способны встретить осмысляющее, мысля то, что в сущности лишь начинается в этом веке атома.

Затормозить исторический ход атомного века или же направить его не может ни один человек, ни одна группа людей, ни одна комиссия выдающихся государственных деятелей, ученых и инженеров, ни одна конференция ведущих деятелей промышленности и торговли. Ни одна человеческая организация не способна подчинить себе этот процесс.

Так будет ли человек, отдан во власть неуправляемых сил техники, неизмеримо превосходящих его силы, растерянным и незащищенным? Это и произойдет, если человек окончательно откажется от того, чтобы решительно противопоставить калькуляции осмысляющее мышление. Но лишь только осмысляющее мышление пробуждается, оно должно работать непрерывно, по любому, самому незначительному поводу – так же и здесь, и сейчас, на этом памятном собрании, поскольку оно дает нам возможность осмыслить то, что находится под особой угрозой в атомный век, а именно: укорененность произведений человека.

Поэтому мы задаем такой вопрос: сможет ли человек с утратой старой укорененности обрести новую почву для коренения и стояния, такую почву и основу, на которой будут по-новому процветать сущность человека и все его труды даже в атомный век?

Что же станет основой и почвой для будущего коренения? Возможно, то, что мы ищем, очень близко, так близко, что мы его просто проглядели. Ведь путь к тому, что близко, для нас, людей, всегда самый дальний и потому самый трудный. Это путь размышления. Осмысляющее мышление

требует от нас не цепляться односторонне за какое-то одно представление, сойти с привычной мысленной колеи, по которой мы мчимся все дальше и дальше. Осмысляющее мышление требует от нас, чтобы мы занялись тем, что, на первый взгляд, вовсе не имеет к нему отношения.

Давайте испытаем осмысляющее мышление. Приспособления, аппараты и машины технического мира необходимы нам всем – для одних в большей, для других – в меньшей мере. Было бы безрассудно вслепую нападать на мир техники. Было бы близоруко проклинать его как орудие дьявола. Мы зависим от технических приспособлений, они даже подвигают нас на новые успехи. Но внезапно, и не осознавая этого, мы оказываемся настолько крепко связанными ими, что попадаем к ним в рабство.

Но мы можем и другое. Мы можем пользоваться техническими средствами, оставаясь при этом свободными от них, так что мы сможем отказаться от них в любой момент. Мы можем использовать эти приспособления так, как их и нужно использовать, но при этом оставить их в покое как то, что на самом деле не имеет отношения к нашей сущности. Мы можем сказать «да» неизбежному использованию технических средств и одновременно сказать «нет», поскольку мы запретим им затребовать нас и таким образом извращать, сбивать с толку и опустошать нашу сущность.

Но если мы скажем так одновременно «да» и «нет» техническим приспособлениям, то разве не станет наше отношение к миру техники двусмысленным и неопределенным? Напротив. Наше отношение к миру техники будет чудесно простым и спокойным. Мы впустим технические приспособления в нашу повседневную жизнь и в то же время оставим их снаружи, т. е. оставим их как вещи, которые не абсолютны, но зависят от чего-то высшего. Я бы назвал это отношение одновременно «да» и «нет» миру техники старым словом – «отрешенность от вещей» [8].

Это отношение позволяет увидеть вещи не только технически, оно даст нам прозреть то, что производство и использование машин требует от нас другого отношения к вещам, которое не бессмысленно. Например, мы поймем, что земледелие и сельское хозяйство превратились в механизированную пищевую промышленность, что и здесь, как и в других областях происходит глубочайшее изменение в отношении человека к природе и к миру перед ним. Но смысл того, что правит этим изменением, по-прежнему темен.

Итак, во всех технических процессах господствует смысл, который располагает всеми человеческими поступками и поведением, и не человек выдумал или создал этот смысл. Мы не понимаем значения зловещего усиления власти атомной техники. Смысл мира техники скрыт от нас. Но давайте же специально обратимся и будем обращены к тому, что этот сокрытый смысл повсюду нас затрагивает в мире техники, тогда мы окажемся внутри области, которая и прячется от нас, и, прячась, выходит к

нам. А то, что показывается и в то же время уклоняется — разве не это мы называем тайной? Я называю поведение, благодаря которому мы открываемся для смысла, потаенного в мире техники, открытостью для тайны [9].

Отрешенность от вещей и открытость для тайны взаимно принадлежны. Они предоставят нам возможность обитать в мире совершенно иначе. Они обещают нам новую основу и почву для коренения, на которой мы сможем стоять и выстоять в мире техники, уже не опасаясь его.

Отрешенность от вещей и открытость тайне дадут нам увидеть новую почву, которая однажды, быть может, даже возвернет в ином обличье старую, сейчас так быстро исчезающую.

Правда, пока (и мы не знаем, как долго это будет продолжаться) человек на этой земле находится в опасном положении. Почему? Потому лишь, что внезапно разразится третья мировая война, которая приведет к полному уничтожению человечества и разрушению земли? Нет. Наступающий атомный век грозит нам еще большей опасностью, как раз в том случае, если опасность третьей мировой войны будет устранена. Странное утверждение, не так ли? Разумеется, странное, но только до тех пор, пока мы не мыслим.

В каком смысле верно это утверждение? А в том, что подкатывающая техническая революция атомного века сможет захватить, околдовать, ослепить и обмануть человека так, что однажды вычисляющее мышление останется единственным действительным и практикуемым способом мышления.

Тогда какая же великая опасность надвигается тогда на нас? Равнодушие к размышлению и полная бездумность, полная бездумность, которая может идти рука об руку с величайшим хитроумием вычисляющего планирования и изобретательства. А что же тогда? Тогда человек отречется и отбросит свою глубочайшую сущность, именно то, что он есть размышляющее существо. Итак, дело в том, чтобы спасти эту сущность человека. Итак, дело в том, чтобы поддерживать размышление.

Однако отрешенность от вещей и открытость для тайны никогда не придут к нам сами по себе. Они не выпадут на нашу долю случайно. Они уродятся лишь из неустанного и решительного мышления.

Возможно, сегодняшнее памятное собрание подвигнет нас на это мышление. И если мы откликнемся на этот призыв, то мы будем думать о Конрадине Крейцере, размышляя об истоках его творчества, о его корнях, которые питала силами его родина. И это именно мы мыслим, когда мы осознаем себя здесь и сейчас людьми, призванными найти и подготовить путь в атомный век, через него и из него.

Если отрешенность от вещей и открытость для тайны пробудятся в нас, то мы выйдем в путь, который ведет нас к новой почве для коренения и

стояния. На этой почве творчество может пустить новые корни и принести плоды на века.

Так в другой век и несколько по-другому сбываются вновь слова Иогана Петера Гебела:

«Мы растения, которые – хотим ли мы осознать это или нет – должны корениться в земле, чтобы, поднявшись, цвести в эфире и приносить плоды».

Примечания

[1] Эта речь была произнесена на праздновании 175-й годовщины со дня рождения композитора Конрадина Крейцера 30 октября 1955 г. в Мескирхе, опубликована в 1959 году совместно с диалогом между ученым, филологом и учителем «К вопросу об отрешенности» (Из разговора на проселочной дороге) («Zur Erörterung der Gelassenheit» (Aus einem Feidgesprach über das Denken) указ. издание. S. 31–73). Подробная запись этого разговора была сделана еще в 1944–1945 гг., потом он был значительно сокращен. В разговоре проблематика, изложенная в речи памяти К. Крейцера, доступно, но декларативно, без уточнения свойств осмысляющего мышления, прорабатывается более детально и глубоко.

[2] Конрадин Крейцер (1780–1849) – плодовитый композитор, родился в Мескирхе, родном городе М. Хайдеггера, некоторые его хоры и оперы и сейчас хорошо известны в ФРГ.

[3] Gedenkfeier – торжество в память кого-либо, образовано от глагола gedenken – помнить, вспоминать кого-либо, который также имеет значение – думать, отсюда – требование М. Хайдеггера думать на торжестве в память К. Крейцера.

[4] das besinnliche Nachdenken – «думание вслед за чем-то (после чего-то)».

[5] das denkende d. h. sinnende Wesen.

[6] boden-ständig – коренной, местный, оседлый (дословный перевод – «стоящий на почве»).

[7] die Bodenständigkeit – оседлость, существительное, образованное от bodenständig.

[8] die Gelassenheit zu den Dingen – неологизм М. Хайдеггера. Современное значение Gelassenheit – спокойствие, хладнокровие, невозмутимость (образовано от глагола lassen оставлять, давать возможность, позволять, разрешать кому-либо делать что-то), в средневековой немецкой мистике оно использовалось в смысле «оставить мир в покое, таким, какой он есть, не мешать естественному течению вещей и предаться богу» (так использовал это слово Мейстер Экхарт (1260 –1228). Другие варианты перевода: освобожденность, освобождение, свобода от вещей (техники).

[9] Die Offenheit für das Geheimnis.

Таблица 6

И. Кант. Метафизика нравов (фрагменты работы)	
№	
1.	В чем смысл названия работы И. Канта «Метафизика нравов» с точки зрения учения о добродетели?

2.	Обоснуйте мысль философа о том, что предназначение человека заключается в стремлении преодолеть животное начало и взрастить всебе человеческое?	
3.	В чем, по Канту, состоит долг человека перед самим собой?	
4.	Раскройте смысл формулировки этого долга: «собственное самосовершенствование и счастье другого».	
5.	Каковы обязанности добродетели по отношению к другим?	
6.	Раскройте смысл формулировки этого долга: «собственное самосовершенствование и счастье другого».	
7.	Каковы обязанности добродетели по отношению к другим?	
8.	Почему с точки зрения Канта смысл формулировок: «собственное самосовершенствование» и	

	«счастье другого».	
9.	Почему, согласно Канту, не допустимо лишать себя жизни именно с этической точки зрения? Как здесь выражается нравственный долг человека перед другими, но главное, перед самим собой?	

Текст 2

И. Кант

Метафизика нравов

(фрагменты работы)

В древние времена этика означала учение о нравственности вообще (*philosophia moralis*), которое также называли учением о долге. Позднее нашли благоразумным перенести это название на одну лишь часть учения о нравственности, а именно на учение о долге, который не подчинен внешним законам (это учение немцы предпочитают называть учением о добродетели); так что теперь система общего учения о долге делится на учение о праве (*Ius*), которое имеет дело с внешними законами, и на учение о добродетели (*Ethica*), которое с ними дела не имеет.

Рассмотрение понятия учения о добродетели

Понятие долга есть уже само по себе понятие о каком-то принуждении свободного произвола со стороны закона. Это принуждение может быть внешним принуждением или самопринуждением. Моральный императив провозглашает через свое категорическое суждение (безусловное долженствование) это принуждение, которое, таким образом, относится не к разумным существам вообще (среди которых могут быть и святые), а к людям как к разумным естественным существам, которые достаточно несвятые, чтобы у них могло возникнуть желание нарушить моральный закон, хотя они сами признают его авторитет и, даже когда они соблюдают его, делают это неохотно (борясь со своими склонностями), в чем,

собственно, и состоит принуждение. Но так как человек есть свободное (моральное) существо, то понятие долга не может содержать никакого иного принуждения, кроме самопринуждения (посредством одного лишь представления о законе), когда принимают в соображение внутреннее определение воли (мотивы), ибо только так становится возможным соединять принуждение (если бы оно даже было внешним) со свободой произвола, но в таком случае понятие долга будет этическим понятием.

Естественные побуждения, следовательно, содержат в душе человека препятствия исполнению долга и (отчасти значительные) противодействующие силы, и человек должен считать себя способным противоборствовать им и при помощи разума не в будущем, а именно теперь одолеть их (также мыслью), т. е. уметь делать то, что он должен делать согласно безусловному велению закона.

Способность и твердое намерение оказать сопротивление сильному, но несправедливому врагу есть храбрость (*fortitude*), а в отношении врага нравственного образа мыслей в нас есть добродетель (*virtus, fortitude moralis*). Следовательно, учение о добродетели есть общее учение о долге в той части, которая подводит под законы не внешнюю, а внутреннюю свободу.

Учение о праве имело дело только с формальным условием внешней свободы (благодаря согласию с самим собой, когда его максима становилась всеобщим законом. Тем не менее, однако, человек в то же время считает себя как моральное существо – когда он рассматривает себя объективно, к чему он определен практическим разумом (с точки зрения человечества в его собственном лице), – достаточно святым, чтобы неохотно нарушать внутренний закон; ведь нет такого нечестивого человека, который, нарушая этот закон, не ощущал бы в себе сопротивления и не чувствовал бы отвращения к себе, при котором он должен принуждать самого себя. Что человек на таком распутье (где легенда поставила Геракла между добродетелью и наслаждением) охотнее подчиняется склонности, чем закону, – это явление объяснить невозможно, так как то, что происходит, мы можем объяснить, только выводя его из некоторой причины по законам природы; но при этом мы не могли бы мыслить произвол свободным. – Это взаимно противоположное самопринуждение и его неотвратимость позволяют нам, однако, познавать непостижимое свойство самой свободы (законом), т. е. с правом. Этика, напротив, дает нам еще некую материю (предмет свободного произвола), цель чистого разума, которая представляется также как объективно необходимая цель, т. е. как долг для человека. – В самом деле, так как чувственные склонности влекут к целям (как к материи произвола), которые могут быть противны долгу, то законодательствующий разум сможет противиться их влиянию не иначе как опять-таки при помощи

противоположной моральной цели, которая, следовательно, должна быть дана a priori независимо от склонности.

Цель есть предмет произвола (разумного существа), посредством представления о котором произвол определяется к действию для создания этого предмета, – Правда, я могу быть принужден другими совершать те или иные поступки, направленные как средства к определенной цели, но не могу быть принужден другими к тому, чтобы иметь ту или иную цель; лишь я сам могу сделать что-то своей целью. – Но то, что я обязан делать своей целью нечто лежащее в понятиях практического разума, стало быть, иметь помимо формального основания определения произвола (как его содержит право) еще и материальную цель, такую, которую можно было бы противопоставить цели, возникающей из чувственных побуждений, – это было бы понятием цели, которая сама по себе есть долг. Но учение о нем имело бы отношения не к учению о праве, а к этике, которая одна лишь содержит в своем понятии самопринуждение согласно моральным законам.

На этом основании этика может быть определена как система целей чистого практического разума. – Цель и долг составляют основу различия между двумя частями общего учения о нравственности. То обстоятельство, что этика содержит обязанности, для исполнения которых мы не можем быть (физически) принуждены другими, есть лишь следствие того, что она представляет собой учение о целях, так как принуждение к тому, чтобы иметь или ставить перед собой цель, противоречило бы самому себе.

Что этика есть учение о добродетели (*doctrina officiorum virtutis*), следует из данной выше дефиниции, сопоставленной с обязанностью (*Verpflichtung*) добродетели, особенность которой мы только что показали. – Нет иного определения произвола, способного уже в силу своего понятия не поддаваться принуждению, даже физическому, со стороны произвола других, чем определение к цели. Другой может, правда, принудить меня делать то, что не составляет моей цели (а есть лишь средство для [достижения] цели другого), но он не может заставить меня сделать ее моей целью; и все же я не могу иметь какую-либо цель, если я не сделаю ее моей. Последнее противоречит самому себе: оно есть акт свободы, который вместе с тем не свободен. – Но ставить себе цель, которая в то же время есть долг, – это не противоречие: в таком случае я сам себя принуждаю, что вполне совместимо со свободой. – Но вопрос теперь в том, как возможна такого рода цель? Ведь возможности понятия вещи (что это понятие не противоречит самому себе) еще недостаточно для допущения возможности самой вещи (объективной реальности понятия).

Рассмотрение понятия цели, которая есть в то же время долг

Отношение цели к долгу можно мыслить двояко: или, исходя из цели найти максимум соответствующих с долгом поступков, или, наоборот, начиная с

максимы, найти цель, которая есть в то же время долг.— Учение о праве идет по первому пути. Свободному произволу каждого предоставляется решить, какую цель он намерен поставить себе для своего поступка. Но максима произвола определена а priori, а именно что свобода совершающего поступки совместима со свободой каждого другого, сообразной со всеобщим законом.

Чем меньше человек может быть принужден физически и чем больше, наоборот, он может быть принужден морально (одним лишь представлением о долге), тем он свободнее. — Например, если человек, достаточно решительный и твердый, не отказывается от задуманного им развлечения, какие бы вредные последствия этого ему ни рисовали, но при мысли о том, что он в таком случае не выполнит какой-то служебный долг или не сможет позаботиться о больном отце, без колебаний оставит свое намерение, хотя и весьма неохотно, то именно тем он доказывает в высшей степени свою свободу, что не может противостоять голосу долга.

Этика, однако, идет по противоположному пути. Ей нельзя исходить из целей, которые может ставить себе человек, и сообразно этому распоряжаться максимами, которые он должен принять, т. е. его долгом, ведь [иначе] это было бы эмпирическими основаниями максимы, которые не дают понятия долга, так как оно (категорическое долженствование) имеет свои корни только в чистом разуме; точно так же если взять максимы согласно указанным целям (которые все корыстны), то, собственно, и речи не может быть о каком-либо понятии долга. — Следовательно, в этике понятие долга должно вести к целям, а максимы в отношении целей, которые нам следует себе ставить, должны быть обоснованы согласно моральным основоположениям.

Не решая вопроса о том, что же это за цель, которая сама по себе есть долг, и как она возможна, здесь необходимо лишь показать, что такого рода долг называется долгом добродетели и почему он так называется.

Всякому долгу соответствует некое право, рассматриваемое как правомочие (*facultas moralis generatim*), но не всякому долгу соответствуют права другого (*facultas iuridica*) принуждать кого-то; называются они особо правовыми обязанностями. — Точно так же всякой этической обязательности соответствует понятие добродетели, но не всякий этический долг есть поэтому долг добродетели. Не будет этическим долг, который не имеет отношения ни к какой-нибудь цели (материи, объекту произвола), ни к формальному в нравственном определении воли (например, что сообразный с долгом поступок должен быть совершен также из чувства долга). Только цель, которая есть в то же время долг, может быть названа долгом добродетели. Поэтому имеется не один такой долг, а множество (имеются и различные добродетели); относительно же долга можно мыслить лишь один добродетельный образ мыслей, но действительный для всех поступков.

Долг добродетели и правовой долг отличаются друг от друга тем, что для последнего морально возможно внешнее принуждение, первый же покоится только на свободном самопринуждении. Для конечных святых существ (которые никогда не могут соблазниться нарушением долга) нет учения о добродетели, для них есть лишь учение о нравственности, которое есть автономия практического разума, в то время как первое есть также автократия практического разума, т. е. содержит если не непосредственно воспринимаемое, то все же правильно выведенное из нравственного категорического императива сознание способности справляться со своими не повинующимися закону склонностями, так что человеческая моральность на своей высшей ступени может быть не более как добродетелью, даже если бы она была совершенно чистой (полностью свободной от влияния всех чуждых долгу мотивов), ибо тогда она как идеал (которому должно постоянно приближаться) обычно персонифицируется поэтически под именем мудреца.

Добродетель нельзя также определять и оценивать просто как навык (как это говорится в удостоенном награды сочинении пастора Кохиуса) и приобретенную длительным упражнением привычку к морально добрым поступкам. В самом деле, если добродетель не есть результат воздействия обдуманых, твердых и все более чистых основоположений, то она, как и любой другой механизм технически практического разума, не вооружена ни на все случаи, ни для достаточного предохранения себя от изменений, которые могут быть вызваны новыми соблазнами.

На каком основании мыслят себе цель, которая есть в то же время долг

Цель есть такой предмет свободного произвола, представление о котором определяет этот произвол к поступку, благодаря которому предмет создается. Следовательно, каждый поступок имеет свою цель, и так как никто не может иметь какую-то цель, не делая самого предмета своего произвола целью, то иметь цель поступков есть акт свободы совершающего поступки субъекта, а не действие природы. Но так как этот акт, определяющий цель, есть практический принцип, который предписывает не средства (стало быть, он не обусловлен), а самое цель (следовательно, он безусловен), то этот принцип есть категорический императив чистого практического разума, стало быть такой, который связывает понятие долга с понятием цели вообще.

А такая цель и соответствующий ей категорический императив должны существовать. В самом деле, так как бывают свободные поступки, то должны быть и цели, на которые как на объект должны быть направлены эти поступки. Однако среди этих целей должны быть и такие, которые суть в то же время (т. е. по своему понятию) долг. – Действительно, если бы не было таких целей, то, поскольку не бывает бесцельных поступков, все

цели оказались бы для практического разума всегда лишь средствами для других целей и категорический императив был бы невозможен, а это уничтожает всякое учение о нравственности.

Здесь, следовательно, идет речь не о целях, которые человек ставит себе под влиянием чувственных побуждений своей природы, а о таких предметах свободного, подчиненного своим законам произвола, которые человек должен делать своей целью. Первые можно назвать техническим (субъективным), собственно прагматическим, учением о цели, содержащим правило благоразумия в выборе целей, вторые же – моральным (объективным) учением о цели; такое различие здесь, однако, излишне, так как учение о нравственности уже по своему понятию ясно отличается от учения о природе (здесь – от антропологии); последнее покоится на эмпирических принципах, моральное же учение о цели, в котором трактуется о долге, покоится на принципах, данных а priori в чистом практическом разуме.

Какие цели суть в то же время долг?

Таковы: собственное совершенство и чужое счастье. Их нельзя заменять друг другом, равно как нельзя, с одной стороны, собственное счастье и, с другой – совершенство другого делать целями, которые сами по себе были бы долгом одного и того же лица. Действительно, собственное счастье есть цель, которую хотя и имеют все люди (в силу побуждений их природы), но никогда нельзя рассматривать как долг, не впадая в противоречие с самим собой. То, что каждый неизбежно уже сам желает, не подпадает под понятие о долге, ведь долг – это принуждение к неохотно принятой цели. Поэтому было бы противоречием сказать: человек обязан всеми силами содействовать собственному счастью.

Точно так же противоречиво ставить себе целью совершенство другого и считать себя обязанным содействовать этому. В самом деле, совершенство другого человека как лица состоит именно в том, что он сам способен ставить себе цель по своим собственным представлениям о долге; поэтому противоречиво требовать (сделать моим долгом), чтобы я сделал то, что может сделать только другой человек сам.

Объяснение этих двух понятий

А. Собственное совершенство

Слово совершенство часто толкуется ложно. Иногда оно понимается как принадлежащее трансцендентальной философии понятие целокупности многообразного, которое, взятое в целом, составляет вещь, а [иногда] также как принадлежащее телеологии понятие, которое означает согласие свойств вещи с некоей целью. В первом значении совершенство можно было бы назвать количественным (материальным), во втором – качественным (формальным). Первое может быть только единственным

(ведь целокупность присущего одной вещи одна). Качественных же совершенств в одной и той же вещи может быть несколько. Об этом совершенстве, собственно, и будет идти здесь речь.

Когда о совершенстве, присущем человеку вообще (собственно человечеству), говорят, что делать его своей целью есть сам по себе долг, то это совершенство необходимо усмотреть в том, что может быть результатом действия человека, а не в том, что есть просто дар и которым человек обязан природе; ведь иначе оно не было бы долгом. Следовательно, совершенство может быть не чем иным, как культурой способности человека (или культурой природных задатков), в которой рассудок как способность [давать] понятия, стало быть и понятия, касающиеся долга, есть высшая способность, но в то же время и культурой воли (нравственного образа мыслей) для удовлетворения всякого долга.

1. Долг человека собственными усилиями выйти из [состояния] первобытности своей природы, из [состояния] животности (*quoad actum*), и все выше подниматься к человеческому [состоянию], только благодаря которому он и способен ставить себе цели, восполнять недостаток своего знания и исправлять свои ошибки; и это не совет технического практического разума для иных его намерений (умения), а безусловное предписание морально практического разума, который делает эту цель для него долгом, дабы он был достоин человеческого, которое есть в нем.

2. Поднять культуру своей воли до самого чистого добродетельного образа мыслей, когда закон становится также мотивом его сообразных с долгом поступков, и повиноваться закону из чувства долга – это есть внутреннее морально практическое совершенство, которое, будучи чувством действия, оказываемого законодательствующей в нем волей на способность поступать согласно ей, называется моральным чувством, как бы особым чувством (*sensus moralis*), которое часто, правда, ложно толкуется (*missbraucht*) как мистическое, как если бы оно (подобно гению Сократа) предшествовало разуму или вообще могло бы обойтись без его суждения, но все же есть нравственное совершенство – делать своей каждую отдельную цель, которая есть в то же время долг.

В. Счастье другого

Человеческой природе неотъемлемо присуще желать себе счастья и искать его, т. е. удовлетворенность своим состоянием, если есть уверенность, что это состояние будет продолжаться. Но именно поэтому оно не цель, которая есть в то же время долг. – Так как некоторые проводят различие между моральным и физическим счастьем (из которых первое состоит в удовлетворенности собой как лицом и своим нравственным поведением, следовательно, тем, что делают, второе же – в удовлетворенности тем, чем нас одарила природа, стало быть тем, что мы вкушаем как дар другого), – то, не исследуя здесь ложного толкования слова (которое уже содержит в себе противоречие), необходимо заметить,

что первый способ восприятия относится исключительно к предыдущей рубрике, а именно к рубрике совершенства. – В самом деле, тот, кто должен чувствовать себя счастливым в одном лишь сознании своей порядочности, уже обладает тем совершенством, которое в предыдущей рубрике было определено как цель, которая есть в то же время долг.

Поэтому если речь идет о счастье, способствовать достижению которого как моей цели должно быть долгом, то это должно быть счастье других людей, чью (дозволенную) цель я тем самым делаю также и моей. Пусть люди сами судят о том, что составляет счастье для них; но и я вправе отвергать кое-что из того, что они считают своим счастьем, а я таковым не считаю, если они к тому же не имеют права требовать этого от меня как своего. Противопоставлять же указанной цели некую воображаемую обязательность того, что я должен также позаботиться о своем собственном (физическом) счастье и сделать таким образом долгом (объективной целью) мою естественную и чисто субъективную цель, есть лишь мнимое, многократно приводимое возражение против произведенного выше деления обязанностей (см. IV) и требует разъяснения.

Неприятности, боль и недостатки – большое искушение нарушить свой долг. Достаток, сила, здоровье и благополучие вообще, противостоящие [внешнему] влиянию, также могут как будто бы рассматриваться как цели, которые суть в то же время долг, а именно содействовать собственному счастью, а не стремиться лишь к счастью других. – Однако в таком случае это не цель, а нравственность субъекта, и устранение препятствий к этому есть лишь дозволенное средство, так как никто другой не имеет права требовать от меня пожертвовать моей не неморальной целью. Стремиться к достатку для себя непосредственно не есть долг; но косвенно это, пожалуй, может быть долгом, например, отвратить бедность как сильное искушение предаться порокам. Но в таком случае это не мое счастье, а моя нравственность, сохранять нерушимость которой есть моя цель и в то же время мой долг.

Долг человека перед самим собой как животным существом

Если не главный, то во всяком случае первый долг человека перед самим собой, если рассматривать человека с точки зрения его животности, это – самосохранение в его животной природе.

Противоположность самосохранения – произвольное или преднамеренное разрушение своей животной природы, которое можно мыслить как полное или как частичное. – Полное разрушение – это лишение себя жизни (autochiria, suicidium). Частичное разрушение можно в свою очередь делить на материальное, когда лишают себя какой-то неотъемлемой части тела как органа – искалечение или увечье, и на формальное, когда лишают себя (навсегда или на время) способности

физического (и тем самым косвенно также морального) применения своих сил – самопоражение.

Так как в этой главе речь идет только о негативных обязанностях, следовательно, только о неисполнении, то посвященные долгу пункты должны быть направлены против пороков, противных долгу перед самим собой.

О лишении себя жизни

Произвольное лишение себя жизни только тогда можно назвать самоубийством (*homicidium dolosum*), когда может быть доказано, что оно вообще преступление, совершенное по отношению к нашему собственному лицу или по отношению к другим (например, когда кончает с собой беременная женщина).

Лишение себя жизни есть преступление (убийство). Его можно рассматривать и как нарушение своего долга перед другими людьми (долга супругов, родителей перед своими детьми, подчиненного перед своим начальством или своими согражданами и, наконец, перед богом, чье доверенное нам место в этом мире человек покидает, не будучи отозванным с него). Но здесь речь идет только о нарушении долга перед самим собой, а именно о том, обязан ли человек сохранять свою жизнь просто в качестве лица и должен ли он признать этот долг перед самим собой, если даже отвлечься от всех приведенных выше соображений.

Утверждать, что человек может оскорблять себя, кажется нелепым (*volenti non fit iniuria*). Поэтому стоик считал преимуществом своей личности (мудреца) добровольно, со спокойной душой уйти из жизни (как из полного дыма помещения), не будучи вытесненным ни настоящим злом, ни опасением будущего зла, поскольку он уже ничем не может быть полезным в жизни. – Но именно это мужество, эта душевная стойкость, отсутствие страха смерти и стремление познать нечто, что человек может ценить выше своей жизни, должны были бы служить ему еще сильнее побудительной причиной к тому, чтобы не разрушать себя, существо со столь большим превосходством сил над могущественнейшими чувственными мотивами, следовательно, не лишать себя жизни.

Человек не может отчуждаться от своей личности, пока дело идет о долге, следовательно, пока он жив; было бы противоречием иметь правомочие освободить себя от всякой обязательности, т. е. свободно поступать так, как если бы для такого поступка не нужно было быть правомочным. Уничтожать в своем лице субъект нравственности – это то же, что искоренять в этом мире нравственность в самом ее существовании, потому что она в человеке, а ведь лицо есть цель сама по себе; стало быть, распоряжаться собой просто как средством для любой цели – значит унижать достоинство человечества в своем лице (*homo noumenon*), которому ведь и был вверен человек (*homo phaenomenon*) для сохранения.

К частичному самоубийству относятся: лишение себя какой-нибудь неотъемлемой части тела как органа (нанести себе увечье), например подарить кому-нибудь зуб или продать его, с тем чтобы вставить его в челюсть другого, или дать себя кастрировать, с тем чтобы в качестве певца жить более удобно, и т. п. Однако ампутация омертвевшего или грозящего омертвением органа, вредного для жизни, не есть частичное самоубийство. – Точно так же удаление части тела, но не органа тела, например волос, нельзя считать преступлением по отношению к своему собственному лицу, хотя такое удаление не совсем невинно, если оно задумано ради какого-то внешнего приобретения.

Казуистические вопросы

Самоубийство ли идти (как Курций) на верную смерть ради спасения отечества? Следует ли считать преднамеренное мученичество, когда человек для блага рода человеческого приносит себя в жертву, таким же героическим подвигом, как смерть ради спасения отечества?

Позволительно ли предупреждать несправедливый смертный приговор своего властелина самоубийством, даже если он позволяет это (как Нерон Сенеке)?

Можно ли великому, недавно умершему монарху вменить в вину то, что он носил с собой быстродействующий яд, по всей вероятности, для того, чтобы, в случае если в войне, в которой он лично участвует, он попадет в плен, не быть вынужденным согласиться на условия своего освобождения, которые могли бы нанести ущерб его государству? Можно ли считать это преступным намерением, если нет оснований подозревать здесь только гордость?

Человек принял водобоязнь за следствие укуса бешеной собаки и, объявив, что он знает, что эта болезнь неизлечима, покончил с собой, дабы своим бешенством (начало которого он уже почувствовал) не сделать несчастными и других людей, как сказано в написанной им перед смертью записке. Спрашивается, совершил ли он несправедливость?

Кто решается привить себе оспу, рискует своей жизнью, хотя он это делает для того, чтобы сохранить ее, и поэтому перед ним гораздо более затруднительный случай закона долга, чем перед, мореплавателем: этот по крайней мере не создает сам шторма, которому ему приходится доверяться, в то время как тот сам навлекает на себя болезнь, подвергая свою жизнь опасности. Итак, дозволена ли прививка оспы?

О первом велении долга над самим

Это веление заключается в следующем: познай (исследуй, постигай) самого себя не по твоему физическому совершенству (по твоей пригодности или непригодности ко всякого рода угодным тебе или предписываемым тебе целям), а по моральному совершенству в отношении

твоего долга – познай свое сердце: доброе ли оно или злое, чист ли источник твоих поступков или нет и что может быть человеку вменено как изначально присущее его субстанции или как производное (приобретенное или нажитое) и, быть может, принадлежит к моральному состоянию.

Начало всякой человеческой мудрости есть моральное самопознание, стремящееся проникать в трудно измеряемые глубины (бездну) сердца. В самом деле, мудрость, состоящая в согласии воли существа с конечной целью, нуждается у человека, прежде всего, в развитии стремления устранять внутренние препятствия (некоей злой, гнездящейся в нем воли), а затем культивировать никогда не утрачиваемые первоначальные задатки доброй воли (только нисхождение самопознания в ад прокладывает путь к обожествлению).

Это моральное самопознание устранил, во-первых, фанатическое презрение к самому себе как к человеку (ко всему человеческому роду) вообще, ибо такое презрение противоречит самому себе. Только благодаря заложенным в нас прекрасным задаткам добра, делающим человека достойным уважения, возможно, то, что человек считает [в себе] достойным презрения человека (самого себя, но не человеческого в себе), если он поступает вопреки этим задаткам. – Во-вторых, моральное самопознание противодействует также самолюбивой оценке самого себя, когда считают доказательством доброты сердца одни лишь желания (тем более если они выражены с большой страстью), так как они сами по себе не превращаются в действия и остаются бездейственными {молитва также есть лишь желание, внутренне высказанное божеству}. Беспристрастность в суждениях о самом себе при сравнении с законом и искренность в признании себе своего морального достоинства или недостойности – это долг перед самим собой, непосредственно вытекающий из первого веления – из самопознания.

То, что есть долг перед самим собой, считать долгом перед другими

Если судить исходя из одного лишь разума, то у человека нет иного долга, как долг перед человеком (перед самим собой или перед другим); ведь его долг перед каким-нибудь субъектом есть моральное принуждение со стороны воли этого субъекта. Принуждающий (обязывающий) субъект должен, следовательно, быть, во-первых, некоторым лицом, во-вторых, это лицо должно быть дано как предмет опыта, так как человек должен осуществлять цель воли этого лица, что может иметь место только во взаимоотношениях двух существующих людей (ведь одно лишь пустое порождение мысли не может стать причиной преследования цели). Но из всего нашего опыта мы знаем только одно существо, которое было бы способно брать на себя долг (активный или пассивный), – человека. Следовательно, человек может иметь долг только перед одним существом – перед человеком, и если ему тем не менее представляется, что у него есть

долг перед другим существом, то это происходит только из-за амфиболии рефлексивных понятий, а его мнимый долг перед другими существами есть лишь долг перед самим собой. К такому недоразумению его приводит то, что он свой долг в отношении других существ смешивает с долгом перед этими существами.

Этот мнимый долг можно иметь в отношении вещей (*unpersönliche Gegenstände*), а если в отношении лиц, то только абсолютно невидимых (которые не могут быть . представлены внешним чувствам). – Первыми (внечеловеческими) могут быть чисто природное вещество, часть органической природы, способная к размножению, но лишенная восприятия, или часть, одаренная восприятием и произволом (минералы, растения, животные); вторые могут мыслиться как духовные существа (ангелы, бог). – Теперь возникает вопрос: имеет ли место отношение долга между этими двумя видами существ и человеком, и какое именно отношение.

В отношении прекрасного, хотя и неживого в природе, склонность к разрушению (*spiritus destructionis*) противна долгу человека перед самим собой, так как это ослабляет или уничтожает в человеке то чувство, которое, правда, само по себе не морально, но подготавливает весьма способствующую моральности настроенность чувственности, по меньшей мере, к тому, чтобы любить нечто также и не имея в виду какую-либо выгоду (например, прекрасную кристаллизацию, неопишущую красоту растительного мира).

В отношении живой, хотя и лишенной разума, части тварей насильственное и вместе с тем жестокое обращение с животными еще более противно долгу человека перед самим собой, так как этим притупляется сочувствие человека к их страданиям и ослабляются и постепенно уничтожаются естественные задатки, очень полезные для моральности в отношениях с другими людьми, хотя человек имеет право на их быстрое (совершаемое без мучений) умерщвление или на то, чтобы заставлять их работать напряженно, но не сверх сил (с такого рода работой и людям приходится мириться). Мучительные же физические опыты в интересах одной лишь спекуляции, если цель могла бы быть достигнута и без них, отвратительны.— Даже благодарность за долголетнюю работу старой лошади или за длительную службу собаки (как если бы они были членами семьи) есть косвенно долг человека, а именно в отношении этих животных, но непосредственно она есть долг человека перед самим собой.

В отношении того, что целиком лежит за пределами нашего опыта, но по своей возможности встречается в наших идеях, например в идее бога, мы точно так же имеем долг, называемый религиозным долгом, который есть долг «признания всех наших обязанностей как (*instar*) божественных заповедей». Но это не есть сознание долга перед богом. В самом деле, так как эта идея полностью исходит из нашего собственного разума и

создается нами с теоретической целью, для объяснения целесообразности во вселенной или для того, чтобы служить мотивом в нашем поведении, то это не есть некое данное существо, перед которым на нас лежал бы какой-то долг, ибо в таком случае действительность этого существа должна была бы быть доказана прежде всего опытом; долг человека перед самим собой — применять эту неизбежно появляющуюся в разуме идею к моральному закону в нас, где она нравственно в высшей степени плодотворна. В таком {практическом} смысле можно это [положение] сформулировать следующим образом: иметь религию — долг человека перед самим собой.

Часть II. Создание письменного философского текста

Раздел 1. Работа над текстом Реферата

1.1. Реферирование философской тематики как форма организации текста

Реферирование – интеллектуальный творческий процесс, включающий в себя осмысление текста, преобразование информации аналитико-синтетическим способом и создание нового, *вторичного текста*. Это такой вариант структурирования информации, при котором восприятие информации упрощается посредством ее *сжатия и структурирования*. Но при этом реферат должен воспроизводить *адекватное по смыслу* изложение содержания первичного текста.

Реферирование особенно полезно в случае большого объема информации из разных источников (СМИ, БД, оперустановки и т.п.) и при необходимости дальнейшего цитирования. Но реферирование всегда ориентировано на объект интереса, поэтому следует отдавать себе отчет в том, что тот, кто реферировывает – определенным образом искажает информацию.

Реферирование заключается в *выборке и фиксации* из всего массива информации *ключевых моментов* темы. Существуют *методики реферирования* и резюмирования текста:

1. Согласно методики реферирования исследуемый текст читается три раза. При *первом прочтении* выделяются ключевые слова, несущие *основную смысловую нагрузку*: имена, названия, даты, профессиональные выражения, (они выделяются маркером, подчеркиваются, обводятся). При *втором прочтении* внимание концентрируется на не содержащих ничего лишнего *словообразованиях* (словосочетаниях), отражающие основные мысли исследуемого текста и характеризующие ключевые слова. При *третьем прочтении* внимание обращается только на выделенные словообразования, и на их основе строятся простые, краткие предложения, описывающие смысл сообщения. После чего делается *вывод* об основном смысле изучаемого текста.

2. Согласно методики *резюмирования* исследуемый текст делится на законченные *блоки* (например, абзацы), и содержание этих блоков пересказывается в *одном предложении*.

1.2. Виды рефератов

Реферат (от лат. «refere» – «докладывать, сообщать»)²² – предполагает сбор информации по определенной теме на основе анализа одного или нескольких источников и не является механическим изложением содержания изучаемых работ. Он представляет собой основные *фактические сведения* и *выводы* по исследуемому вопросу. Рефераты подразделяются на следующие разновидности: информативные, индикативные, монографические, обзорные, общие, специализированные, репродуктивные и продуктивные.

По полноте изложения *информативные* (содержат основную информацию); *индикативные* (содержат только основные положения); по количеству реферируемых источников *монографические* (содержат по одному источнику); *обзорные* (включают несколько источников); по читательскому назначению *общие* (характеристика содержания в целом, ориентация на широкую аудиторию); *специализированные* (ориентированы на специалистов); *репродуктивные* (воспроизводящие содержание первичного текста); *продуктивные* (содержащие критическое или творческое осмысление реферируемых источников).

Репродуктивные рефераты бывают двух видов: *реферат-конспект* (содержит в обобщенном виде фактическую информацию, иллюстративный материал, сведения о методах исследования, полученных результатах и возможностях их применения) и *реферат-резюме* (приводит только основные положения, тесно связанные с темой текста).

Продуктивные рефераты представлены *рефератом-обзором* (составляется на основании нескольких первичных текстов, дает сопоставление различных точек зрения по конкретному вопросу) и *рефератом-докладом* (имеет развернутый характер, наряду с анализом информации, приведенной в первоисточнике, дает объективную оценку состояния проблемы).

1.3. Алгоритм организации реферата

Т.к. реферат является одной из форм *самостоятельной работы*, предназначенной для бакалавров, магистрантов и аспирантов (соискателей), он должен иметь *характер научного исследования* и может стать основой для написания научной статьи, что предполагает аргументацию, рассуждения, сравнения. Содержание реферируемого источника (источников) ведется объективно от имени автора, следовательно, язык реферата должен быть точным.

²² Толковый словарь иноязычных слов. – М.: ЭКСМО, 2011.

Выбор темы реферата осуществляется автором самостоятельно и согласовывается со своим научным руководителем. Затем составляется план реферата и начинается работа над его текстом. Текст реферата выстраивается по универсальной схеме *плана научного текста*: *введение, основной текст и заключение*.

Структура реферата: титульный лист, план работы (оглавление), собственно текст (введение, основная часть и заключение), список литературы, а также, если есть необходимость, – приложения (таблицы, диаграммы и проч.).

Во *введении* дается аргументированное обоснование актуальности темы исследования, кратко констатируется, что сделано в данной области на основе обзора источников или экспериментальных данных, уточнение исходных понятий и терминов, сведения о методах исследования, формулируются *объект, предмет, цель и задачи* реферата.

В *основной части* непосредственно раскрывается содержание выбранной темы – приводятся факты, даются развернутые аргументы, предлагаются гипотезы по изучаемому вопросу. Важно обратить внимание, что в этой части реферата автор не просто фиксирует различные точки зрения, а анализирует и оценивает их, высказывая собственную позицию. Основная часть подчиняется плану, что отражается в разделении ее текста на *главы и параграфы*, которые логично связаны между собой и примерно равны по объему.

В *заключении* в краткой форме подводятся итоги работы и могут быть намечены дальнейшие перспективы исследования темы.

Список литературы должен содержать не менее 5-6 источников в соответствии с темой реферата, *не включая словари, учебники и учебные пособия*. Допустимы ссылки на электронные и интернет-источники (*за исключением Википедии*) с точным указанием адреса сайта и даты обращения

Оформление текста реферата обусловлено стандартами объема, оформлением сносок и примечаний, расположением текста, библиографического списка.

Объем реферата в пределах одного печатного листа (40.000 знаков). Шрифт Times New Roman, размер – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25. Работа печатается на одной стороне листа бумаги формата А4 (210x297). Поля страницы: левое – 3,0 см; правое – 1,0 см; нижнее и верхнее – 2,0 см.

Сноски и подстрочные примечания могут быть, как постраничные (шрифт – Times New Roman, размер – 10, межстрочный интервал – 1,0, отступ – 0), так и в построчные (в квадратных скобках, где первая цифра означает порядковый номер источника из списка литература, а вторая – номер страницы). При цитировании обязательно указываются автор, название работы, место, год издания и страница.

Название каждой главы начинается с новой страницы, название параграфа продолжает текст раздела.

В тексте допускается использование *общепринятых сокращений*. В случае необходимости применения сокращений, при первоначальном употреблении они должны быть расшифрованы.

Список литературы составляется в алфавитном порядке. Сначала указываются источники на русском языке, затем – на иностранном. При оформлении списка указываются все реквизиты: фамилия и инициалы автора, название книги, место издания, название издательства и количество страниц. Для статей, опубликованных в периодической печати, следует указывать наименование издания, номер, год, и занимаемые страницы (от и до). Если Вы используете электронные ресурсы, то дополнительно должны быть указаны адрес ресурса и в скобках время обращения к нему (дата Вашей работы с ним). *При оценке реферата* преподавателем, как правило, учитываются следующие критерии, где объективность оценки предусматривает отражение как положительных, так и отрицательных сторон работы: а) понимание *объекта* и *предмета* заявленной темы реферата; б) характеристика реализации *цели* и *задач* исследования (новизна, актуальность, корректность формулирования цели и определения задач, соответствие выводов решаемым задачам, поставленной цели); в) знания *фактического материала* и умение работать с ним (общие представления, понятия, идеи); г) степень обоснования *выводов* (полнота, глубина, всесторонность, логичность и последовательность изложения материала, корректность аргументации и системы доказательств, характер и достоверность примеров, иллюстративного материала, широта кругозора автора, наличие знаний интегрированного характера, способность к обобщению); д) степень *завершенности* реферативного исследования; е) использование *источников*; ж) культура письменного *изложения* материала и *оформления* работы.

Презентация реферата. Презентация реферата представляет собой дополнительную работу над изначальным текстом, предназначенную продемонстрировать способность компактно и доходчиво преподнести сложный теоретический научный материал аудитории.

Формальные требования к презентации предполагают следующие структурные элементы: а) титульный лист, б) содержание структуры презентации, в) список источников, г) объем презентаций – не менее 10 слайдов.

С *содержательной* точки зрения оценка презентации реферата формируется по следующим критериям: а) *концептуальная наглядность реферата*: структурная выявленность и очевидность *главной идеи работы*, ее цели, задач, этапов их реализации и вывода; б) *компактность изложения*: лаконичность подачи материала без ущерба содержанию; в) *способность выделять существенное*: акценты на ключевых идеях,

выводах введения, глав, параграфов, заключения; г) *ясность и корректность изложения*: доходчивость, аккуратность оформления, грамотность; д) *креативность подачи материала*: схемы, иллюстрации, диаграммы, активизирующие и облегчающие процесс восприятия.

*Темы рефератов
по проблемам «Философии науки и техники»²³*

1. Наука как социокультурный феномен.
2. Проблема классификации наук.
3. Философия техники как специальная философская дисциплина.
4. История техники как история общества.
5. Наука и практическая деятельность: взаимосвязь науки и техники.
6. Естественнонаучный эксперимент и техническое творчество.
7. Наука и техника на рубеже XX и XXI веков.
8. Роль науки и техники в решении глобальных проблем человечества.
9. Концепция «технологического детерминизма».
10. Понимание техники в марксистской философии.
11. Научные и научно-технические революции, их социальные последствия.
12. «Философия техники» П.Я. Энгельмейера.
13. Техническое и гуманитарное знание.
14. Социальные и экологические последствия техники и технологий.
15. Проблема гуманитарной экспертизы техники и технологий.
16. Великие технические открытия, их роль в человеческой истории.
17. Техника и естествознание: синтез теории и практики.
18. Новые направления в развитии техники: бионика, технетика, синергетика.
19. Интуиция в техническом творчестве.
20. Концепция постиндустриального общества Д. Бэлла.
21. «Компьютерная революция» и развитие общества.
22. Интернет как новая реальность: проблемы и перспективы.
23. Первые философы техники: Э. Капп, А. Эспинас, Ф. Бон.
24. Философия техники в России в XIX-XX вв.
25. Философия техники: М. Дессауэр, Ж. Эллюль.
26. Технократический оптимизм и технический пессимизм: «Римский клуб» и его вклад в изучение глобальных проблем.
27. П. К. Энгельмейер как основатель философии техники в России.
28. Техника и этика (Х. Хунинг, Ф. Ленк, Ф. Рапп).

²³ Для работы по данной теме рекомендуется пособие, изданное коллективом соавторов кафедры философии: Философия техники: учебное пособие / И.В. Вишев, Е.В. Гредновская, Л.М. Григорьева, А.А. Дыдров. – Челябинск: Издательский центр, 2014. – 251 с.

29. Философия изобретения и изобретение в философии.
30. Особенности технического образования в России: научные школы МЭИ.
31. Клонирование как социально-нравственная проблема.
32. Современная техника (Х. Ортега-и-Гассет, М. Хайдеггер).
33. Техника и общественное устройство: техника как объективация человеческой деятельности. (Л. Мэмфорд, Ж. Эллюль).
34. Электронная коммуникация и информационное общество в современном мире (М. Маклюэн, Ж. Бодрийяр, Э. Тоффлер).

Раздел 2. Работа над научной статьей

Феномен философствования оказался в поле внимания мыслителей только в нашем веке, в условиях кризиса основ человеческого бытия, когда под вопросом стало существование и самого человека и философии²⁴. Как это ни парадоксально, но именно прогресс философствования поставил под вопрос право философии на самостоятельное существование. Именно в XX веке наиболее значимые философские идеи были выдвинуты специалистами в области физики и математики, психологии и лингвистики, генетики и кибернетики. С другой стороны, мыслителям, продолжающим считать себя философами, но по сути дела утратившим былую «монополию» на анализ сферы всеобщего, пришлось занять тотальную служебную позицию по отношению ко всему множеству специальных наук в качестве методологов науки или аналитиков ее языка.

Философствование в этих сложных условиях выступило в самых многообразных обликах, масках, видах и формах, начиная с откровенной политической апологетики и кончая глубочайшей душевной исповедальностью. Внутренний разлад, захвативший не только душевный мир индивида, но и всю сферу духовной культуры современного человечества, сказался и на понимании самого философствования как мысли тельного процесса. Несмотря на очевидные успехи научных способов постижения действительности, кризис охватил и науку. Это выразилось в том, что под сомнение была поставлена сама «научность», сам способ постановки и решения научных задач.

Глубокий кризис охватил и искусство, и религию, и гуманитарное знание, и духовную культуру в целом. Все это вынуждало и вынуждает «философствовать», то есть задумываться над предельными основаниями и границами собственной предметной области всех мыслителей – психологов и психиатров, ученых и теологов, писателей и деятелей искусства. Конечно, с точки зрения самих философов-профессионалов, этот процесс может быть истолкован как небывалое расширение «сфер бытия философии». Но на самом деле, в большинстве таких случаев на «вооружение» ставилась только «философская технология», а само «присутствие» философии явно напоминало знаменитую улыбку Чеширского кота, который умел исчезать по частям.

Возникает вопрос: возможно ли в принципе «философствование без философии»? И если да, то каковы его предпосылки, условия и смысловые границы? А если философствование несводимо к технологии возведения

²⁴ Многообразие жанров философского дискурса : Учеб. пособие / Е. Ю. Базаров, И. С. Бельский, А. А. Еникеев и др. ; Рос. филос. о-во; Межвуз. центр проблем непрерывного гуманитар. образования при Урал. гос. ун-те им. А. М. Горького; Под общ. ред. В. И. Плотникова. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. 275 с. URL.: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/3600>

мысли в форму всеобщности и немислимо без философии как таковой, то и тогда философия обязана разобраться в том, что есть форма ее не посредственного процессуального бытия. Иначе она оказывается перед самой жестокой альтернативой: или мужественно принимать и признавать факт своего умирания, или искать и находить новые пути для преодоления кризиса духовной культуры в целом и для радикального переосмысления границ своей собственной предметной сферы.

В этих условиях предельно важной становится готовность и потребность молодых специалистов быть сориентированными на научную деятельность. Способность анализировать современную действительность в плодотворной научной форме, которая может оказаться значимой для решения проблем современности – это не только одаренность талантливых ученых, но и опыт, навык, полученный на практике. Поэтому для студентов крайне важно как можно раньше в образовательном процессе начинать осваивать специфику научных публикаций.

2.1. Научная публикация как жанр

Научная статья – это вид научной публикации, в которой описано конечные или промежуточные результаты проведенного исследования, обоснованно способы их получения, а также намечены перспективы следующих работ. Объем научной статьи обычно составляет от 6 до 24 страниц, то есть 0,35–1 печатный лист²⁵.

Выделяют следующие *виды* научных статей:

Научно-теоретические – описывающие результаты исследований, выполненных на основе теоретического поиска и объяснения явлений и их закономерностей.

Научно-практические (эмпирические) – построенные на основе экспериментов и реального опыта.

Обзорные – посвященные анализу научных достижений в определенной области за последние несколько лет.

Научная статья предполагает изложение собственных выводов и промежуточных или окончательных результатов своего научного исследования, экспериментальной или аналитической деятельности. Такая статья должна содержать авторские разработки, выводы, рекомендации. Это означает, что, прежде всего, научная статья должна обладать эффектом *новизны*: изложенные в ней результаты не должны быть ранее опубликованы. Публикуя научную статью, автор закрепляет за собой приоритет в выбранной области исследования.

²⁵ http://studbooks.net/70368/buhgalterskiy_uchet_i_audit/poryadok_napisaniya_nauchnyh_statey (Дата обращения: 27.05.2017)

2.2. Алгоритм структурирования материала

Если вы готовите статью для определенного издания, журнала, сборника, следует, в первую очередь, изучить требования к принимаемым в него статьям: объем, оформление, круг тем. Например, требования к статьям, которые предьявляет сборник «Homo holistic: человек целостный» будут представлены ниже.

Затем необходимо определить тему статьи. Для начала пересмотрите уже имеющийся у вас материал и подумайте, как его можно использовать для написания статьи. Чем более узко и специализированно представлена тема статьи, тем лучше. Не старайтесь объять необъятное. Тема должна быть актуальной для науки и интересной именно вам.

Определив тему, составьте план статьи, подумайте, как и в какой последовательности изложить материал. Также вам следует определиться, каких материалов вам не хватает для полноценных и аргументированных выводов.

Отправляйтесь в лабораторию, архивы, библиотеку, чтобы собрать недостающие сведения, провести дополнительные эксперименты. Обязательно обратите внимание на новые публикации по вашей теме, появившиеся за последние год-два. Перелистайте научные журналы, сборники конференций, журналы, газеты. Содержание статьи должно быть актуальным и основываться на позднейших наработках других исследователей.

Собрав необходимый материал, сгруппируйте его, проанализируйте и обобщите. Для лучшего восприятия объема проведенной работы и результатов вашей деятельности представьте материал в наглядной форме: составьте схемы, диаграммы, графики, таблицы. Это поможет не только вам самим систематизировать полученную информацию, но и вашим читателям лучше понять вас и использовать ваш материал в своей деятельности.

Не знаете, с чего начать писать сам текст? Начните с середины. Сначала просто запишите все, что пришло вам в голову. Не старайтесь сразу подобрать нужные слова и правильные фразы, главное – сформировать «скелет» будущей статьи. Отложите написанный текст на несколько дней. Все это время ваш мозг будет продолжать трудиться, и когда вы снова откроете файл со своими записями, работа пойдет гораздо быстрее. Сначала напишите основную часть статьи, затем выводы и введение, а после этого приступайте к заголовку, аннотации и ключевым словам.

Структура научной статьи. Научная статья состоит из следующих основных частей: название статьи (заголовок), аннотация, ключевые слова,

введение, основная часть, заключение (выводы, анализ, обобщение, критика), список литературы.

Рассмотрим особенности каждой из них.

Заголовок. Заголовок статьи должен выполнять две задачи: отражать содержание статьи и привлекать интерес читателей. Так же, как и сам текст статьи, заголовок пишется в научном стиле и максимально корректно отражает ее содержание.

Желательно включить в заголовок несколько ключевых слов, относящихся к сути вопроса. При публикации такой статьи в Интернете или в электронном каталоге библиотеки заголовок с использованием ключевых слов повышает шансы, что ваши статьи будут найдены интересующимися данной проблемой. Длина заголовка статьи не должна превышать 10-12 слов.

Примеры удачных заголовков

«Теория динамических систем: социально-философский ракурс», «Влияние современной техники и технологий на человека (на примере сериала Ч. Брукера «Черное зеркало»)», «Искусственный интеллект: этика, эмоции, экзистенция».

Ошибки при составлении заголовка

1. Заголовок статьи слишком общий и охватывает гораздо более широкий круг вопросов, чем сам текст статьи. Заголовок должен быть как можно более конкретным.

2. Заголовок не отражает сути рассматриваемого вопроса и вводит читателя в заблуждение.

3. Сенсационный заголовок. Такие заголовки хороши в рекламных и новостных текстах, но для научной статьи они не годятся.

Если рассматриваемый вопрос не нов и не раз поднимался в научных работах, но вы вносите свой вклад в разработку темы или рассматриваете лишь некоторые аспекты проблемы, то можно начать заголовок со слов: «К вопросу о...», «К проблеме...», «К анализу...».

Аннотация. За заголовком следует аннотация – сжатая характеристика статьи. Аннотация должна быть краткой, но при этом содержательной. Рекомендуемый размер аннотации – не более 500 символов, т.е. 4-5 предложений. В аннотации дается информация об авторе/авторах статьи, кратко освещается научная проблема, цели и основные авторские выводы в сокращенной форме. Также в аннотации отражается научная новизна статьи.

Аннотация не должна содержать заимствований (цитат), общеизвестных фактов, подробностей. Она должна быть написана простым, понятным языком, короткими предложениями, в безличной форме (рассмотрены, раскрыты, измерены, установлено и т. д.).

Аннотация выполняет две основные задачи: а) она помогает читателю сориентироваться в огромном объеме информации, где далеко не все представляет для него интерес; на основе аннотации потенциальный читатель решает, стоит ли читать саму статью; б) служит для поиска информации в автоматизированных поисковых системах.

Пример аннотации

Проблематика представленной работы заключается в выяснении возможности построения модели, приближенно описывающей динамику изменения параметров, определяющих степень развития социума и человека. Тема построения моделей для прогнозирования будущего в наше время становится все более актуальной в связи с огромной скоростью роста населения и развития технических средств, так как при определенных подходах модель может дать ответ на вопрос о возможных исходах в тех или иных общественных ситуациях. Объект исследования – законы развития человека и общества. Предмет – исследования человеческого социума как динамической системы. Цель данной статьи – получение наиболее точной математической модели поведения и развития социальных групп. В представленной работе описаны некоторые свойства, которым должна обладать данная математическая модель. В будущем планируется развитие темы и, возможно, получение некоторых практических результатов.

Ключевые слова. Ключевые слова – своего рода поисковый ключ к статье. Библиографические базы данных обеспечивают поиск по ключевым словам. Ключевые слова могут отражать основные положения, результаты, термины. Они должны представлять определенную ценность для выражения содержания статьи и для ее поиска. Кроме понятий, отражающих главную тему статьи, используйте понятия, отражающие побочную тему. В качестве ключевых слов могут выступать как отдельные слова, так и словосочетания. Обычно достаточно подобрать 5-10 ключевых слов.

Примеры ключевых слов

Например, для статьи с названием «Искусственный интеллект: этика, эмоции, экзистенция» будут уместны такие ключевые слова: искусственный интеллект, этика, эмоции, экзистенция, кинематограф.

Введение. Во введении следует познакомить читателя с объектом и предметом исследования, изложить используемые методы исследования (общетеоретические, конкретно-научные), сформулировать гипотезу. Стоит отразить результаты работы предшественников: что выяснено, что

требует выяснения. Здесь же можно дать ссылки на предыдущие исследования для погружения в тему.

Основная часть. Основная часть – самый обширный и важный раздел научной статьи. В ней поэтапно раскрывается процесс исследования, излагаются рассуждения, которые позволили сделать выводы. Если статья написана по результатам экспериментов, опытов, необходимо эти эксперименты детально описать, отразить стадии и промежуточные результаты. Если какие-то эксперименты оказались неудачными, о них тоже следует рассказать, раскрыв условия, повлиявшие на неудачный исход и методы устранения недостатков.

Все исследования представляются по возможности в наглядной форме. Здесь уместны схемы, таблицы, графики, диаграммы, графические модели, формулы, фотографии. Таблицы должны быть снабжены заголовками, а графический материал – подрисуночными подписями. Каждый такой элемент должен быть непосредственно связан с текстом статьи, в тексте статьи должна содержаться ссылка на него.

Выводы. В этом разделе в тезисной форме публикуются основные достижения автора. Все выводы должны быть объективны. Это позволяет читателям оценить качество полученных данных и делать на их основе собственные выводы.

Также вы можете предложить свой анализ полученных результатов, а также изложить субъективный взгляд на значение проведенной работы.

Библиографический список. В этом разделе приведены ссылки на цитируемые или упоминаемые в тексте статьи работы.

Научный стиль изложения. Для научного стиля изложения характерны целостность, связность, смысловая законченность. Логическим переходам и связности текста способствуют такие слова, как «с другой стороны», «таким образом», «на самом деле», «конечно», «действительно».

Для научной статьи характерно наличие большого количества фактов и доказательств и отсутствие неясностей и разночтений. Неуместно в тексте научной статьи выражать какие-либо эмоции.

Приступая к написанию научной статьи, представьте себе того, для кого вы ее пишете. Трудные и малопонятные для вашей аудитории места снабжайте комментариями, но здесь важно соблюсти баланс и не начать объяснять элементарные и известные истины.

В научном языке используется книжная, нейтральная лексика, а также специальная терминология. Весь материал излагайте в строгой последовательности, каждый вывод подкрепляйте доказательствами и аргументируйте научными положениями.

Не используйте необоснованных заимствований, а те, которые требуются вам для подкрепления своих мыслей, оформляйте в виде цитат со ссылками на первоисточник. Не забывайте делить текст на абзацы. Если

статья обширна, используйте подзаголовки. Такая статья легче воспринимается.

Перед отправкой. Когда текст готов, перечитайте его еще раз, обратите внимание на логику изложения, грамотность, убедитесь, что вы нигде не отклонились от темы. Если есть возможность, еще раз отложите статью на несколько дней, а потом снова перечитайте ее свежим взглядом.

2.3. Образец оформления научной статьи

Оформление научной статьи должно быть выдержано в параметрах, предъявляемых требованиями редакторского коллектива или издательства. Необходимо на самом первоначальном этапе публикационной деятельности усвоить корректное и уважительное отношение к сотрудникам, принимающим вашу статью к публикации и не пренебрегать скрупулезностью указанных требований; нужно помнить, что ваша небрежность и недоделанная работа либо вернется к вам, либо за вас ее кто-то вынужден будет сделать.

При оформлении публикации важно сразу усвоить выполнение основных параметров: а) задать автоматический перенос слов; б) между названием статьи, авторами, аннотацией, английским вариантом аннотации, текстом статьи и библиографическим списком необходимо пропустить по одной пустой строке; в) недопустимы висячие строки (неполные строки в начале страницы), разрывы строк и абзацев; не следует: использовать более одного пробела подряд.

Далее мы приводим *образец оформления статьи* с комментариями, имеющими отношение к распространенным недочетам в оформлении.

*Образец оформления статьи
в сборник кафедры философии «Ното holistic: человек целостный»*

УДК 378.016:004 *оформление только в библиотеке!*

ББК Ч448.02 между УДК и БК не должно быть пропущенной строки или разрыва

инициалы перед фамилией, строчные буквы, курсив К.М. Зияева, О.В. Пащенко
не должно быть пропущенной строки или разрыва г. Челябинск, ЮУрГУ

ТАЙМ-МЕНЕДЖМЕНТ КАК ИСТОЧНИК «НЕСВОБОДЫ»

в заголовке заглавные буквы, жирный шрифт

Современный мир с его реалиями заставляет людей экономить время, выкраивать минуты для решения проблем и часы для жизни. В этих условиях особо остро ощущается желание быть свободным. Наука «тайм-менеджмент» обещает предоставить эту свободу.

Ключевые слова: тайм-менеджмент, необходимость, свобода, время, несвобода.

а) аннотация (без слова «Аннотация»): смещение относительно левого поля – 3 см, красная строка – 0,7 см.; б) «Ключевые слова» - курсив; в) между текстом аннотации и ключевыми словами не должно быть разрыва или пустой строки; г) обязательно дублирование ФИО авторов, названия статьи, аннотации и ключевых слов на английском языке с точным соблюдением всей пунктуации, формой и размером шрифтов.

*K. Ziyaeva, O. Pashchenko
Chelyabinsk, SUSU*

TIME MANAGEMENT AS A SOURCE OF "UNFREEDOM"

The modern world with its realities makes people to save time, to carve out a minute to solve problems and hours for life. The desire to be free acute particularly in these conditions. The science of "time management" promises to provide this freedom.

Keywords: time management, necessity, freedom, time, not-freedom

в тексте статьи необходимо использовать: а) «среднее» тире и «французские» кавычки; б) тире и дефисы должны быть в соответствии с языковыми правилами; в) сноски на библиографию только в квадратных скобках; г) недопустимо оставлять предлоги и инициалы в начале новых предложений по правому краю поля, их необходимо переносить в следующее предложение

Тайм-менеджмент (ТМ), как искусство управления временем, с огромной скоростью проникает в нашу жизнь. ТМ необходим для того, чтобы высвободить достаточное количество времени для важной работы или общения с семьей. Использование технологии позволяет эффективно использовать ресурсы времени и выполнять трудовую деятельность с минимальными временными затратами. Так в чём же заключается тайм-менеджмент?

Тайм-менеджмент – (*time*) это технология эффективного использования собственных временных ресурсов для достижения конкретных целей.

Современный ритм жизни имеет огромную скорость, обусловленную научно-техническим прогрессом. Информационный век навязывает людям своим правила, неподчинение которым грозит жизнью в нищете. Если ты хочешь быть успешным, ты обязан выполнять множество различных функций, обладать огромным количеством различных навыков, начиная от правильной речи, и заканчивая знанием популярной литературы. Ты должен разбираться в политике и в людях, уметь находить контакт с окружающим миром, вести дела, зарабатывать деньги, при этом эффективно выполняя функцию родителя, ребёнка или супруга (а порой и всё вместе!). Не удивительно, что люди, живущие на беговой дорожке жизни, борющиеся ежедневно с необходимостью всё успевать, цепляются за последнюю соломинку к свободе.

Свободу человек ставит на вершину целей. Но что такое свобода? Свобода – наличие возможности выбора, вариантов исхода события. Отсутствие выбора, вариантов исхода события равносильно отсутствию свободы. Свобода есть один из видов проявления случайности, хаоса, направляемое свободой воли (намеренность воли, осознанная свобода).

Тайм-менеджмент (*дефис*) призван освободить нам определенное количество времени для жизни, а, следовательно, его можно свести к экономии времени. Современный человек, постоянно ощущающий зависимость, усилена стремится сэкономить время, чтобы почувствовать краткие мгновения свободы.

Тайм-менеджмент, в этом свете, выглядит как двойной обман. Получается, что, изучая его, каждый уверяет себя, что экономит время. А по факту – пытается его потратить. Хотя и тот, и другой мотив преследуют одну единственную цель – свободу.

Соотношение свободы и тайм-менеджмента можно проследить на примере статьи, размещенной на сайте timestep.ru, посвященной вопросам тайм-менеджмента, одной из его участниц, Светланой: «В наши дни тайм-менеджмент перестал быть «модным» направлением и превратился в направление полезное, в направление, без которого ни одно предприятие не может работать плодотворно. По данным международной консультационной компании «Chipin&Partner» каждый человек тратит напрасно более трети своего времени (примерно 78 дней в году) и, естественно, впустую расходуется не только личное время, но и рабочее. А потому, без внедрения тайм-менеджмента (ТМ) на предприятии не обойтись» (*французские кавычки*) [2]. (*точка должна быть в конце предложения, перед скобками не ставить*)

С первых строк мы видим, что ТМ представлен как необходимость, как фактор плодотворной работы. И успех его имеет свои корни в необходимости поднимать уровень работоспособности.

Далее в статье описывается три (по мнению автора) основных приёма ТМ. Так: «Первым приемом тайм-менеджмента все же стоит

назвать планирование... Планировать рекомендуется в 2 этапа. Вначале следует составить список дел, которые необходимо выполнить, а потом определить приоритетность каждого из них» [2]. *(скобки только квадратные)*

Планирование есть результат рациональной человеческой деятельности. И свобода человека проявляется в его деятельности, но является ли она рациональной? Или рационализм – это лишь признак несвободы?

Б. Спиноза *(между инициалами и фамилией 1 пробел)* считал, что «свободной называется такая вещь, которая существует по одной только необходимости своей собственной природы и определяется к действию только сама собой. Необходимой же или, лучше сказать, принужденной называется такая, которая чем-либо иным определяется к существованию и действию по известному и определенному образу» [3].

Из этого представления о свободе следует, что свободной является та деятельность, которая детерминирована волей и желанием человека, а если определяющим фактором являются внешние условия, которые заставляют человека планировать, то деятельность будет несвободной.

Далее: «Вторым важным приемом ТМ является умение правильно общаться с окружающими. Сюда можно включить и способность делегировать свои полномочия в нужный момент, и умение отказывать сотрудникам и подчиненным, и умение сдерживать себя и не стараться переубеждать людей в чем-либо» [2].

То есть, любой человек, желающий уметь управлять временем, должен обладать способностями, умениями, связанными с контролем своих эмоций (в самом узком смысле), и контролем своих мыслей, чувств и поведения (в более широком смысле). Да и само общение в таком ключе будет проявлением несвободы, так как не все люди являются желаемыми собеседниками. Общение становится вынужденным, противоестественным. Интенсивность такого общения приводит к включению защитных механизмов и к дезориентации личностных функций: упрощение эмоций, утрата возможности сопереживать, нервозности и т.д.

Последний: «Третьим важным приемом считается умение выполнять неприятные дела. Ведь, согласитесь, с таковыми время от времени сталкивается каждый. Эксперты по ТМ утверждают, что начинать выполнение неприятных дел стоит с самого утра, в противном случае их можно вообще не выполнить» [2].

И снова, умение перебарывать себя, справляться с неприязнью к тем или иным делам, насильственное, фактически, их выполнение. Неприятные дела – это необходимость.

Подводя итог, можно сказать, что тайм-менеджмент – это необходимость в чём-либо. Сначала в умении и способностях, потом в их

применении. Но разве это и есть свобода? необходимо различать дефис (-) и тире (—)

Н.А. Бердяев, (между инициалами нет пробела) рассматривая понятие «необходимости», напрямую связывает его с понятием «свободы». «Необходимость есть продукт свободы, рождается от злоупотребления свободой. Направление воли свободных существ создает природную необходимость, рождает связанность. Материальная зависимость есть порождение нашей свободной воли. Необходимость есть лишь известное, дурно направленное соотношение живых и свободных субстанций разных градаций» [1].

Пытаясь достичь свободы путём изучения тайм-менеджмента, люди ещё больше «вгоняют» себя в рамки. Чем больше они хотят получить свободы, тем больше появляется необходимость насильно преобразовывать свою жизнь. И это порочный круг, в котором тайм-менеджмент является лишь переходной стадией, своеобразным утешением для тех, кто всё ещё в гонке за счастливой свободой.

Библиографический список

а)именно «библиографический список», а не «список литературы» и не «литература»;б)без двоеточия в конце; в)библиографический список оформляется в алфавитном порядке; г)согласно ГОСТ Р 7.0.5- 2008 (отсутствуют: запятые после фамилии перед инициалами; повторное указание фамилии автора; тире между годом выпуска, указанием страниц, годом и номером журнала в выходных данных);д)в соответствующих местах слова [Текст] и [Электронный ресурс] обязательны;е)пробелы перед слэшем (//) и после обязательны; ж)библиографический список должен быть оформлен в абсолютном соответствии указанному стандарту.

1. Бердяев Н.А. Философия свободы [Электронный ресурс] // URL:http://1260.org/Mary/Text/-Text_Berdyaev_The_Philosophy_of_Freedom_-_htm (дата обращения 23.03.2017). (обязательно указывать дату обращения)

2. Дыдров А.А., Пеннер Р.В. Бег и бегство в дистопии (на материале художественного фильма «План побега») [Текст] // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–4. С. 860–863. (здесь должно быть «среднее тире», без пробелов между цифрами, а не дефис (не правильно: С. 860-863))

3. Гредновская Е.В., Пеннер Р.В. Проблема подлинности существования человека в дискурсах экзистенциализма и постмодернизма [Текст] // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15. № 3. С. 56–60.(если указаны страницы ссылки, то буква С. – заглавная)

4. Прилукова Е.Г. Власть образов: виртуализация общества [Текст] // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 10 (269). С. 151–154.

5. Пять приемов тайм – менеджмента [Электронный ресурс] // URL: <http://timestep.ru/2013/11/06/5-priemov-tajjm-menedzhmenta> (дата обращения 23.03.2017).

6. Спиноза Б. Избранные произведения [Текст] // Москва: Издательство Политической литературы. 1957. Т. 1. 632 с. (если указано количество страниц всего издания (книги, журнала), то буква с. – строчная)

Памятка студенту для написания научной статьи

1. *Тема – это рабочее название/концепт (т.е. идея + структура).*
2. *Цель – это предназначение работы (что я хочу получить + то, что мне поможет тему сделать доходчивой, информационно-систематизированной, устраним дезинформацию и белые пятна в данной области, поможет найти новых авторов, которые занимаются данной проблематикой).*
3. *Доминанта цели разбивается на задачи – это то, «как мы хотим достичь результата»:*
4. *А именно: прояснить степень разработанности проблемы – это то, что «что уже написано».*
5. *Еще: выявить авторитетные источники + прояснить методологии.*
6. *А также: систематизировать изученный и отобранный материал в рамках «нашей» цели стать и – это «источник + его интерпретатор»;*
7. *Остается: сформулировать структуру работы, исходя из заявленной темы.*
8. *Работа с источниками начинается с философских словарей/энциклопедий (можно использовать «Википедию», только не цитируя и не ссылаясь на ее в статье, а как отправную точку поиска).*
9. *Далее проработать список авторитетных имен, которые прямо или косвенно работали по заявленной теме.*
10. *И даже можно использовать сайт диссертаций (поиск среди диссертаций по заявленной теме, т.к. обычно там хорошо прописаны литература, введение, цели, задачи, выводы (в автореферате); можно воспользоваться этим материалом, корректно цитируя и делая ссылки).*
11. *Также можно искать в интернете материал для изучения по прямой формулировке названия будущей статьи, выясняя, кто/что уже разработал по данной проблематике, чтобы не «изобретать велосипед».*

Раздел 3. Философское эссе

3.1. Эссеизм как форма рефлексии

Эссеизм как форма философского мышления – первичная составляющая жанра эссе²⁶. Этот жанр, сориентированный на индивидуальность и уникальность человеческой личности, ее самопознание и самообоснование, был открыт в произведении М. Монтеня «Опыты» (1580 г.) И как жанр эссе возникает именно в эпоху Возрождения, когда утверждались воля, свобода, личная ответственность и достоинство человека.

Эссеизму как способу философского мышления дает верное определение его родоначальник – австрийский писатель XX века Роберт Музиль, который устами главного героя романа «Человек без свойств» Ульриха пытается разграничить эссе и философский трактат, утверждая, что «эссе - это уникальный и неизменный облик, который принимает внутренняя жизнь человека в какой-то решающей мысли»²⁷ Можно сказать, что эссеизм – это особый вид мышления, особенности которого выявляются в прагматической и художественной организации жанра.

Важнейшее свойство эссе – *подчеркнуто выраженный индивидуальный взгляд автора*, это главный его жанрообразующий признак. Именно эта черта делает эссе выражением экзистенциального опыта автора, где «Я» - и *субъект*, и *объект* познания, а источник саморазвития личности – в ней самой. Это, по утверждению М.Н.Эпштейна, «исконное свойство»²⁸ жанра.

Эссеисту, как мыслителю и поэту, присущи особые отношения с действительностью. Вступая в диалог с природой, миром, культурой, он демонстрирует некую *неотделимость мысли от способа ее воплощения*. М.Н. Эпштейн вводит такое понятие, как «*мыслеобраз*» или «*эссема*»²⁹, когда осуществляется «свободное сочетание *конкретного образа* и обобщающей его идеи». А идея и образ «скреплены *через личность того, кто соединяет их в опыте самопознания*», в силу чего можно говорить о сближении на этой основе философии и поэзии. Поскольку в эссеизме как мышлении «двигательная энергия мысли развоплощается по соответствующим законам поэтики, где слово влечет за собой мысль, которая плавится в тиши языковой стихии»³⁰. Тогда рождается «танец Заратустры» (Ф. Ницше), «Опавшие листья»

²⁶ Цит. по: Тесленко М.А. Литературный жанр эссе как философствование и способ философской рефлексии. URL.: <https://www.scienceforum.ru/2013/pdf/6344.pdf>

²⁷ Там же

²⁸ Там же

²⁹ Там же

³⁰ Там же

(В. Розанов), «Сознание вслух» (М.К. Мамардашвили), «Мысли врасплох» Абрама Терца (А.Д.Синявского).

Развитие мысли эссеистом сопоставимо с путешествием, «конечный пункт которого заведомо неясен, зато читатель приучается ценить прелесть самого движения, наслаждаться процессом». Вот на поиск такой решающей мысли, ее облика-выражения, авторской позиции должен быть нацелен каждый, кто хочет раскрыть для себя этот жанр.

Следует помнить и о том, что автор имеет дело с конкретным предметом, конкретной темой, феноменом природы, объектом речи, который описывает и переживает, но это *не предполагает исчерпывающей трактовки темы*. Эссеист не претендует на роль философа-теоретика, не стремится к выработке понятия. Эссеист, по словам М. Эпштейна, выступает не как специалист, а как человек, пробующий себя во всем. «Многого не нужно: прикоснуться, пометить, не больше..., притязания на монументальность здесь бессмысленны»³¹.

Конкретная тема лишь повод для собственных размышлений и поисков; предмет рассмотрения «служит предлогом для разворачивания мысли», «попыткой найти в пространстве точку опоры». Это качество исследователи определяют как *свободное владение темой*. Его можно наблюдать, анализируя названия эссе, в которых появляется предлог «о»: «О совести», «О добродетели», «Об именах», «О предсказаниях» Мишеля де Монтеня.

В качестве воплощения своей оригинальной идеи автор использует все *способы постижения действительности*: и научный, и религиозный, и художественный. В зависимости от того, что будет преобладать, выделяют разновидности эссе: философские, духовные, исторические, публицистические, эссе-идеи, эссе-прогнозы, критические и др.

История развития эссе³² в европейской литературе насчитывает 430 лет (Essais – «Опыты» М. Монтеня отражают главную идею философии Возрождения - повышенное внимание к человеческой личности). Китайские «суйби» («по следам кисти»), японские «дзуйхицу» (кн. «Макура-на-сози» Цит. по: Тесленко М.А. Литературный жанр эссе как философствование и способ философской рефлексии. URL.: <https://www.scienceforum.ru/2013/pdf/6344.pdf>- «Записки у изголовья» Сэй Сенагон) появились в литературе Востока еще раньше – в конце XI века. Крупными произведениями этого жанра были «Ходзеки» («Записки в келье» Камо Темэй (XIII в.); «Цурэдзурэгуса» («В часы досуга» Еси Кэнко (XIVв.). Затем эссе прочно утверждается и развивается в английской

³¹ Цит. по: Тесленко М.А. Литературный жанр эссе как философствование и способ философской рефлексии. URL.: <https://www.scienceforum.ru/2013/pdf/6344.pdf>

³² Там же

философии и литературе (Френсис Бэкон переводит «Опыты» Монтеня (1580 г).

Эволюция жанра демонстрирует подвижность его родовых и видовых границ: эссе живет в религиозной, проповеднической, философской, публицистической, искусствоведческой, критической и художественной литературе. Как мы предположили в предыдущем параграфе, эссе зарождалось как одна из форм философской мысли. Такой же точки зрения придерживается М. Н. Эпштейн, который отмечает «тягу к эссеизму»³³ внутри разных философских направлений Нового времени. Образность проникает в такие полярные учения 10-х годов XX века, как психоанализ (труды З. Фрейда и К. Юнга) и феноменология (Э. Гуссерль), экзистенциализм (Ж.-П. Сартр, А. Камю, С. Кьеркегор, Г. Марсель, М. Хайдеггер, М. де Унамуно, К. Ясперс). Последнее же учение непосредственно отражает новый поворот философской мысли к человеку, его внутренним ценностям. Образы в литературе Т. Манна, Ф. Кафки, Акутагавы Рюноскэ, Ясунари Ковабата, Кобо Абэ, Дж. Джойса, Х.-Л. Борхеса также «порождены эссеистической манерой письма»³⁴.

Эссе зарубежных авторов Нового времени, эпохи расцвета экзистенциализма, обнажившего основное философское противоречие между внутренней сущностью человека и его внешним существованием, отражали человеческую потребность «искать и находить свое «Я», смысл своей жизни в самых трагических, «абсурдных» ситуациях. Так, С. Кьеркегор, говоря о задачах философа Нового времени, утверждал, что необходимо взглянуться, «вчувствоваться» в человеческую жизнь, человеческие страдания. Именно искренность такого «вчувствования», поток рефлексивного философского сознания мы и находим в произведениях, написанных в эссеистской манере, таких, как «Улисс» Дж. Джойса, «Процесс» Ф. Кафки, «Чума» А. Камю, «Глазами клоуна» Генриха Белля, «Одинокий волк» Германа Гессе, а также в произведениях Марселя Пруста, Эдгара Алана По, Хорхе Луиса Борхеса, Андре Жида, Сомерсета Моэма, Хулио Кортасара, Курта Тухольского, Гора Видала, Милорада Павича, Умберто Эко и др.

В отечественной философии проявление эссеизма находим, начиная с традиций П. Я. Чаадаева, А.И. Герцена, В.Г. Белинского, в творчестве философов начала XX века – В.В. Розанова, Л.И. Шестова, М.М. Бахтина, М.О. Гершензона, П.А. Флоренского, Л. Лосева, Н.Я. Берковского, А.Ф. Лосева, С.С. Аверинцева, Г.Д.Гачева, а также в творчестве поэтов Серебряного века и писателей: И.Ф.Анненского, Вяч. Иванова, А. Белого, О.Э. Мандельштама, М.И. Цветаевой, В.В. Набокова, И.Г. Эренбурга,

³³ Там же

³⁴ Цит. по: Тесленко М.А. Литературный жанр эссе как философствование и способ философской рефлексии. URL.: <https://www.scienceforum.ru/2013/pdf/6344.pdf>

Ю.Н. Тынянова, В.Б. Шкловского, А.Д. Синявского и др. Именно в это катастрофическое для России время вопрос об обращении к неповторимой личности как единственной реальной ценности приобрел чрезвычайную остроту в философии и литературе. Этим и объясняется расцвет эссеистики.

Среди современных писателей к эссеистской манере письма тяготеют В.П. Астафьев, А.И. Солженицын, Ф. Искандер, В. Ерофеев, Т. Толстая, В. Пьецух, В. Пелевин и др. Все эти авторы ставят в своих произведениях вечные философские вопросы: взаимоотношение человека и общества, места человека в мире, жизни и смерти, добра и зла, смысла человеческой жизни, роли духовных ценностей. При этом огромное место в их эссе занимает философская рефлексия, потребность в самоанализе, самопознании, самоопределении. Итак, все философы занимаются философствованием, и как выяснилось, философствование многих из них можно без преувеличения назвать именно эссеизмом.

3.2. Алгоритм написания эссе

Т.к. «эссе» – от фр. «essai» – «попытка, проба, очерк», а от лат. exagium – «взвешивание», то уже из значений понятия следует, что это творческое сочинение, небольшое по объему. Главная характеристика эссе – это мнение автора по какой-либо проблеме, вопросу, раскрывающее собственную точку зрения автора в свободной повествовательной форме.

В Большом энциклопедическом словаре отмечено, что эссе относится к философскому жанру проза, и это естественно, так как в первую очередь, это сочинение-размышление. Создателем жанра философского эссе считается Мишель Монтень (французский философ, «Опыты», 1580 г.).

Письменная работа в форме эссе-размышления помогает выполнить две задачи, стоящие перед философией как учебной дисциплины высшей школы. Первая и важнейшая цель эссе как своеобразной философской практики – это *опыт рефлексии*, поиска ответа на проблемный, актуальный для автора вопрос. А как форма самостоятельной внеаудиторной работы эссе помогает развивать *навыки творческого мышления* и письменного изложения своих мыслей, что, несомненно, может помочь в учебной и научно-исследовательской работе.

Для того чтобы написать эссе, заслуживающее положительной оценки, необходимо помнить *несколько рекомендаций*.

1. Обязательным формальным требованием данной работы является заголовок. Остальное: содержание, способ изложения мыслей, постановка проблемы, формулирование выводов и т.д. – пишется по усмотрению автора.

2. Главным требованием содержательного характера является

представление автором собственного взгляда на рассматриваемую проблему. Здесь возможны варианты: сопоставление уже известных точек зрения и мнения пишущего или только выражение субъективных мыслей автора по рассматриваемому вопросу.

2. В качестве средств художественной выразительности при написании эссе приветствуется использование различных метафор, ассоциаций, сравнений, приведение афоризмов, цитат (однако не стоит забывать о том, что эссе - это всё-таки личное мнение и увлекаться цитированием не стоит), проведение параллелей и аналогий и.п. Живость и динамичность тексту эссе обычно придают вопросы, неожиданные переходы, непредсказуемые выводы.

3. При написании эссе следует избегать таких фраз, как «В данном эссе я расскажу о...», «В этом эссе рассматривается проблема...» и т.п. Гораздо лучше заменить их вопросами, постановкой проблемы или обращением к читателю, ведь основная цель эссе - заинтересовать читателя, донести до него точку зрения автора, заставить задуматься над прочитанным, сделать свои собственные выводы, начать сложный путь своего собственного духовного поиска.

3.3. Пример эссе

Главацкая Даяна Смысл жизни человека

Прямо сейчас ты можешь отложить все заботы. Налей себе ароматного чая, предоставь мне возможность убедить тебя жить дальше? Все, что здесь написано – не выдумка. Воспоминания, да и только! Они резки, иногда не уместны, но когда ты захлеб дойдешь до середины, ты поймешь, к чему я выбрала такую структуру эссе. Не печалься, наша жизнь только началась! И в ней есть смысл! Мой читатель. На эту тему рассуждают в здравом уме и в опьяненном рассудке. Но еще никто не мог дать верный ответ. Ради чего человек рождается в этом мире? Какую цель за своей спиной скрывает? Возможно, ли угадать нашу роль в природе? Столько вопросов и целая жизнь, чтобы найти свои ответы, порой и этого времени мало.

Я наблюдаю за группой детей не старше четырех лет. За окном день влюбленных. Прозрачной чистоты глаза смотрят на меня, слушают, что я говорю. Никто из них не может дать мне понятия любовь, но каждый из них знает, кого любит. Мы тщательно приклеиваем цветы на ярко-красную открытку.

Я объясняю, что в этот день, нужно поздравлять того, кого сильно любишь, а открытка в виде сердца, как символ, что в груди у вас сердечко стучит и любит, вы его дарите своим родителям. «– Послушайте... тук-тук-тук... стучит!». И выкрики из толпы с удивлением: «– Оно и дома у меня стучит!». Здесь мой ответ: « – Оно всегда будет стучать и любить!». И еще долго мои движения были как в тумане. Я задумалась...».

Когда человек рождается, ему дается одна минута, чтобы посмотреть на будущее. Это бессмысленно, ведь мы все забываем, иногда что-то приходит к нам во сне, или в форме дежавю. Но в глубине нашего подсознания мы это видели (себя со стороны). Посмотрим, что из этого ты помнишь?

Во-первых, твое сердце бьется. Стучит еще с тех пор, когда ты был крошечным младенцем. Когда мама укачивала тебя и припевала песню, которую ты сейчас поешь своим детям. Сердце никогда не останавливалось, без передыха трудилось столько лет в твоей груди. Ты же и сейчас слышишь удары? Приложи руку. Я знаю, они символизируют стук часов, умеренно, но всегда точно. Каким бы ты ни был, злым на дождь, добрым человеком; не горевал об утрате, выпивал крепкий кофе, судорожно болел, терпел удары, покупал шкатулку, оперяясь на цвет и форму, – оно всегда будет биться. Судьба, пророчество, начертание – называй это чем угодно, тебе суждено было родиться.

«Он высокий, всегда в рубашке не ярких тонов. В его кармане всегда лежали: небольшая расческа-гребешок и сахар комковой. Кто его не знал, посчитал бы его сумасшедшим, но это лучшее лекарство от приступов сахарного диабета. Как сказал Харуки Мураками: – «Каждый имеет право на свои странности».

Летом его бархатная кожа быстро загорала на солнце, а небольшие шрамы от работы в «хозблоке» были ему к лицу. Довольно худощав, хотя кушал чаще, чем другие. Любил черное трико. Он приносил в больших ладонях малину в дом, заранее помыв ее в баке, уверял, что это лето лучше, чем другие и находил себе занятие возле шиповника, поливая дорожки водой; любил приезжать в гараж. Сидел там сутками, мастеря что-нибудь. Руль от машины называл «баранкой», звонил мне каждый день, называя, зайцем, потому что с моего рождения он стал мне « – Я злой и страшный серый волк, я в ребятишках знаю толк!». Никогда не заставляла его по утрам, потому что в это время дел у него было море. Он заменял мне отца, друга – всех мужчин на земле. Сколько приступов было, но он всегда возвращался к нам. Но не в тот раз. Он не вернулся. Мой идеал, кумир, любимый дедушка, самый близкий человек на Земле. Сейчас не увидит, как скоро я получу права и сяду за баранку, как он. Не

узнает, на что я способна сейчас. Он сказал мне однажды, когда я заболела в канун восьмого марта: «- Помнишь, что ты просила у меня? Иди, посмотри...» Он прятал огромную куклу в кладовке. «- Держи, только обещаю, что болеть не будешь?». Обещаю...».

Во-вторых, ты живешь ради своей семьи, ради момента, когда ты, наконец, оставишь свои заботы и вырвешься из рутины, добравшись до старого всем забытого адреса. Где возле окна, как пятнадцать лет назад, сидит бабушка в одиночестве. Она видела, тебя крохой и когда ты сам мог залезать на стул, иногда ейчастливилось оставаться с тобой на ночь, слышать, как ты дышишь. Она готова отдать все, лишь бы ты снова приехал в гости. Жаль, она больше не может приготовить те пирожки, как в детстве, но у нее тот же голос. Родной. Она плачет, она держит твои плечи и не может наглядеться тобой. Боится, что в следующий долгожданный приезд, она тебя не увидит. Но для нее, смысл жизни ждать своих детей, внуков, правнуков. Обнимаешь перед уходом, думаешь, лишь бы возвращаться сюда каждый раз и видеть ее у окошка еще десять, двадцать лет – всегда...

*Возвращаться домой, где так вкусно пахнет ужином, а мама уже готова слушать твои истории за сегодня. Наблюдать, как растет твой брат, которого ты еще совсем недавно видел в кроватке, закутанном бархатистой пеленкой, а уже сегодня, он один гуляет по улице и отличник в школе. На каждый праздник собираться вместе, теплом встречая друг друга. Расширять семью, наблюдать, как рукопожатием встречают твоего жениха – радоваться. Учиться, развиваться как личность, воспитываться. *Изо дня в день быть рядом с семьей.* И сколько бы раз ты не отрекался от нее, она всегда будет твоей поддержкой.*

«...В это время на город опустилась ночь. Улицы казались темнее, чем обычно. Все как раньше, знакомые места, дороги...незнакомый мужчина возле подъезда моего дома. Иду уверенно, не показывая сомнений. Он, смекнув, посмотрев по сторонам, неспешно набрасывает капюшон на голову и направляется в мою сторону. Его шаги становятся огромными резкими. Мне стало страшно до безумия, сердце заколотилось так, словно сейчас взорвется, руки тряслись, как будто у меня болезнь Паркинсона, дрожь моего тела была бы ощутима даже людям на другом конце земного шара. Только не моей семье, находящейся на пару этажей выше над землей, тихо спящими в кровати. Ничего не остается делать, как идти мимо, в другую сторону. Он пошел за мной, как драный, бешеный пёс. Ускорила шаг, а потом и вовсе побежала, редела, редела так, словно все кишки в моем желудке свернулись в тугой узел и не позволяли мне дышать. Кричу внутри себя, господи, помоги, защити. Спустя несколько минут мое дикое дыхание слышит аптека. Фармацевт показала мне до

боли знакомой и родной. Что дальше? Мир жесток и груб. Мне страшно... Дальше как в тумане...».

В-третьих, смысл в том, чтобы принимать жизнь такой, какая она есть. Игривую, с парадоксами, часто злую на жестоких людей; несправедливую и едкую, на лгунов и трусов, как волна. Вот ты, когда-нибудь задумывался, почему все люди должны ночью спать? Миллиарды людей ложатся на кровать и закрывают глаза приблизительно в одно и то же время, в разнице только лишь часовых поясов? Почему принято называть времена года всего четырьмя названиями? Неужели столько веков не существовало иной погоды? И хотел бы ты увидеть, что когда-то звезды упадут на землю и расколуются? Хотя бы один день, что – то пойдет не так, как раньше, но для нас это уже будет нечто страшное, только лишь потому, что это не обыденность, непредсказуемо нами. Любой всплеск «волны» и человек уже не может принять это.

«Большая толпа столпилась у входа. Первых пропускали инвалидов, потом нас - групп детей, ну а после всех остальных туристов. Вокруг все цвело, дивный день. Я никогда не видела столько насыщенных оттенков цветов вместе. Они были аккуратно высажены кругами возле фонтанов, словно ожерелье у женщины на шее. Брызги воды летели вверх, словно мечтая дотронуться до солнца. Мне нравилось разглядывать эти места. Огромный дворец нагнетал; золотые ручки, невероятной красоты массивы. Я внутри. О! Сколько же нам пришлось пройти, чтобы рассмотреть все комнаты до единой. Но я помню каждую, в особенности - комнату Екатерины великой. На тот момент мне было десять, обычно в этом возрасте ребенка не волнует, как в комнате императрицы сохранились вещи, но не меня. За стеклом были выложены, с точной аккуратностью, маникюрные ножницы, щипчики и пинцеты. Неподалеку висели длинные роскошные наряды. Кровать с шелковистой постелью, зеркало, в которое когда-то смотрела величайшая женщина Российской империи. А теперь туда смотрю я?! Комната целиком из малахита привлекала своим рядом камней и ваз. Бесконечный поток картин и портретов окружал меня. Они становились все ближе и ближе ко мне, невзначай я могу прикоснуться к ним. К той эпохе. Одна же - огромных размеров висела над моей головой, кто из женщин смотрел на нее, обязательно мог победить бесплодие и родить. Удивительно! Холст и масло! А люди со всего мира приезжают посмотреть на нее, чтобы решить проблему. Другая - с изображенным человеком, мужчиной лет сорока пяти, где он показывал пальцем. И куда бы ты ни вступил, хоть вправо или лево, его палец будет указывать с точностью на тебя. Волшебство! Я была уверена, что ночью здесь все оживает, и сам Петр первый вышагивает по бархатному красному ковру на лестнице,

прикоснувшись рукой, на пальцах которой, превосходного и благородного сплава перстни, касается мраморного перила. Да что умалчивать, я и сейчас в этом уверена! Дух, нашего русского народа живет там, во дворцах искусств, где рождаются мысли, а люди, которые давно забыли, что такое воображение, вновь придумывают удивительное!».

В-четвертых, человек живет ради того, чтобы сохранить, что наши предки сделали в прошлом. Ради начала, которое они положили. Жизни без войны. В самой великой и большой стране на земле. Ради искусства, что сотворил человек, бесспорно, неважно какой он национальности и пола, главное – сколько было создано, сколько будет создано! Все не напрасно.

«Захожу домой с работы, задумалась, а правильно ли выстраиваю мысль? Порой ночью я хочу встать и удалить все, до последнего символа, но тогда я буду каждый раз возвращаться сюда. Этот круговорот, вечно меняющихся, мыслей убивает мое возвышенное эго. Я пытаюсь отвлечься от рутины в голове, забредаю на кухню, не внимательно, схватив пачку печенья, возвращаюсь в комнату, уткнувшись в смартфон, через каждые доли секунды, прикасаясь пальцами к экрану, отвечаю на сообщения... А что же будет завтра?...».

В-пятых, человек живет ради будущего. Время быстротечно, его не остановить и не замедлить. Года разбегаются в поединке между собой, кто быстрее убежит?! И мы не замечаем, как стареем, значит, очередной год победил. Сколько бы мы не твердили, что человек разрушает нашу планету, мы все равно будем жить, поколения за поколением, несравнимые границы нашего подсознания завлекут за собой новые открытия и даже миры, где ты никогда не был. То, что сейчас ты любишь смотреть в кинотеатрах, фантастику, с известными героями и их судьбами, возможно, что через сотни лет это будет реальность. Если это придумал человек, значит, он может воплотить это в материю.

Любой аргумент, который я застрагиваю, привязывает за собой еще десятки философских вопросов. Так зачем же все усложнять? Если вы хотите услышать мое мнение, прочтите лишь эти строки, которые были ограничены моим терпением и временем. Мне приходится жертвовать собственными часами, чтобы убедить тебя, читатель, что жизнь в будущем будет иной, чем сейчас. Люди становятся злее, скупее, человечность постепенно отдаляется от нашей планеты. Митинги и собрания сотни людей на канале новостей, не изменяют отношения человека к его жизни, к поступкам, к другим людям, к помощи нуждающимся. И даже если я не

напишу этого эссе – ничего не изменится. Всем людям свойственно жить, стареть, учить других. Вместо того, чтобы излагать свое мнение, нужно действовать во благо будущего, для наших детей и внуков, правнуков. Пока мы с тобой моргаем, в эту минуту в мире умерло около сорока тысяч человек, и изобрели нечто новое. Прогресс не останавливается – время не щадит никого. Мы просыпаемся каждый день, работаем, питаемся, встречаемся, обмениваемся информацией, для того, чтобы нашей будущей семье, продолжению древа, с которым мы не будем знакомы, могли оставить хоть какие-то следы сегодняшнего «нас». Это и есть философия человека. Обрести свой смысл, примерить на себя все роли. «Каждый должен оставить что-то после себя. Сына или книгу, или картину, выстроенный тобой дом или хотя бы возведённую из кирпича стену, или сшитую тобой пару башмаков, или сад, посаженный твоими руками. Что-то, чего при жизни касались твои пальцы, в чём после смерти найдёт прибежище твоя душа. Люди будут смотреть на возвращённое тобою дерево или цветок, и в эту минуту ты будешь жив». *Рэй Брэдбери.*

Твой чай еще остался? Я пишу это эссе уже три недели и мне нечего сказать. Эти аргументы никчемны, по сравнению с тем, сколько за день мы испытываем эмоций, делаем для себя выводы, которые складываются в уроки. У каждого они свои, но я обещала тебе, читатель, что на время, ты забудешь о своих делах, и окунешься со мной в противоречивые вопросы. Возможно, что завтра, в толпе людей мы пройдем мимо друг друга, или через пару лет я буду кричать совсем другие утверждения, знай, на данный момент это «я» и это мой смысл жизни. *«Наблюдаю за потоком людей из окна маршрутного такси, пытаюсь по взгляду прохожих понять, ради чего же они живут? Пальцами тихонько касаюсь губ и пропускаю уже третий трек из плейлиста мимо ушей. А зачем? Наконец, зачем я трачу свое драгоценное время на поиски этого ответа? Как говорится - секретного ингредиента нет. Люди не ищут смысла, они просто хотят жить. Сегодня. Сейчас».*

05.04.2017 г.

P.S: «Если вам все таки удалось прочитать это эссе, значит, Даяна уже спит, а это я – ее внутренний мир и я не могу смотреть как она мучается, поэтому нашел в ее ежедневнике адрес вашей почты и прикрепил этот документ вам в письмо. Не судите ее строго, она совсем устала, и я уверен, она может написать еще лучше и больше, но мы боремся с ней каждый день. Ведь нет предела совершенству, правда, Екатерина?! Крепкого вам здоровья».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Какая судьба ожидает в этих изменяющихся условиях философию?³⁵ Решение этого вопроса находится не только от инновационных процессов в гуманитарном и естественнонаучном знании, но и от назревшей возможности обнаружения того единого основания, которое и раньше сохранялось во всех преобразованиях, но заметным стало только сейчас. Такое единое основание не может быть открыто заново, не может быть придумано или изобретено хитроумным человеческим разумом. Оно может быть только понято, как может быть понято некоторое огромное проблемное «поле», отдельные и притом наиболее заметные «участки» которого издавна осваивались мыслителями, но «края», потаенные углы и вся целостная конфигурация которого все время оставались в тени. Речь идет теперь не только о научном знании, философствующем о своих дополнительных возможностях, остающихся до сих пор разрозненными на огромном текстовом пространстве духовной культуры, но и о той разновидности неклассического философствования, которая заинтересована в переосмыслении места и роли философии по отношению ко всей исторически развивающейся духовной культуре.

Открытие феномена интертекстуальности впервые создает множество возможностей для разрушения жестких границ между крайне обособленными ныне науками, формами общественного сознания и даже сферами духовной культуры.

Для логики воображения и мифопоэтического типа мышления появляется отныне «своя территория» (внутри единого поля духовной культуры) и принципиально новые возможности – искать, находить и формировать концепты, с помощью которых могут быть соотнесены и связаны воедино самые потаенные уголки человеческой души и какие угодно (в принципе) родовые, архетипические тайны человечества. Открытие интертекста есть закономерная реакция на вызов дошедшей до чудовищных размеров специализации человеческого знания. И если для научного знания специализация еще остается хотя бы частично оправданным следствием разделения интеллектуального труда, то для классической философии она изначально была «противоестественным» состоянием, а в своих нынешних размерах стала симптомом самого опаснейшего недуга. Философ, становящийся узким специалистом, по сути

³⁵ Приведен фрагмент учебного пособия: Многообразие жанров философского дискурса : Учеб. пособие / Е. Ю. Базаров, И. С. Бельский, А. А. Еникеев и др. ; Рос. филос. о-во; Межвуз. центр проблем непрерывного гуманитар. образования при Урал. гос. ун-те им. А. М. Горького; Под общ. ред. В. И. Плотникова. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2001. 275 с. (Философское образование ; Вып. 18). <http://elar.urfu.ru/handle/10995/3600>

дела, перестает быть философом. И наоборот. Философ, разрывающий и сбрасывающий с себя тяжкие оковы специализации, порожденной внешними для нее социально-историческими детерминантами, возвращается к себе домой, в лоно духовной культуры, из которого философствование впервые рождается.

Феномен интертекста создает возможность увидеть за кажущейся хаотичностью внутритекстовых различий единое дерево духовной культуры с его сплетающимися между собой «корнями» первородной интуиции и религиозно-мифологического воображения, стройным «стволом» знания и роскошной кроной искусств. У философии впервые появляется реальная возможность снять с философии проклятие безудержной специализации.

Хочется верить, что и наш скромный труд, посвященный феномену философского текста и его освоению, внесет свой вклад в этот важный процесс.

ГЛОССАРИЙ

Абсолют – (от лат. absolutus – безусловный) – философская категория, обозначающая нечто единое, всеобщее, безначальное и бесконечное. Противопоставляется всякому относительному и обусловленному бытию. Может обозначать первоначало всего сущего. Выражает совершенство какого-либо объекта.

Абсолютная идея – основная категория философской системы Г. Гегеля, обозначающая универсум в его полноте и развитии, безусловную всеобщность, начало и конец всего сущего, субстанцию и субъект одновременно.

Абстракция научная (от лат. abstractio – удаление, отвлечение) – отвлечение от несущественных, второстепенных признаков и мысленное выделение и обобщение наиболее важных и существенных особенностей предмета и явления.

Агностицизм – философское учение о принципиальной непознаваемости бытия, отрицающее саму возможность выявления его закономерностей и постижения объективной истины.

Агатология (от греческого agathon – благо и logos – учение) – учение о благе.

Аксиология – раздел философии, исследующий ценности и их соотношение с действительностью.

Аксиоматический метод – способ построения научной теории, при котором в ее основу кладутся постулаты, из которых чисто логическим путем выводятся все остальные утверждения.

Акциденция (от лат. accidentia – случай, случайность) – философское понятие, означающее случайное, преходящее, несущественное. В противоположность субстанциальному, или существенному.

Алогизм – ход мысли, игнорирующий законы и правила логики, нарушающий согласие мышления с действительностью.

Альтруизм (от лат. alter – другой) – нравственный принцип, согласно которому благо другого человека и он сам признаются более значимыми, чем собственное «я» и свое благо. Альтруизм противоположен эгоизму.

Анализ – процесс мысленного расчленения предмета или явления с целью более подробного изучения отдельных составляющих. Антоним анализу – синтез.

Аналогия – установление сходства в некоторых сторонах, свойствах и отношениях между нетождественными объектами; познание путем сравнения.

Антисциентизм – характерная для общественного сознания XX века философско-мировоззренческая позиция, сторонники которой подвергают резкой критике науку и технику и считают, что наука и техника не в состоянии обеспечить социальный прогресс, решить нравственные, смысложизненные проблемы.

Аномия (от греч. а – отрицательная частица и nomos – закон) – состояние человека или общества, при котором утрачена значимость социальных норм и моральных ценностей, когда превалируют чувства беспомощности, изоляции, пустоты, с одной стороны, а с другой – авторитаризм и политический экстремизм, и потому относительно высока частота отклоняющегося и саморазрушительного поведения вплоть до самоубийства.

Антиномия – сочетание противоречащих друг другу высказываний о предмете, допускающих одинаково убедительное логическое обоснование.

Антропный принцип – фундаментальное положение, которое требует рассматривать Вселенную как сложную самоорганизующуюся систему, где важнейшим элементом является человек. Тем самым устанавливается связь человека как наблюдателя с физическими параметрами Вселенной, и формируются взгляды на нее как на «человеко-размерный» объект. Этот принцип преодолевает разрыв между объектом и субъектом, сближает мир природы и мир человека.

Антропология – одна из составных частей философии, учение о сущности человека.

Антропоцентризм – воззрение, согласно которому человек есть центр и высшая цель мироздания.

Апория – трудноразрешимая проблема, связанная обычно с противоречием между данными наблюдения и опыта и их мысленным анализом.

Апостериори – (от лат. a posteriori – из последующего) – философское понятие, обозначающее знание, получаемое из опыта.

Апперцепция (от лат. ad perceptio – к восприятию) – понятие, обозначающее воздействие общего содержания психической деятельности и предыдущего опыта человека на восприятие им предметов и явлений.

Архетип – прообраз, идея. В философии Юнга изначальные, врожденные психические структуры, первичные схемы образов фантазии, содержащиеся в так называемом коллективном бессознательном и априорно формирующие творчество; некая возможность представлений, «дремлющие» мыслеформы.

Атрибут – необходимое, существенное, неотъемлемое свойство объекта.

Бессознательное – в широком смысле совокупность психических процессов, операций и состояний, не представленных в сознании субъекта.

Бытие – категория онтологии, обозначающая как существование, так и то, что обуславливает существование; иначе категорию понимают, как определяющую нечто, что есть сущее как таковое.

Вера – глубокое, искреннее, пронизанное эмоциями принятие какого-то положения, представляющие личностно свободное самоопределение человека по отношению к какой-либо ценности.

Верификация (от лат. *verus* – истинный и *facio* – делаю) – установление истинности или эмпирической осмысленности научных утверждений.

Вероятность – понятие, характеризующее количественную меру возможности появления некоторого события при определенных условиях.

Вещество – вид материи, который в отличие от физического поля, обладает массой покоя.

«Вещь в себе» – философский термин, введенный И. Кантом, означающий вещи как они существуют сами по себе (или «в себе»), в отличие от того, какими они являются «для нас», то есть в нашем сознании.

Взаимодействие – философская категория, отражающая процессы воздействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность и изменение первоначального состояния.

Возможность – объективная тенденция становления предмета, реализующаяся при наличии условий; это потенциальное бытие предмета, формирующееся в виде «зародышей» будущего в настоящем.

Волюнтаризм – философская концепция, рассматривающая волю как высший принцип и движущую силу бытия.

Воля – способность к выбору цели деятельности и внутренним усилиям, необходимым для ее осуществления.

Восприятие – форма чувственного познания, в которой на основе ощущений в сознании человека возникает целостный образ предмета, непосредственно данного в совокупности всех своих сторон.

Время – философская категория, выражающая длительность бытия и последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов в мире.

Гедонизм – этическая позиция, утверждающая наслаждение как высшее благо и критерий человеческого поведения и сводящая к нему все многообразие моральных требований.

Генезис – процесс зарождения и последующего развития, приведший к определенному состоянию, виду, предмету, явлению.

Герменевтика (от греч. *germeneuticos* – разъясняющий, истолковывающий) – 1) искусство истолкования текстов, символов; 2) направление в философии основной проблемой которого является проблема понимания и тесно связанные с ней проблемы языка.

Глобальные проблемы – совокупность жизненно важных проблем человечества: а) возможность развязывания новой мировой войны; б) экологические проблемы; в) энерго-сырьевые проблемы; г) проблема охраны здоровья людей; д) проблема использования Мирового океана; е) проблема мирного освоения космоса и др.

Гносеология – эпистемология, теория познания – раздел философии, в котором предметом исследования является сам процесс познания как таковой, его сущность, общий механизм, возможности и границы познания, его предпосылки, условия, всеобщие основания и социокультурные детерминанты.

Гуманизм – принцип мировоззрения, в основе которого лежит убеждение в безграничности возможностей человека в его способности к совершенствованию, требование защиты достоинства личности, его свободы, идея о праве человека на счастье и о том, что удовлетворение его потребностей и интересов должно быть конечной целью общества.

Движение – это всякое взаимодействие объектов, их изменение как таковое.

Дедукция (от лат. *deductio* – выведение) – переход от общего знания к частному.

Деизм – религиозно-философское воззрение, согласно которому Бог, сотворив мир, не принимает в нем какого-либо участия и не вмешивается в

закономерное течение его событий.

Демократия – форма государственного устройства общества основанная на признании народа в качестве политического источника власти. Принципами демократии считаются: свобода человека, равенство всех перед законом, право на занятие любой деятельностью и на владение собственностью.

Деонтология – раздел этики, в котором раскрываются проблемы долга и должного (ввел англ. философ И. Бентам в 1832 г.).

Детерминизм (от лат. *determine* – определяю) – философское учение об объективной закономерной взаимосвязи и взаимообусловленности явлений духовного и материального мира на основе причинно-следственной связи между событиями и явлениями.

Диалектика (первоначально – искусство вести беседу, спор). Согласно Г. Гегелю, диалектика – метод познания действительных процессов в их развитии, исходя из противоположных тенденций и в их всеобщей взаимосвязи.

Динамические закономерности – объективные, необходимые, существенные связи и зависимости, предсказания на основе которых (в отличие от статистических) имеют точно определенный, однозначный характер.

Дискурсивный – рассудочный, опосредованный, логический, демонстративный (в отличие от чувственного, непосредственного, созерцательного, интуитивного).

Догматизм – форма метафизического мышления и действия, которая характеризуется застылостью, косностью и неподвижностью, стремлением к авторитарности. Догматизм игнорирует реальные изменения, не учитывает конкретных условий места и времени.

Доктрина (от лат. *doktrina* – учение) – научная концепция, совокупность руководящих теоретических принципов.

Дуализм (от лат. *dualis* – двойственный) – философское учение, признающее равноправными два начала (две субстанции): духовное и материальное.

Дух – философское понятие, означающее невещественное начало.

Душа – понятие, выражающее исторически изменяющиеся воззрения на психику и внутренний мир человека.

Единичное – отдельное, индивидуальное. Философская категория, выражающая относительную обособленность, ограниченность друг от друга в пространстве и во времени вещей и событий, присущие им специфические неповторимые особенности, составляющие их уникальную качественную и количественную определенность.

Единство и борьба противоположностей – один из основных законов диалектики, выражающий источник самодвижения и развития на основе противоречия.

Жизнь – многозначное понятие, имеющее несколько смыслов: 1) естественно-научный, который определяет жизнь как особый способ бытия организмов, существенными сторонами которого являются обмен веществ с окружающей средой и избыточное воспроизведение себе подобных. Живые системы способны к упорядочению, к созданию порядка из хаоса, а также к эволюции с возникновением новых системно-структурных качеств; 2) метафизический, где жизнь понимается как судьба человека, процесс реализации его предназначения; 3) биографический; 4) историко-культурный, где жизнь рассматривается как ценность, как изменяющаяся значимость.

Закон – необходимое, объективное, существенное, устойчивое повторяющееся отношение между вещами, явлениями или процессами.

Знак – материальный объект, выступающий как представитель другого объекта, свойства или отношения и несущий определенную информацию.

Знание – результат процесса познания действительности, выраженное в языке или знаковой форме.

Идеал – образ, определяющий способ мышления и деятельности человека; понятие, выражающее совершенную, высшую цель стремлений и желаний человека, прообраз действительности, которая всегда должна уподобляться идеалу, но не в состоянии его достичь в полной мере.

Идеализация – мыслительная процедура, связанная с образованием идеализированных объектов, принципиально не существующих в действительности.

Идеализм – философское направление, признающее первичность идеи, духа, сознания и обусловленность ими материального, объективного мира.

Идеология – система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности, социальные проблемы, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение данных

общественных отношений.

Идея – форма постижения в мысли сущности предметов и явлений окружающего мира.

Имманентное (от лат. immanentis – пребывающий в чем-либо, свойственный чему-либо) – философское понятие, означающее внутренне присущее предмету, процессу или явлению свойство.

Индетерминизм – философское учение, отрицающее, полностью или частично, причинную связь между предметами и явлениями.

Индивидуальность – термин, означающий единственность, неповторимость, уникальность человеческого существа, выявляющий, в чем состоит своеобразие данного индивида как представителя всеобщности, в чем он не схож с другими.

Индукция (от лат. inductio – наведение) – переход от частного знания к обобщающим выводам.

Интеллект (от лат. intellectus – понимание) – способность мышления, рационального познания мира. Соответствует древнегреческому понятию «нус» – ум.

Интенциональность (от лат. intentio – намерение, тенденция, стремление) – первичная устремленность сознания на предмет, мир.

Интерес (от лат. interest – имеет значение, важно) – осознанная потребность и реальная причина социальных действий, стоящая за непосредственными побуждениями, мотивами.

Интуитивизм – философское течение, признающее интуицию как единственно достоверное средство познания.

Интуиция (от лат. intuitio – пристально смотрю) – способность постижения истины путем прямого ее усмотрения без обоснования с помощью доказательства.

Иррационализм (от лат. irrationalis – неразумный, бессознательный) – философское направление, ограничивающее или отрицающее возможность процесса разумного познания действительности и утверждающее иррациональный характер самого бытия.

Ирреальное (от лат. irrealis – невещественный) – философский термин, обозначающий существующее не в действительности, а только в мысли.

Истина – адекватное отражение объекта познающим субъектом, воспроизведение его таким, каким он существует сам по себе.

Категории – предельно общие, фундаментальные философские понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения бытия и познания.

Категорический императив – философский термин, введенный И.Кантом, означающий основной закон этики: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» (Кант И. Сочинения // М., 1965. Т. 4. С.260).

Каузальность – синоним причинности.

Качество – философская категория, выражающая относительную устойчивость предметов и явлений и обозначающая такую определенность предмета, благодаря которой он является именно данным, а не другим предметом и с изменением которой он превращается в нечто иное.

Количество – философская категория, выражающая такую определенность предмета, изменение которой в соответствующих границах не означает превращения данного предмета в другой; это степень развития качества.

Космология – область науки, изучающая Вселенную, как единое целое.

Креативность – (от лат. *creo* – творить, создавать) – способность творить, способность к творческим актам.

Креационизм – (от лат. *creation* – сотворение) – религиозный принцип о сотворении мира богом из ничего.

Культура (от лат. *cultura* – возделывание, воспитание, образование, почитание) – специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе.

Либерализм (от лат. *liberalis* – свободный) – идейно-политическое движение, добивающееся равных прав всех граждан на занятие любой экономической или политической деятельностью.

Либи́до (от лат. *libido* – влечение, желание, стремление) – одно из основных понятий психоанализа, означающее энергию полового влечения или в более общем плане – энергию влечения к жизни и ее проявлениям, близкую к платоновскому Эросу.

Личность – термин обозначающий: 1) человеческого индивида как

субъекта отношений и сознательной деятельности (лицо, в широком смысле слова); 2) устойчивую систему социально-значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества или общности.

Ложь – заявление, рассчитанное на обман, умолчание или искажение истинного положения вещей.

Любовь – интимное и глубокое чувство, устремленность к другой личности, человеческой общности, вещи или идее.

Маргинальность (от лат. *margo* – край, граница) – социологическое понятие, обозначающее промежуточность, и пограничность положения человека между какими-либо социальными слоями населения.

Массовая культура – популярная, коммерческая культура, ориентирующая на усредненный уровень массовых потребителей. К ее функциям относятся: компенсаторная – снятие стрессов и тайных «инстинктов»; нивелирующая – стандартизация мышления, чувств и т.п.; манипулятивная-внушение определенных идей, стереотипов мышления.

Материализм – (от лат. *materialis* – вещественный) – философское направление, признающее первичность материи, природы и обусловленность ими духовных процессов.

Материя (от лат. *materia* – вещество) – философская категория, обозначающая объективную реальность, данную человеку в ощущениях и существующую вне и независимо от человеческого сознания.

Медитация (от лат. *meditatio* – размышляю) – умственное действие, направленное на приведение психики человека в состояние углубленной сосредоточенности.

Ментальность – совокупность готовностей, установок и предрасположенностей индивида или социальной группы действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом; устойчивая настроенность внутреннего мира человека.

Мера – это количественные границы существования данного качества; интервал, внутри которого количественные изменения не вызывают качественных изменений.

Метафизика – понятие, которое употребляется в трех основных значениях: 1) философия как учение о всеобщем, о «предельных» проблемах и началах всего существующего; 2) особая философская дисциплина – онтология, учение о бытии как таковом; 3) философский

способ познания, противостоящий диалектическому методу.

Методология – система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе.

Мировоззрение – система взглядов на мироздание, место человека в мире, его отношение к окружающей действительности и к самому себе, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и, деятельности, ценностные ориентации.

Мистика (от греч. – таинственный) – совокупность теологических и философских учений, проповедывающих таинственное знание, переживаемое в момент экстаза, непосредственного единения с Абсолютом.

Миф особый способ отражения мира в сознании человека, характеризующийся чувственно-образными представлениями о естественно-сверхъестественных явлениях, существах, предметах окружающего мира.

Модус – свойство предмета, присущее ему лишь в некоторых состояниях; а также свойство, которое может отделяться от носителя этого свойства и существовать самостоятельно как отдельное проявление данной субстанции.

Монада (от греч. – единица) – философское понятие, обозначающее конститутивный, основной элемент бытия.

Монизм (от греч – единственный) – метод рассмотрения многообразия явлений в свете одного начала, единой основы (субстанции) всего существующего.

Мораль (от лат. *moralis* – нравственный) – нравственность, один из основных способов нормативной регуляции действий человека в обществе.

Мышление – это способность к познанию через понятия, суждения и умозаключения, высшая форма постижения человеком действительных процессов путем обобщения существенных связей и отношений предметов и явлений.

Натурализм (от лат. *naturalis* – природный) – философский термин, обозначающий взгляд на мир, согласно которому природа выступает как единый, универсальный принцип объяснения всего сущего.

Нация (от лат. *natio* – племя, народ) – историческая общность людей,

складывающаяся в ходе образования единого рынка, экономических связей, общности территории, литературного языка, некоторых особенностей культуры и характера.

Необходимость и случайность – соотносительные философские категории, конкретизирующие представление о характере зависимости явлений и выражающие типы связей и степень детерминированности явлений.

Нигилизм (от лат. nihil – ничто) – философский термин, означающий позицию отрицания общепринятых духовных ценностей, моральных норм, традиций, культуры.

Номинализм (от лат. nomen – имя) – философское учение, отрицающее онтологическое значение общих понятий (универсальный), т.е. утверждающее, что универсалии существуют не в действительности, а только в мышлении.

Ноосфера – сфера взаимодействия природы и общества, в пределах которой разумная человеческая деятельность становится главным определяющим фактором развития.

Общее – категория, выражающая определенное свойство или отношение, характерное для данного класса предметов, событий.

Общество – понятие, применяемое к определению обособившейся от природы части материального мира; совокупность людей и связей, объединяющих их в единое целое и позволяющих им существовать и развиваться.

Объект – то, что противостоит субъекту в его предметно-практической и познавательной деятельности.

Объективный идеализм – одна из основных разновидностей идеализма, считающая первоосновой мира некое всеобщее сверхиндивидуальное духовное начало («идея», «мировой разум» и т. п.).

Окказионализм (от лат. occasio – случай, повод) – философское направление, утверждавшее принципиальную невозможность взаимодействия духовного и телесного. Исключение из этого правила возможно только посредством Божественного чуда.

Онтология – учение о бытии, раздел философии, изучающий фундаментальные критерии бытия.

Опредмечивание – это процесс, при котором человеческие способности переходят в предмет и воплощаются в нем, благодаря чему предмет

становится социально-культурным, или «человеческим предметом».

Опыт – основанное на практике эмпирическое познание действительности.

Ортодоксия (от греч. – правильное мнение) – правильное учение, закрепленное авторитетом церкви и обязательное для всех членов религиозной общины.

Основание – достаточное условие для чего-либо.

Отношение – философская категория, характеризующая взаимозависимость элементов определенной системы.

Отражение – всеобщее свойство материи, заключающееся в воспроизведении признаков, свойств и отношений отражаемого объекта.

Отрицание – философская категория, выражающая: 1) процесс уничтожения предмета в результате действия преимущественно внешних сил и факторов (метафизическое отрицание); 2) самоотрицание как внутренний момент развития с удержанием положительного содержания отрицаемого («снятие»).

Отрицания отрицания закон – один из основных законов диалектики, характеризующий направление процесса развития, единство поступательности и преемственности в развитии, возникновения нового и относительной повторяемости некоторых моментов старого.

Отчуждение – социальный процесс, характеризующийся превращением деятельности человека и ее результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему.

Ощущение – форма чувственного познания, представляющая собой отражение в сознании человека отдельных сторон, свойств предметов, непосредственно воздействующих на органы чувств.

Пантеизм – философское учение, отождествляющее Бога и мир.

Панэнтеизм – философское учение, согласно которому мир пребывает в Боге, но Бог не растворяется в мире.

Парадокс (от греч. – странный) – неочевидное высказывание, истинность которого устанавливается достаточно трудно; резкое расхождение с общепринятым, установившимся мнением.

Переход количественных изменений в качественные – один из основных законов диалектики, согласно которому изменение качества объекта происходит тогда, когда накопление количественных изменений

достигает определенного предела. Этот закон вскрывает механизм развития.

Персонализм (от лат. *persona* – личность) – философское направление, признающее личность первичной творческой реальностью и высшей духовной ценностью.

Плюрализм (от лат. *pluralis* – множественный) – философская позиция, согласно которой существуют несколько или множество независимых и несводимых друг к другу начал или видов бытия, оснований и форм знания.

Позитивизм – философское направление, основанное на принципе, что все подлинное (положительное) знание может быть получено лишь как результат отдельных специальных наук и их синтетического объединения.

Политическая организация общества – система государственных и негосударственных социальных институтов, осуществляющих определенные властные функции.

Понятие – форма мышления, отражающая в обобщенной форме предметы и явления, их признаки и свойства и отношения между ними.

Постулат (от лат. *postulatum* – требование) – положение (суждение, утверждение), принимаемое в рамках каких-либо научных теорий за истинное в силу очевидности и поэтому играющее в данной теории роль аксиомы.

Потребность – нужда или недостаток в чем-либо необходимом для поддержания жизнедеятельности организма, личности, социальной группы, общества; внутренний побудитель активности.

Право – система социальных норм и отношений, охраняемых силой государства.

Прагматизм (от греч. – дело, действие) – философское учение, согласно которому главное не размышление, а создание методики решения жизненных проблем, которые встают перед людьми в процессе их практической деятельности.

Практика – материальная, чувственно-предметная, целеполагающая деятельность человека, направленная на преобразование действительности.

Предмет – категория, обозначающая некоторую целостность, выделенную из мира объектов в процессе человеческой деятельности и познания.

Представление – восстановленный в памяти образ ранее воспринятого предмета или явления, а также создание образа путем воображения.

Природа – окружающий человека мир в многообразии его форм.

Причина и следствие – соотносительные философские категории, отражающие одну из форм всеобщей связи и взаимодействия явлений. Под причиной (от лат. – causa) понимается явление, действие которого вызывает, определяет, производит, изменяет или влечет за собой другое явление, которое называют следствием.

Проблема – форма знания, содержанием которой является то, что еще не познано человеком, но что нужно познать.

Провиденциализм – мировоззренческое истолкование исторического процесса как проявления Божественной воли, помысла; осуществление Божественного плана спасения людей.

Прогресс (от лат. progressus – движение вперед) – переход от низшего, менее совершенного уровня к более высокому.

Производительные силы – система субъективных (человек) и вещественных (техника) элементов, осуществляющих «обмен веществ» между обществом и природой в процессе общественного производства.

Производственные отношения – совокупность материальных экономических отношений между людьми в процессе общественного производства и движения общественного продукта от производства до потребления.

Пространство – всеобщая форма бытия материального мира, характеризующая протяженность, соразмерность его структурных форм и образований.

Противоположности – разнонаправленные тенденции развития предмета. Их единство и борьба есть противоречие.

Противоречия принцип – принцип, сводящийся к следующим основным требованиям: 1) выявление предметного противоречия; 2) всесторонний анализ противоположных сторон данного противоречия; 3) рассмотрение предмета как единства противоположностей; 4) определение места противоречия в системе других противоречий предмета; 5) прослеживание этапов развития данного противоречия; 6) анализ механизма разрешения противоречия. Диалектическое противоречие в мышлении, отражающее реальное противоречие, необходимо отличать от так называемого «логического» противоречия, которое выражает путаницу

и непоследовательность мысли и запрещено законами формальной логики.

Психика – свойство высокоорганизованных живых существ и человека взаимодействовать с окружающей средой путем переработки информации в мозгу и выработки моделей поведения для ориентации в мире.

Психоанализ – метод психотерапии и психологическое учение, ставящее в центр внимания бессознательные, психические процессы и мотивации.

Радикализм (от лат. radicalis – коренной) – социальная идеология, направленная на решительное изменение существующих государственных институтов и традиций жизни людей.

Развитие – необратимые, направленные, закономерные, качественные изменения материальных и идеальных объектов.

Разум – высший уровень рационального познания, для которого характерны прежде всего творческое оперирование абстракциями и сознательное исследование их собственной природы (саморефлексия). Главная задача разума – объединение многообразного, вплоть до синтеза противоположностей и выявление коренных причин и движущих сил изучаемых явлений.

Распредмечивание – это процесс, в котором свойства, сущность, «логика предмета» становятся достоянием человека. Человек распредмечивает как формы прошлой культуры, так и природные явления, которые он тем самым включает в свой общественный мир.

Рассудок – (статичное, формальное мышление) – исходный уровень мышления, на котором оперирование абстракциями происходит, как правило, в пределах неизменной схемы, заданного стандарта; это способность рассуждения о конечном, об ограниченном. Основная функция рассудка в познании – мыслительное упорядочение, систематизация явлений, их классификация. Логика рассудка – формальная логика.

Рационализм (от лат. rationalis – разумный) – философское направление, признающее разум основой знания и поведения людей.

Реализм (от лат. realis – действительный) – философское направление, признающее лежащую вне сознания реальность, которая истолковывается либо как бытие идеальных объектов, либо как объект познания, независимый от субъекта.

Революция социальная (от лат. revolutio – поворот, переворот) –

коренной переворот в социально-экономической структуре общества, сопровождающийся внезапным, насильственным изменением существующего политического строя.

Регресс – тип развития, для которого характерен переход от высшего к низшему. Содержание регресса составляют процессы деградации, понижение уровня организации, утраты некоторых функций.

Редукционизм – методологический принцип, согласно которому высшие формы материи могут быть полностью объяснены на основе закономерностей, свойственных низшим формам, то есть сведены к низшим формам.

Религия – исторический тип мировоззрения, основывающийся на вере и культе, и для которого характерно раздвоение мира на естественный и сверхъестественный.

Релятивизм (от лат. *relativus* – относительный) – методологический принцип, состоящий в абсолютизации относительности и условности содержания познания; отказ от признания преемственности в развитии знания.

Рефлексия (от лат. *reflexio* – обращение назад) – принцип человеческого мышления, направляющий его на осмысление и осознание собственных форм и предпосылок; предметное рассмотрение самого знания, критический анализ его содержания и методов познания; деятельность самопознания, раскрывающая внутреннее строение и специфику духовного мира человека.

Самосознание – оценка человеком своего знания нравственного облика, интересов, идеалов и мотивов поведения. Целостная оценка самого себя как чувствующего, мыслящего и действующего субъекта.

Свобода – философская категория, обозначающая способность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями, а не вследствие внутреннего или внешнего принуждения.

Свойство – одна из сторон предмета, проявляющаяся при взаимодействии с другими предметами.

Связь – взаимообусловленность явлений и процессов.

Секуляризация (от лат. *saecularis* – светский) – форма эмансипации от религии и церковных институтов в мировоззрении, практической деятельности и т.д.

Сенсуализм (от лат. *sensus* – чувство) – направление в теории познания,

согласно которому чувственность является главной формой достоверного познания.

Символ – идеальное содержание материальных вещей и процессов, представленное в виде знака или образа (многозначного).

Синергетика – общенаучная теория самоорганизации, ориентированная на поиск законов эволюции открытых неравновесных систем.

Синкретизм (от греч. – соединение) – нерасчлененность, характеризующая неразвитое состояние какого-либо явления.

Синтез (от греч. – сочетание, составление) – соединение различных элементов, сторон предмета в единое целое. Антоним понятия "анализ".

Система; (от греч. – целое) – ограниченная целостность, единство элементов, находящихся в связи друг с другом.

Скачок – процесс перехода количественных изменений в качественные, начинающийся по достижении изменяющимся объектом границы меры.

Скептицизм (от греч. – исследующий) – философское направление, согласно которому нужно сомневаться в возможности познания, и тем более в истинности человеческих знаний.

Солипсизм – разновидность идеализма, утверждающая, что несомненной реальностью является только мыслящий субъект.

Случайность – философская категория, выражающая: 1) внешние, несущественные, неустойчивые, единичные связи действительности, а также второстепенные, побочные возможности ее дальнейшего развития; 2) результат пересечения независимых закономерно обусловленных процессов; 3) форма проявления необходимости.

Содержание и форма – соотносительные философские категории. Содержание представляет собой единство всех составных элементов объекта, его свойств, внутренних связей и тенденций, а форма есть способ существования и выражения содержания.

Сознание – способность направлять свое внимание на предметы внешнего мира и одновременно сосредоточиваться на тех состояниях внутреннего духовного опыта, которые сопровождают это внимание; особое состояние человека, в котором ему одновременно доступен и мир и он сам.

Софизм – логически неправильное (мнимое) рассуждение, выдаваемое

за истину.

Спиритуализм (от лат. spiritus – дух) – философское воззрение, согласно которому дух является первоосновой действительности и существует независимо от материи в ином измерении.

Способ производства – одно из ключевых понятий марксистской концепции, понимаемое как единство производительных сил и производственных отношений и представляющее основу общественно-экономической формации.

Структура (от лат. structure – строение) – совокупность устойчивых связей объекта.

Сублимация – переключение психологической энергии из одного состояния в другое.

Субстанция – первооснова, первоначало; основание и центр всех свойств, модусов, изменений вещи.

Субъект (от лат. subjectus – находящийся в основе) – источник активности, направленной на объект, носитель предметно-практической деятельности и познания (индивид).

Субъективный идеализм – одна из основных разновидностей идеализма, утверждающая, что мир конституируется сознанием субъекта, полностью определяется его активностью.

Суждение – форма мышления, в которой что-либо утверждается или что-либо отрицается; может быть истинным или ложным.

Сущее – философская категория, обозначающая совокупность многообразных проявлений бытия.

Сущность – внутренние, глубинные связи, основа предмета, единство всех многообразных явлений.

Схоластика (от лат. scholastica – школа) – тип религиозной философии, полностью подчиненной требованиям теологии.

Сциентизм (от лат. scientia – наука) – мировоззренческая позиция, согласно которой научное знание является наивысшей культурной ценностью и ориентиром человека в его деятельности; оно способно разрешить все официальные проблемы.

Творчество – деятельность, результатом которой является создание чего-либо качественно нового, никогда ранее не бывшего.

Тезис – основополагающее утверждение любой концепции или теории.

Теизм (от греч. Theo – Бог) – религиозное мировоззрение, согласно которому любое бытие есть проявление Бога, т. е. бесконечной божественной личности, трансцендентной миру и сотворившей его в свободном акте воли.

Телеология – мировоззренческое учение о цели и целесообразности, исходящее из наличия целевой причинности.

Тенденция (от лат. tendo – направляю) – направление развития какого-либо явления или процесса.

Теодицея («оправдание Бога») – религиозно-этическое направление, стремящееся научно обосновать, почему, несмотря на Божественное управление миром, в нем существует зло.

Теология – богословие, совокупность религиозных учений о сущности веры и воздействии Бога на мир.

Теория – комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование или объяснение какого-либо явления.

Теософия – мистическое богопознание, учение о божестве, исходящее из субъективного мистического восприятия и опыта. Главная цель теософии – достижение «тайного» знания и сверхъестественных способностей.

Толерантность – терпимость к иному рода взглядам, нравам, привычкам.

Традиция (от лат. traditio – передача) – механизм воспроизводства социальных институтов и норм; передача духовных ценностей от поколения к поколению; общественные отношения, отличающиеся определенной исторической устойчивостью, повторяемостью, общностью.

Трансцендентальный (от лат. transcendent – выходящий за пределы) – у И. Канта: все то, что относится к априорным условиям возможного опыта, формальным предпосылкам познания, которые организуют научный опыт; трансцендентальное – противоположно эмпирическому.

Трансцендентный – философский термин, означающий все, что выходит за пределы человеческого опыта, допускается в качестве предмета существующего вне сознания; трансцендентное – противоположно имманентному.

Ум – характеристика способности мышления и понимания,

Умозаключение – форма мышления, посредством которой из ранее установленного знания (обычно из одного или нескольких суждений) выводится новое знание (тоже, как правило, в виде суждения).

Универсалии (от лат. *universalis* – общий) – общие понятия.

Утилитаризм (от лат. *utilas* – польза) – направление в этике, согласно которому польза выступает критерием нравственных поступков.

Утопия (от греч. *υ* – отрицание, *τοπος* – место, место, которого нет) – обозначение общественного идеала, модель или проект совершенного социального строя, органично связанного с гармонией человеческой природы и социального бытия. В обыденной речи – несбыточная мечта.

Фальсификация – эмпирическое опровержение. Процедура установления ложности гипотезы или теории путем эмпирической проверки.

Фатализм (от лат. *fatalis* – роковой) – мировоззрение, рассматривающее каждое событие и каждый человеческий поступок как неотвратимую реализацию изначального предопределения, исключающего свободный выбор и случайность.

Феномен (от греч. – являющееся) – философское понятие, означающее объект чувственного созерцания, явление, постигаемое в чувственном опыте.

Фетишизм – религиозное поклонение материальным предметам – фетишам, которым приписываются сверхъестественные свойства; процесс наделения любого предмета, не принадлежащими ему свойствами.

Фидеизм (от лат. *fides* – вера) – мировоззрение, утверждающее приоритет веры над разумом.

Философия – особая форма общественного сознания и познания мира, вырабатывающая систему знаний о фундаментальных принципах и основах человеческого бытия, о наиболее общих сущностных характеристиках человеческого отношения к природе, обществу и духовной жизни. 1) наука; 2) мировоззрение.

Форма – философская категория, выражающая: 1) способ существования определенного содержания в его различных модификациях; 2) внутреннюю организацию содержания, его структуру; 3) внешний облик предмета, внешнюю форму как продолжение внутреннего единства формы и содержания.

Формализация – процесс отображения результатов мышления в

точных понятиях, утверждениях, знаках, символах и т.д.

Формализм – воззрение, согласно которому форме отдается предпочтение перед содержанием в различных сферах человеческой деятельности.

Формация общественно-экономическая – категория марксистской философии, обозначающая исторически определенный тип общества, представляющий собой особую ступень в развитии способа производства.

Футурология (от лат. futurum – будущее) – область научных знаний, охватывающая перспективы социальных процессов, развития общества, государства, межгосударственных отношений и человека. В широком смысле – совокупность представлений о будущем человечества.

Хаос – неупорядоченная первопотенция мира (положительный смысл термина); в отрицательном значении под хаосом подразумевается жизнь, из которой изъят смысл, логос.

Харизма (от греч. χάρις – благодать) – исключительная одаренность какого-либо человека. Понятие «харизматический лидер» по смыслу близко к понятиям: «пророк», «проповедник», «вождь».

Хилиазм (от греч. χιλιάς – тысяча) – религиозное учение о грядущем тысячелетнем царствовании на земле Бога и праведника. Основывалось данное учение на пророчествах Апокалипсиса.

Холизм – учение о сущности феномена целостности, опирающееся на положения: «целое больше суммы его частей», «целое – все, а часть – ничто».

Целесообразность – термин, означающий соответствие явления или процесса определенному состоянию, модель которого представляется в качестве цели.

Цель – представление о состоянии, к которому стремится данная система и ради чего она существует.

Ценность – характеристика объектов и процессов мира, имеющих положительное или отрицательное значение для жизни человека.

Цивилизация (от лат. civis – гражданин) – многозначное понятие, употребляющееся: 1) как синоним материальной культуры; 2) как ступень общественного развития, определенный его уровень, следующий за варварством; 3) как обозначение определенного локального общества (западная цивилизация, шумерская, античная, рабовладельческая и т.д.); 4) как ступень развития культуры, являющаяся либо симптомом ее упадка,

либо ее высшей стадией. Главным систематизирующим элементом для понимания сущности цивилизации выступает понятие технологии, что вступает в противоречие с культурными характеристиками жизни.

Цинизм – нигилистическое отношение к достижениям общечеловеческой культуры, морали, идее достоинства человека.

Часть и целое – понятия, характеризующие феномен целостности сложных органических систем, сущность которого состоит в уяснении соотношения отдельных элементов и их совокупности, приобретающей новые свойства, которых не было у отдельных элементов.

Человек – система, представляющая собой единство природного и духовного, биологического и социального, наследственного и прижизненно приобретенного.

Чувства – психологический термин, означающий особый вид эмоциональных переживаний, носящих отчетливо выраженный предметный характер и отличающихся сравнительной устойчивостью.

Эвдемонизм (от греч. eudamonia – блаженство) – моральный принцип, согласно которому счастье (блаженство) является высшей целью человеческой жизни.

Эволюция (от лат. evolutio – развертывание) – количественные изменения ряда количественных характеристик, которые приводят к постепенным и глубоким качественным изменениям системы; в широком смысле – синоним развития.

Эвристика (от греч. heurisko – открываю) – специальная методика нетрадиционного решения различных задач.

Эгоизм (от лат. ego – я) – принцип жизненной ориентации, основанный на себялюбии и своекорыстии, заботе о своем «я» и его интересах даже ценой блага других. Антоним – альтруизм (см. «Альтруизм»).

Эгоцентризм – отношение к миру как к способу для выражения своего «я». Крайняя форма эгоизма.

Экзистенциализм (от лат. existentia – существование) – философское направление, выдвигающее на первый план уникальность всякого человеческого бытия. Считая, что сущность человеческой жизни нельзя выразить отвлеченными понятиями, экзистенциалисты заметно обогатили изобразительный язык, способствовали сближению философии и литературы.

Эклектика – философский метод, согласно которому соединяются

разносторонние взгляды, идеи, принципы и теории в вопросах познания объектов и явлений.

Экстраполяция (от лат. extra – выправляю, изменяю) – распространение выводов, сделанных на основе изучения одной части какого-либо явления, на другие части, на явление в целом, на будущее и т.п.

Элемент – далее неделимый при данном способе расчленения компонент системы.

Эмоция – субъективные реакции человека и животных на воздействие внутренних и внешних раздражителей, которые являются для них значимыми (иногда – жизненно важными).

Эмпиризм (от греч. empeiria – опыт) – направление в теории познания, признающее чувственный опыт источником знания и считающее, что содержание знания может быть представлено либо как описание этого опыта, либо сведено к нему.

Эристика (от греч. – искусство спорить) – искусство ведения спора (полемика) с целью достижения в нем победы.

Эстетика (от греч. – чувствующий) – раздел философии, изучающий ценностное отношение человека к миру и к сфере художественной деятельности людей.

Эсхатология – религиозная теория о конечных судьбах мира и человека.

Явление – философская категория, выражающая: 1) поверхностное бытие сущности, внешнюю форму ее существования, обнаружения; 2) любое формообразование в его целостности; 3) видимость (кажимость) – сущность в неадекватной, искаженной форме.

Язык – система знаков, служащая средством общения, мышления, выражения, накопления и передачи опыта, норм, традиций.

Выдающиеся философы

Августин Блаженный (354-430) – неоплатоник, схоласт, теолог. Сформулировал религиозные принципы: а) креационизм – учение о сотворении мира Богом из ничего; б) антропоцентризм – учение о человеке как центре Вселенной; в) провиденциализм – учение о Божественном

предопределении. Августин выделял два царства: земной и божий («О граде божьем»).

Аристотель Стагирит (384/383-322/321 до н.э.) – «универсальная голова античности». Рассматривал вопросы логики, психологии, бытия, гносеологии, космологии, физики, экономики, политики, этики, риторики, и др. Все окружающее состоит из первоматерии, которую форма превращает в реальное бытие. Человек – «zoön politikon» – общественное животное. Наилучшие государственные формы: монархия, аристократия, умеренная демократия; наихудшие – тирания, олигархия, охлократия. («Органон», «Политика», «Риторика», «Поэтика»).

Бердяев Н.А.(1874-1948) – русский религиозный философ (персоналист). С 1922 в эмиграции. Сторонник примата свободы над бытием. Критик буржуазного общества и идейный противник марксизма. («Смысл творчества», «Смысл истории», «О назначении человека». «Самосознание»).

Бэкон Ф. (1561-1626) – английский государственный деятель и философ, родоначальник эмпиризма (учение, признающее основой познания опыт). Разрабатывал проблемы индукции. Считал, что познанию мешают заблуждения, которые он назвал идолами: рода, пещеры, рынка, театра. Крылатое выражение «Знание – сила» («Новый Органон», «История жизни и смерти»).

Вернадский В.И. (1863-1945) – рассматривал проблемы: многообразия пространственно-временных состояний материи, соотношения эмпирического и теоретического в научном познании, природу научного мировоззрения, социальные функции науки, закономерности перехода биосферы в ноосферу, то есть сферу разума («Размышления натуралиста», «Биогеохимические очерки»).

Вольтер (1694-1778) – родоначальник французского Просвещения. Критик феодальных отношений, сторонник компромиссов, рассматривающий историю как творчество самих людей («Философские письма», «Философский словарь»).

Гегель Г. (1770 –1831) – немецкий философ, объективный идеалист, создатель философской системы и диалектического метода. За первооснову он берет саморазвивающуюся «абсолютную идею». Центральное место в диалектике занимает категория противоречия как единства взаимоисключающих и одновременно взаимопредполагающих противоположностей. Сторонник монархического устройства государства («Феноменология духа», «Наука логики», «Философия религии»).

Гераклит из Эфеса (ок. 544-ок. 483 до н. э.) – стихийный диалектик, считал, что мир не создан никем из богов и людей. Первооснова мира – огонь, закономерно воспламеняющийся и снова закономерно угасающий. Его крылатая фраза «Все течет, все меняется». («О природе», «Музы»).

Гиппократ (ок. 460-ок. 370 до н. э.) – «отец медицины», основоположник научного подхода к болезням человека и их лечению. Выделил четыре основных темперамента – сангвинический, холерический, флегматический, меланхолический («О древней медицине», «О воздухе, водах и местностях»).

Гоббс Т. (1588-1679) – английский философ материалист. Все в мире детерминировано и учит нас предвидеть следствия и использовать их для своей жизни. Природа человека определяется естественными законами (война всех против всех). Для выживания необходимо объединяться (договорная теория государства). Церковь подчиняется светской власти («Основы философии», «О человеке», «Левиафан»).

Декарт Р. (1596-1650) – французский философ, родоначальник рационализма. Обосновал метод дедукции и его правила: брать за основу очевидное; расчленять сложную систему на составляющие; идти от простого к сложному, труднопостижимому; не упускать в рассуждении ни одного звена. Крылатое выражение «Мыслю, следовательно, существую» («Рассуждение о методе», «Начала философии»).

Демокрит (ок. 470 или 460-ок. 371 до н.э.) – основатель атомизма. Все состоит из атомов, которые различаются по форме и величине, месту и расположению, цвету и запаху. Душа человека состоит из «огненных» атомов. Сторонник умеренного образа жизни.

Добролюбов Н.А. (1836-1861) – непримиримый противник теологии, схоластики и академического теоретизирования. Считал, что общество должно позаботиться о материальном благополучии человека, а его нормальное развитие будет тогда, когда человек, не мешая другому, беспрепятственно пользуется всеми благами природы. Он считал, что искусство должно стать проводником благородных идей. (Постоянный сотрудник журнала «Современник»).

Ибн Рушд Аверроэс (1126-1198) – арабский философ, основоположник теории двойственной истины. Истина религиозная учит поведению, истина философская помогает правильно воспринимать окружающий мир («Опровержение опровержения»).

Ильин И.А. (1882-1954) – русский религиозный философ, неогегельянец, с 1922 г. в эмиграции. Сторонник свободы, без которой нет

путей к достойной человека жизни. («О сопротивлении злу силою», «Путь духовного обновления»).

Кант И. (1724-1804) – родоначальник немецкой классической философии, дуалист, агностик. Признавал существование «вещей в себе», познать которые невозможно. Сформулировал категорический императив, как закон морали: «Поступай так, чтобы правило личного поведения могло стать правилом поведения для всех». («Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Критика способности суждения»).

Конфуций (551-479 до н.э.) древнекитайский философ, основатель конфуцианства. Антропоцентрист. Его волнует умственный и нравственный облик человека (благородного мужа), обладающего: мудростью, гуманностью, верностью, почтением к старшим, мужественностью. Конфуцианство предполагало четкое иерархическое разделение обязанностей в обществе. Конфуцианство – государственная доктрина Китая до 1949 г.

Ленин В.И. (1870-1924) – теоретик марксизма. Обосновал выход из кризиса в физике на рубеже XIX-XX вв. Развил идеи материи и движения, теории отражения, истины, исторического кризиса, его движущих сил, законов и закономерностей («Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради»).

Локк Д. (1632-1704) – английский философ просветитель, эмпирик. Настойчиво призывал к веротерпимости. Обосновал разделение властей: законодательная, исполнительная, федеральная (внешних отношений). («Опыт о человеческом разуме», «О пользовании разумом», «Разумность христианства»).

Ломоносов М.В. (1711-1765) – ученый-энциклопедист. В философии механистический материалист. Основными элементами научного познания он считал эксперимент, математику и теорию. Развитие общества связывал исключительно с развитием образования, просвещения и ремесел. Инициатор основания МГУ («О слоях земных»).

Макиавелли Н. (1469-1527) – итальянский философ, республиканец, приверженец демократии. Считал, что все средства дозволены для достижения политических целей. Макиавеллизм – беззастенчивая политика, пренебрегающая нормами морали для достижения целей («Государь», «Рассуждения на I декаду Тита Ливия»).

Маркс К. (1818-1883) – родоначальник теории прибавочной стоимости, классовой борьбы, материалистического понимания истории, основатель и руководитель первых международных пролетарских организаций.

Основоположник нового мировоззрения – активно изменяющего окружающий мир. («Капитал», «Тезисы о Фейрбахе», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»).

Мах Э. (1838-1916) – австрийский философ идеалист. Считал, что мир есть «комплекс ощущений» и задача науки описание этих ощущений. Один из основоположников неопозитивизма («Познание и заблуждение», «Новые идеи в философии»).

Монтескье Ш.Л. (1689-1755) – французский философ. Большое внимание уделял праву обосновывал законы и политическую жизнь исходя из природных и исторических условий стран. Поддерживал идею Локка о разделении властей: законодательная, исполнительная, судебная. («О духе законов», «Персидские письма»).

Пифагор (580-500 до н.э.) – древнегреческий философ, провозгласивший принципы математики принципами мира. Создатель религиозно-философского братства с ритуализованным уставом и общностью имущества. Первым использовал понятие «философия».

Платон (427-347 до н.э.) – основатель школы Академия, объективный идеалист. Реально существуют «идеи», они вечны, не возникают, не погибают. Их познание – воспоминания бессмертной души, воспринимаемые до вселения в смертное тело. Основоположник теории идеального государства состоящего из трех сословии: правителей, стражников (воинов) и ремесленников. Они соответственно должны обладать добродетелями: мудростью, мужеством, благоразумием и все справедливостью («Апология Сократа», «Закон», 34 диалога и 13 писем).

Просветители русские – Аничков Д.С. (1733-1788), Третьяков И.А. (ум.1776), Поленов А.Я. (1738-1816), Фонвизин Д.И. (1745-1792), Новиков Н.И. (1744-1813) подвергали острой критике произвол и жестокость крепостников-помещиков, продажность царских чиновников и судей, невежество и паразитизм духовенства.

Радищев А.И. (1749-1802) – русский философ, зачинатель борьбы против крепостного права и самодержавия, сторонник просвещения народа и его права на восстание, как доведенного до «крайности» («Вольность», «О человеке, его смерти и бессмертии», «Путешествие из Петербурга в Москву»).

Руссо Ж.Ж. (1712-1778) – французский просветитель натуралист призывающий «назад, к природе». Сторонник теории общественного договора, естественного развития личности («Эмиль, или о воспитании», «Об общественном договоре»).

Сковорода Г.С. (1722-1794) – украинский странствующий философ, крестьянский просветитель. За основу человека он принимал «сродность» – предрасположенность к определенному виду деятельности, которая выявляется через самосознание. Помочь человеку в самосознании призвана социальная педагогика.

Сократ (469-399 до н.э.) – идеалист, создатель майевтики, как искусства познания самого себя. «Я знаю, что я ничего не знаю, но некоторые не знают даже этого». Своей иронией побуждал в других стремление к истине. Трудов не оставил, но вошел в историю благодаря трудам своих учеников Платона и Ксенофонта.

Соловьев В.С. (1853-1900) – русский религиозный философ, выступал за объединение «Востока и Запада» через воссоединение церковей, борец за свободу совести, против национально-религиозной дискриминации («Чтение о Богочеловечестве», «Россия и вселенская церковь», «Смысл любви», «Оправдание добра»).

Спиноза Б. (1632-1677) – нидерландский философ, пантеист, отождествлял бога и природу в единое как вечную и бесконечную субстанцию, обладающую атрибутами: протяжение и мышление. Считал возможным сочетание частных эгоистических интересов граждан с интересами всего общества. («Политический трактат», «Этика»).

Толстой Л.Н. (1828-1910) – русский философ родоначальник религиозно-утопического направления. Сторонник преодоления насилия в отношениях между людьми путем «непротивления», (этика ненасилия), нравственного совершенствования каждого отдельного человека. («Исповедь», «В чем моя вера?»).

Ученая дружина – Татищев В.Н. (1686-1750), Прокопович Ф. (1681-1736), Посошков И.Т. (1652-1726), Кантемир А.Д. (1708-1744) – представители первого этапа развития философской мысли периода зарождения буржуазных отношений. Главные идеологи и обоснователи петровских реформ.

Федоров Н.Ф. (1829-1903) – русский религиозный философ, родоначальник космизма. Основным злом считал смерть и предлагал идею воскрешения предков через овладение природой, переустройство человеческого организма и освоение космоса. («Философия общего дела»).

Фейербах Л. (1804-1872) – немецкий философ материалист, атеист. Яркий критик религии, которая, по его мнению, парализует стремление человека к лучшей жизни в реальном мире и к преобразованию этого мира.

Любовь к человеку – истинная религия. («Сущность христианства», «Сущность религии», «Вопросы о бессмертии души»).

Фома Аквинский (1225-1274) – средневековый философ, схоласт, «учитель церкви». Все мироздание установлено богом и предопределено. Обосновал пять доказательств существования бога. («Сумма теологии», «Сумма против язычников», «О правлении государей»).

Хомяков А.С. (1804-1860) – религиозный философ, основоположник славянофильства. В русской крестьянской общине видел основную особенность развития России, в православии – источник просвещения Руси. («О старом и новом», «Записки о всемирной истории»).

Циолковский К.Э. (1857-1935) – родоначальник космической философии (космизма), как ряда циклических усовершенствований бытия, идеолог космического расселения человечества в Солнечной системе, на основе разработанных им идей использования реактивного принципа для полета в мировом пространстве («Будущее Земли и человечества», «Общественная организация человечества»).

Чаадаев П.Я. (1794-1856) – родоначальник русской религиозной философии. Странник приобщения России к западной цивилизации, призывал воспользоваться уроками народов, нас опередивших. («Философские письма»).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авдеев В.И. Становление культуры мышления как проблема. Воронеж: Изд-во Воронежского университета. 1992. 232 с.
2. Автономова Н.С. Заметки о философском языке: традиции, проблемы, перспективы // Вопросы философии. 1999. №11. С. 13– 29.
3. Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М.: Наука. 1977. 325 с.
4. Азаренко С.А. О текстовом механизме трансляции нравственного содержания культурной традиции (на материалах библейского текста) // Автореферат на соискание уч. ст. канд. филос. наук. Екатеринбург. 1992. 35 с.
5. Алексеев А.П.. Философский текст: идеи, аргументация, образы. М.: Прогресс-Традиция. 2006. 328 с. URL.: <http://scibook.net/yazyika-filosofiya/filosofskiy-tekst-idei-argumentatsiya-obrazyi.html>
6. Алоян Н.М. Герменевтический аспект обучения в контексте философской культуры // Автореферат на соискание уч. ст. канд. филос. наук. Ростов-на-Дону. 1999. 42 с.
7. Антонов В.И. Символ, условность, культура // Вестник МГУ. Серия «Философия». 1993. №3. С.14–26.
8. Асмус В.Ф. Античная философия. М.: Высшая школа, 1976. 543 с.
9. Асмус В.Ф. Античная философия. М.: Высшая школа, 1999. 520 с.
10. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, Универс. 1994. 610 с.
11. Барт Р. Мифологии. М.: Мысль. 1995. 498 с.
12. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб: Азбука. 1994. 333 с.
13. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература. 1986. 543 с.
14. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература. 1975. 502 с.
15. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская литература. 1979. 317 с.
16. Белый А. Символизм и миропонимание. М.: Республика. 1994. 526 с.
17. Беляева Л.А. Социокультурные основания педагогической деятельности // Автореферат на соискание ученой степени доктора философских наук. Екатеринбург. 1994. 45 с.
18. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда. 1989. 620 с.

19. Бибихин В.В. Язык философии. М.: Наука.1993. 325 с.
URL.: http://bibikhin.ru/yazik_filosofii
20. Библер В.С. Мышление как творчество. М.: Политиздат. 1975. 399 с.
21. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в 21 век. М.: Политиздат. 1991. 412 с.
22. Блинников Л.В. Великие философы. Словарь-справочник. М.: Логос. 2006. 432 с.
23. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет. 2000. 258 с.
24. Вайнштейн О. Для чего и для кого писать эссе? // Литературная учеба. 1985. №2.
25. Вартофский М. Модели: репрезентация и научное понимание. М.: Прогресс. 1988. 501с.
26. Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерк истории русской философии. Екатеринбург: Изд-во УрГУ. 1991. 501с.
27. Виндельбанд В. Прелюдии. Философские статьи и речи. СПб.1904. 512 с.
28. Винтгенштейн Л. Голубая книга: Лекции и беседы по эстетике, психологии и религии. М.: Дом интеллектуальной книги. 1999. 127 с.
29. Гадамер Г.-Х. Философия и герменевтика. Актуальность прекрасного. М.1991. С. 77.
30. Гадамер Х.-Г. Текст и интерпретация // Герменевтика и деконструкция / Под ред. В. Штегмайера, Х. Франка, Б.В. Маркова. С-Пб. 1999. С. 202–242.
31. Гадамер Г.-Х. О круге понимания. Актуальность прекрасного. М. 1991. С. 11.
32. Гольшева М.О. История философии. Издательство: Интернет-Университет Информационных Технологий. 2011. 405 с.
33. Голенков С.И. Культура, смысл, сознание. Самара: Изд-во СамГУ, 1996. 196 с.
34. Грядовой, Д.И. История философии. Древний мир. Античность. Книга 1: учебник / Д.И. Грядовой. Издательство: Юнити-Дана. 2012. 463 с.
35. Грядовой Д.И. История философии. Средние века. Возрождение. Новое время. Книга 2: учебник. Издательство: Юнити-Дана. 2012. 454 с.
36. Грядовой Д.И. История философии. Европейское Просвещение. Иммануил Кант. Книга 3: учебник. Издательство: Юнити-Дана. 2012. 471 с.
37. Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. М.: Высшая школа. 1980. 480 с.

38. Двадцать лекций по философии. Екатеринбург: Банк культурной информации. 2000. 404 с.
39. Делез Ж. Гваттари Ф. Что такое философия. С-Пб.: Мысль, 1995. 253 с.
40. Делез Ж. Различие и повторение. М.: ТООТК «Петрополис». 1999. 384 с.
41. 65. Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический проект. 2000. 495 с.
42. Желнов М.В. Предмет философии в истории философии. Предыстория. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1981.
43. Завельский А.А., Завельская Д.А., Платонов С.И. Текст и интерпретация. URL.: <http://www.textology.ru/public/interpr.htm> 1.
44. Зильберман Д.Б. Традиция как коммуникация: трансляция ценностей, письменность // Вопросы философии. 1996. №4. С.96–102.
45. Зубова М.В. «Идеальный философский текст» в истории философии. URL.: http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/296-article_6-7.-tml
46. Зуев К.А. Кротков Е.А. Парадигма мышления и границы рациональности // Общественные науки и современность. 2001. №1. С.22–36.
47. Иванов О.Б. К проблеме возникновения жанра эссе // Вопросы поэтики художественного творчества. Ростов-на-Дону. 2004. 65 с.
48. История философии: Запад – Россия – Восток. Учебник для высших учебных заведений (Кн. 1,2,3,4) / Под ред. Н.В. Мотрошиловой. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина. 2007. 448 с.
49. Канке В.А. Философия: Исторический и систематический курс. М.: Логос. 2009. 563 с.
50. Кант И. Метафизика нравов. URL.: <http://filosof.historic.ru/books/tem/f00/s00/z0000502/>
51. Кругликов В.А. Эстетика эссеизма. Изд-во РАН. Ин-т философии. М.1993.
52. Карасев Л.В. Живой текст // Вопросы философии. 2001. №2. С. 2032.
53. Ким В.В. Стиль научного мышления и его структура // Уральская философская школа и ее вклад в развитие современной философии. Екатеринбург: Изд-во УрГУ. 1996. С. 18–37.
54. Ким В.В. Блажевич Н.В. Язык науки. Екатеринбург: Банк культурной информации. 1998. 215 с.
55. Козлова М.С. Философия и язык (критический анализ некоторых тенденций эволюции позитивизма 20 в.) М.: Мысль. 1972. 254 с.

56. Козлова М.С. Был ли Л. Витгенштейн логическим позитивистом? (К пониманию природы философии). URL.: <http://iphras.ru/page50370753.htm>
57. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых. М.: «Че-Ро». 2000. 133 с.
58. Кропотков С.Л. Экономика текста в неклассической философии искусства Ницше, Батая, Фуко, Деррида. Екатеринбург: Гуманитарный университет. 1999. 405 с.
59. Кротков Е.А. Специфика философского дискурса: логико-эпистемологические заметки // Общественные науки и современность. 2002. №1. С.35–46.
60. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М.: МГУ. 1991. 168 с.
61. Кузнецов В.Г. Словарь философских терминов / В.Г. Кузнецов. М.: Инфра-М. 2009. 729 с.
62. Кузнецов, В.Г., Кузнецова, И.Д., Момджян, К.Х., Миронов, В.В. Философия. Учение о бытии, познании и ценностях человеческого существования: Учебник / В.Г. Кузнецов. М.: ИНФРА-М. 2010. 519 с.
63. Куренной В. Как сделать наши переводы ясными. URL.: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/47/08.pdf>.
64. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. С-Пб.: Искусство-СПб. 1998. Серия 7. Философия. 1993. N 4. С. 19–25.
65. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. Спб.: Высшая религиозная философская школа. 1999. – 256 с.
66. Лекторский В.А. Деятельностный подход: смерть или возрождение // Вопросы философии. 2001. №2. С.56–66.
67. Леонов В.Г. Социально-философские основания гуманизма и гуманитарной рефлексии как фактор и условие развития культуры // Автореф. на соискание уч. ст. д. филос. н. Барнаул, 1999. 44 с.
68. Литвинов В.П. Полилогос: проблемное поле. Тольятти: Изд-во МАБ и БД. 1997. 203 с.
69. Лойфман И.Я. Мировоззренческие штудии. Екатеринбург: Банк культурной информации. 2002. 947 с.
70. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль. 1993. 958 с.
71. Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение. М.: Мысль. 1995. 995 с.
72. Лотман Ю.А. Внутри мыслящих миров. Человек. Текст. Семиосфера. История. М.: Мысль. 1999. 690 с.
73. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс. 1992. 412 с.

74. Марков Б.В. Философия: учебник. СПб.: Питер2009. 426 с.
75. Мамардвшвили М.К. Лекции по античной философии.URL.: <https://www.psyoffice.ru/9/mamar01/txt00.html>
76. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL/book. 1994. 340 с.
77. Меньчиков Г.П. Духовная реальность человека: (анализ философского онтологических основ) // Автореф. на соискание уч. ст. д.филос.н. Казань. 1999. 48 с.
78. Мережковский Д.С. Христос и Антихрист в русской литературе: Толстой и Достоевский. С-Пб. 1901. 544с.
79. Микешина Л.А. Специфика философской интерпретации // Вопросы философии. 1999. №11. С.3–13.
80. Миронов В.В. Образы науки в современной культуре и философии. М.1997.
81. Михайлов А.В. Мартин Хайдеггер: человек в мире. М.: Наука. 1990. 253 с.
82. Многообразие жанров философского дискурса. Екатеринбург: Банк культурной информации. 2001. 276 с.
83. Монтень М. Опыты: В 3 книгах / пер с фр. А.С. Бобовича, Ф.А. Коган-Бернштейн, Н.Я. Рыковой. М. 1997.
84. Морева Л.М. Лев Шестов. Л.: ЛГУ.1995. 20 с.
85. Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей. М.: Политиздат. 1991. 463 с.
86. Мысливченко А.Г. Человек как предмет философского познания. М.: Мысль. 1972. 190 с.
87. Налетов И.З. Конкретность философского знания. М.: Мысль, 1986. 235 с.
88. Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. М.: Гнозис. 1994. 216 с.
89. Новиков К.Е. Счастливец Р.А. Специфика философской интерпретации. Обзор. Вопросы философии. 1999. №11. С. 40–49.
90. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. Фонд; Научно-ред. совет: предс. В. С. Степин, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. М.: Мысль. 2010. Т. 1. 744 с., Т. 2 . 634 с., Т. 3. 692 с. Т. 4. 736 с.
91. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия. М.: Наука. 1991. 414 с.
92. Ортега-и-Гассет Х. Вера и разум в сознании европейского средневековья. Человек. // Человек. 1992. № 2. С. 97–105.
93. Овчинников Н.Ф. Знание болевой нерв философской мысли (к истории концепции знания от Платона до Поппера). Вопросы философии. 2001. № 124–152.

94. Подорога В.А. Философское произведение как событие. Постмодернизм и культура (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1993. №3. С.10–14.
95. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 1–4. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1994–1997. Т. 1.336 с., Т.2 .368 с., Т.3. 880 с., Т.4. 880 с. 2009.735 с.
96. Рузавин Г.И. Методология научного познания: Учебное пособие для вузов . Издательство: Юнити-Дана. 2012. 287 с.
97. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки Богов общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989. С. 319-344. URL.: http://scepsis.net/library/id_545.html
98. Рейсер С.А. Палеография и текстология нового времени. М.: Наука. 1970. 356 с.
99. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М.: АО «КАМИ» Изд. Центр «ACADEMIA». 1995. 255 с.
- 100.Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки по герменевтике. М.: М.: АО «КАМИ» Изд. центр «ACADEMIA». 1995. 95 с.
- 101.Розин В.М. Мышление в контексте современности // Общественные науки и современность. 2001. №5. С.17–29.
- 102.Рикер П. Герменевтика и метод социальных наук. URL.: <http://www.philosophy.ru/library/ricoeur/social.htm>
- 103.Рикер П. Парадигма перевода. URL.: доступа: <http://www.quebe.c.ru/Translation/Page1.htm>.
- 104.Розанов В. В. Опавшие листья: Избранные страницы. 2000, 316с.
- 105.Руженцева Н.Б. Прагматическая и речевая организация русского литературно-критического эссе XX века: Монография / Урал. Гос. пед. ун-т. Екатеринбург. 2001. 312 с.
- 106.Садовский В.Н. Если переводить плохо лучше не переводить вообще. Вопросы философии. 1999. №11. С. 29–34.
- 107.Сахарова Т.А. От философии существования к структуризму. М.: Наука, 1974. 294 с.
- 108.Светлов В.А. История философии в схемах и комментариях. Учебное пособие. / В.А. Светлов. С-Пб: «Питер». 2010. 256 с.
- 109.Семенова С.Г. Тайны царствия небесного. М.: «Школа-Пресс» 1994. 414 с.
- 110.Снитко Т.Н. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах // Автореф. на соискание уч. ст. д. филолог, н. Краснодар.1999. 48 с.
- 111.Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Наука. 1988. 630 с.

- 112.Тесленко М.А.. Литературный жанр эссе как философствование и способ философской рефлексии.URL.: <https://www.scienceforum.ru/2013/pdf/6344.pdf>
- 113.Трубина Е.Г. Гносеологический анализ языка науки. Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. Свердловск.1982. 45 с.
- 114.Трубина Е.Г. Рассказанное Я: проблема персональной идентичности в философии современности. Екатеринбург: УРО РАН. 1995. 151 с.
- 115.Тульчинский Г. Л. Философствование как самодеятельность или Персонологическая природа философии // Феномен самодеятельного философствования. СПб: РФО. СПб ФК. 2005.
- 116.Уваров М. Архитектоника исповедального слова. С-Пб.: «Прогресс»; «Гнозис», 1998. 244 с.
- 117.Философская антропология. Человек многомерный: учебное пособие под ред. С.А. Лебедева. Издательство: Юнити-Дана. 2012. 351 с.
- 118.Философское сознание: драматизм обновления. М.: Политиздат. 1991. 490 с.
- 119.Философский текст как философская коммуникация. URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskiy-tekst-kak-filosofskaya-kommunikatsiya>
- 120.Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс. 2000. 533 с.
- 121.Фуко М. Археология знания. Киев: Ника – центр.1996. 206 с.
- 122.Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: Л-cad.1994. 406 с.
- 123.Хайдеггер М. Мысли, постулаты, афоризмы, философские интерпретации, тезисы. Минск: Современное слово.1998. 384 с.
- 124.Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. 332 с.
- 125.Хайдеггер М. Отрешенность // Разговор на проселочной дороге. М.: Высш. шк.. 1991. С. 102–112. // <http://www.-lib.ru/-HEID-EG-GER/gelassen.txt>.
- 126.Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. Избранные статьи позднего периода творчества. М.: Высшая школа. 1991. 192 с.
- 127.Хайдеггер М. Тожество и различие. М.: Гнозис. 1997. 62 с.
- 128.Хайдеггер М. Что такое философия? // Вопросы философии. 1993. №8. С. 113–124.
- 129.Хрестоматия по западной философии. Античность, Средние века. Возрождение. М.: АСТ. 2008. 800 с.
- 130.Хрестоматия по философии. М.: Проспект. 2008. 574 с.

131.Цветкова И.В. Философский текст и философская культура в их динамически детерминированной взаимосвязи: Герменевтический аспект: Дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург. 2004.[http:// URL: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskiy-tekst-kak-filosofskaya-kommunikatsiya](http://cyberleninka.ru/article/n/filosofskiy-tekst-kak-filosofskaya-kommunikatsiya)

132.Чучин-Русов А.Е. Новый культурный ландшафт: постмодернизм или Архаика? // Вопросы философии. 1999. №4. С.24– 42.

133.Эпштейн М.Н. На перекрестке образа и понятия: эссеизм в литературе Нового времени // Парадоксы новизны. М. 1988. 210 с.

134.Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика. 1994. 528 с.